

4

РУССКАЯ
РЕЧЬ 1984

ИЮЛЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АВГУСТ

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 150-летию сказки П. П. Ершова «Конек-горбунок»
И. З. Сура т. Словесный мир сказки 3

Ю. А. Карпенко. Ономастические загадки В. П. Катаева 9

Н. В. Баландина. Демоническая ли новелла? (О поэтике рассказа В. Г. Распутина «Продается медвежья шкура») 15

А. А. Брагина. Поэтический символ русской земли 21

К уроку литературы

Л. И. Сараскина. В музеях Ф. М. Достоевского 28

ПРОПАГАНДИСТЫ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛЫ

Н. Н. Кохтев. Валериан Владимирович Куйбышев (1888—1935) 35

КУЛЬТУРА РЕЧИ

А. В. Степанов. Д. И. Менделеев и культура научного стиля 42

В. В. Колесов. Заметки на полях нового словаря 48

Л. А. Шкатова. Речевой этикет: если вы пассажир 54

Е. М. Лазуткина. Отвечает Служба языка: контроль [чего-, за чем-, над чем-либо] 58

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ 127, 139

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Александр Григорьевич Преображенский 60

Анатолий Михайлович Иорданский (1907—1974) 63

СРЕДИ КНИГ

<i>В. В. Одинцов. В. В. Виноградов</i>	66
<i>В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка</i>	99
<i>Серия «Культура русской речи»</i>	68
<i>Е. А. Зачевский, Е. Г. Ковалевская. Общее и национальное в лексике языков народов СССР</i>	85

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

<i>М. И. Исаев. Букет поэзии прекрасный</i>	72
<i>Н. Д. Иванова. Поэтика сравнений в казахской литературе</i>	76

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

<i>А. А. Булычев. Наследники Ивана Федорова</i>	87
<i>Е. Л. Немировский. Азбучного дела подъячий (О Василии Бурцове-Протопоове)</i>	93
<i>К 800-летию «Слова о полку Игореве»</i>	
<i>М. Ф. Гетманец. Каяла — скалистая река</i>	102
<i>В. И. Тищенко. Певец храбрых русичей</i>	108

ДЕЯТЕЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Александр Семенович Шишков (1754—1841)</i>	117
---	-----

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

<i>А. И. Кузьмин. Русский солдат в воде не тонет и в огне не горит</i>	124
<i>А. Т. Хроленко. Оценочность фольклорного слова</i>	128

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

<i>В. М. Мокшенок. Начеку и насмарку</i>	133
<i>В. Н. Вакуров. Мерка дело красит</i>	140
<i>В. Н. Миротворцев. Камень за пазухой</i>	147

ХРОНИКА	81
--------------------------	----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Год — годный — угодить; Профессия — специальность; Читать — прочитывать	152
--	-----

Кроссворд	150
----------------------------	-----

На обложке: Рисунок Б. Захарова

К 150-летию сказки П. П. Ершова
«Конек-горбунок»

Сказка П. П. Ершова «Конек-горбунок» была написана в 1834 году, когда автор был еще студентом. Сказочный жанр в русской поэзии к тому времени уже прославили творения Пушкина и Жуковского. Ершова принято считать учеником Пушкина, верным его последователем в этом жанре. И действительно, Ершов во многом усвоил традиции первых пушкинских сказок: в принципах подхода к фольклорному материалу, в характере сказочной образности, в воплощении «русского духа» сказки. Однако есть и то, что отличает сказочника Ершова от сказочника Пушкина. По нашему мнению, это — словесный мир сказки, тип организации сказочного повествования. Стиль пушкинских сказок при всей своей демократичности высоко поэтичен, в них нет нарочито неправильных конструкций, элементы просторечия встречаются довольно редко, а диалектизмы или малоупотребительные слова практически отсутствуют. Слово в сказках Пушкина семантически емко, но при этом в большинстве случаев стилистически нейтрально. Ершов же пере-

доверяет повествование о сказочных событиях условному рассказчику, который то и дело напоминает читателю о своем присутствии:

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало,—
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело,—
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.
Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было)...

(Цитируется: Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976). Слово *помнится* как бы подтверждает подлинность, достоверность сказочных событий, и читатель становится непосредственным свидетелем их. Сказка создается на наших глазах, рассказчик не подыскивает слова, а берет те, что под рукой, возникает иллюзия непосредственного разговора, свободной импровизации. С этим связан целый ряд стилистических особенностей сказки: и разговорная интонация, и наличие большого количества просторечных форм и выражений, «неправильных» с точки зрения нормированного литературного языка, но возможных в рамках устной речи. Важно, что такие случаи не являются исключением, а, напротив, составляют стилистическое лицо рассказчика.

Известно, что перед четвертым изданием писатель подверг сказку значительной переработке. Основной задачей для него было максимально «снизить» стиль сказки, придать ей подчеркнуто «нелитературный», просторечный характер и тем самым выделить роль рассказчика как посредника между читателем и поэтом. Голос рассказчика при этом почти сливается с голосами персонажей: они говорят на одном языке. Главной характеристикой слова на протяжении всей сказки становится его эмоциональная наполненность, необычность и новизна для просвещенного читателя. С этой целью Ершов преобразует привычные фразеологизмы. Например, «до костей я весь промерз» он заменяет в новой редакции: «до животиков промерз»; «до костей меня пробрал» — «до сердцов меня пробрал». Подыскивая синонимические выражения, он обновляет первоначальное значение фразеологизма, делает его физически ощутимым. А возникающие при этом грамматические неправильности («до сердцов») оказываются оправданными импровизационным характером повествования.

Стремясь к выразительности, Ершов в окончательной редакции сказки вводит целый ряд разговорных и просторечных форм в речь

рассказчика и персонажей. Это такие, например, словоформы, как *отродяся* (Мужички такой печали Отродяся не видали, в первоначальной редакции — *от рожденья*); *доселева* (А доселева не знает, Чем прощенье получить); *доселе* (А доселе не сыскал); *намеднишний* (Всю намеднишнюю ночь..., в первой редакции — *Всю сегодняшнюю ночь...*); *впоследни* (Чтоб впоследни с ним проститься); *оттудова* (Тут в котел с водой вареной, А оттудова в студеный); *теперича* (А теперича молись); *вчерасть* (Распроклятый тот карась Поносил меня вчерасть); *супротив* (Супротив больших палат); *всамделе* (Чу! всамделе, Двери глухо заскрыпели); *неча* (неча молвить); *страх* в значении «очень» (Страх жениться захотелось); *николи* в значении «никогда» (Не бывали николи); *сызнова* (Стало сызнова смеркаться). Часто в тексте встречаются усеченные формы прилагательных: *перва*, *разны*; просторечные формы местоимений: *те* вместо *тебе*, *тебя*; *тоё* вместо *ту*, *сколь* вместо *сколько*. Речь героев изобилует такими союзами, частицами и междометиями, как *коль*, *тошь* в значении «хоть», *кабы*, *ажно*, *аль*, *нешто*, *эвон*, *ахти*, *чур*, *чай*. Допускаются неправильные синтаксические конструкции, некоторые из которых бытуют как диалектизмы: *побежали по Ивана*, *из губи меня со света*, *на колени пред нею стал*, *приключилося им горе*, *на том свету*, *с усам*, *явились пред царя*. Иногда слова употребляются с нелитературным ударением: *свѣтил*, *на́звал*, *кѣту*, *кѣней*, *мордѣй*, для всякого случая. Так, в сцене, где описывается «чудо-юдо рыба-кит», встречается слово с таким ударением:

На хвосте сыр-бор шумит,
 На спине село стоит;
 Мужички на губе папугт...

Повторяем, что эти неправильности не случайны для Ершова, а, напротив, являются сознательным стилистическим приемом, ведь переработка сказки шла именно в этом направлении. В новую редакцию вводятся целые сцены, построенные полностью на просторечии. Таков, скажем, монолог Данилы, отсутствовавший в первой редакции сказки:

«Эх, как тёмно! — он сказал.—
 Хоть бы месяц этак в шутку
 К нам проглянул на минутку,
 Всё бы легче. А теперь,
 Право, хуже мы тетерь...
 Да постой-ка... Мне сдаётся,
 Что дымок там светлый вьётся...
 Видишь, эвон!.. Так и есть!..
 Вот бы курево развесь!

Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка брат Ванюша.
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня».

Таким образом, Ершов создает тот специфический «простонародный» колорит «Конька-горбунка», который отличает его сказку от других произведений этого жанра.

*

Совершенно особую и очень многочисленную группу составляют в «Коньке-горбунке» просторечные формы глаголов. Надо отметить, что глаголы вообще играют в народной сказке более активную роль, чем в других фольклорных жанрах, поскольку специфика сказки состоит в динамичности ее сюжета, в стремительном развитии действия. Эту особенность прекрасно почувствовал Ершов, что отразилось в «Коньке-горбунке». Сказка Ершова и по размеру значительно больше средней фольклорной сказки, и описательный момент в ней более выражен, что, казалось бы, должно было ослабить ее динамическую напряженность. Однако этого не происходит. Напротив, мир ершовской сказки удивительно подвижен, и дело здесь не столько в пространственных перемещениях героев, сколько в живости, наглядности и емкости каждого отдельного действия. И создается такое ощущение во многом за счет выразительности глагольных форм — разговорных, просторечных, архаичных или просто малоупотребительных. Приведем некоторые из таких глаголов в соответствующем контексте: «*Ту царевну сохватай*», «*Прикорнулся на кулак*», «*Если вновь принужусь я*» (в значении «пригожусь»), «*Побегай в дозор, Ванюша*», «*Выпущай меня на волю*», «*Братья коников свели*» (в значении «увели, украли»), «*Что переться — дело наше*» (в значении «отпираться»), «*Вишь, надселися от крика!*», «*И не чистит, и не школит*» [коней], «*Потуришь вон из дворца*», «*Царь смотрел и дивовался*», «*кабы всех переимать*» (в значении «переловить»), «*Позевнул и задремал*», «*Чтоб пропасть ему, собаке! Чтоб издохнуть в буераке!*», «*Как пуцусь да побегу, Так и беса настигу*», «*Изо всех горланит сил*».

Особый интерес представляют те случаи, когда Ершов заменяет первоначально найденный глагол нейтрального звучания на другой, менее употребительный, но более выразительный. Например, выражение «Как бы вора им поймать» он замевает на «Как бы вора соглядать», и глагол *соглядать* здесь более уместен, так как содержит в себе и значение «выследить», что как раз и делает

в дальнейшем герой сказки. В другом месте строки «Братья ну его ругать, Стали в поле посылать» Ершов заменяет следующими: «Братья ну ему пенять, Стали в поле погонять». Глагол *пенять*, конечно, более выразителен, чем *ругать*, а глагол *погонять* по сравнению с *посылать* содержит в себе дополнительное значение, уточняющее отношение старших братьев к младшему.

Ершов вообще часто вводит в текст общеупотребительные глаголы в переносном или редком значении. Так, в строках «Кто-то начал к ним ходить И пшеницу шевелить» глагол *шевелить* употреблен в значении «мять, ворошить». Вся стихотворная фраза приобретает особую пластичность и оттенок завораживающей тайны.

Подобный прием видим и в других случаях. Скажем, в строке «Зубы начали плясать» глагол *плясать* с особой наглядностью передает состояние дрожащего от холода героя. А в строках «Спальник наш к нему явился, Стукнул крепко об пол лбом И запел царю потом...» глагол *запел* в переносном значении «заговорил» точно характеризует образ спальника — клеветника и подхалима.

Интересно и неожиданно появление деепричастия от глагола *починить* в следующих строках:

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.

Весь отрывок приобретает резко ироничный смысл, потому что глагол *починить* здесь употреблен в противоположном значении.

*

Для Ершова важно не просто рассказать о чем-то читателю, но заразить его «сказочным духом», вовлечь в эмоциональную атмосферу сказки. Поэтому мир «Конька-горбунка» пластичен, нагляден, в нем много так называемых «словесных жестов», то есть слов, обозначающих действие чисто эмоционального содержания. Таковы глаголы *дрягнул* (Горбунок, его почуя, Дрягнул было плясовую), *ломится* (А конек его — горбатко — Так и ломится впрысядку), *дуют* (Так и дуют босиком), *брякнул* (С этим словом сундучок Брякнул плотно на песок). Нетрудно заметить, что во всех приведенных примерах лексическое значение слова затушевывается, отодвигается на второй план за счет активизации эмоционального значения.

Показательно употребление Ершовым особых глагольных форм — так называемых междометных глаголов, употребляющихся

в функции сказуемого и передающих непосредственно само движение во всей его экспрессии. «Тут конек под ним забился, *Прыг* на берег и пустился», «*Хватъ* перо — и след простыл», «Спальник тут с полатей *скож*». В той же функции выступают инфинитивные формы глаголов с частицей *ну* или *давай*: «Ерш ну рваться и кричать», «И давай из всех морей Ерш скликать к себе сельдей».

*

Немалую роль в тексте сказки играют существительные в роли сравнений и наречия (бешено, змеем, как стрела, кругом, *пластью*, *скоком*, *дыбом*).

Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьется кругом над полями,
Виснет *пластью* надо рвами,
Мчится *скоком* по горам,
Ходит *дыбом* по лесам...

Подобная «картинность», живописность составляет отличительную особенность ершовской сказки. Автор любит описывать жесты героев, их мимику. Речь героев часто сопровождается краткими ремарками рассказчика: «ухватившись под бока», «надувшись», «руки в боки», «корчась». Герои сказки вообще ведут себя бурно, что, конечно, проявляется в их речи. Помимо разного рода эмоциональных восклицаний типа «Что за бес!», «Тьфу ты, дьявольская сила!», «Что за диво!», «Черти б вас побрали!», главный герой сказки — Иван, желая выразиться как можно более решительно, употребляет характерные междометные существительные: «Нет уж, *дудки*, ваша милость» или «Нет пера, да и *шабалки*!» Выясняя отношения, герои часто награждают друг друга различными прозвищами, такими, как *вор*, *шайтан*, *саранча*, *болезнь злая*, *окаянный зубоскал*, *неумойка*, *сонная тетеря*. Из всего этого складывается особая живая эмоциональная атмосфера сказки.

Ершов предпринял в «Коньке-горбунке» попытку как можно более полно вжиться в сказочную стихию, перевоплотиться в простонародного рассказчика, и главным средством такого перевоплощения стало живое русское слово.

И. З. СУРАТ

Рисунок Б. Захарова

Ономастические загадки

В. П. КАТАЕВА

мемуарной повести «Алмазный мой венец» В. П. Катаев отказался от собственных имен и ввел для обозначения своих персонажей, преимущественно известных советских писателей, различные заменители их фамилий.

Несколько раз автор обсуждает проблему прозвищ, обосновывает их введение: «Не могу взять грех на душу и назвать их подлинными именами. Лучше всего дам им всем прозвища, которые буду писать с ма-

ленькой буквы, как обыкновенные слова: ключик, птицелов, эскесс... Исключение сделаю для одного лишь Командора. Его буду писать с большой буквы»; «Умоляю читателей не воспринимать мою работу как мемуары. Терпеть не могу мемуаров. Повторяю. Это свободный полет моей фантазии, основанный на истинных происшествиях, быть может, и не совсем точно сохранившихся в моей памяти. В силу этого я избегаю подлинных имен, избегаю даже выдуманных фамилий»; «Здесь уместно объяснить читателю, почему я избегаю собственных имен и даже не придумываю вымышленных, как это принято в романах.

Но, во-первых, это не роман. Роман — это компот. Я же предпочитаю есть фрукты свежими, прямо с дерева, разумеется выплевывая косточки.

А во-вторых, сошлюсь на Пушкина:

„Те, которые пожурили меня, что никак не назвал моего Финна, не нашед ни одного имени собственного, конечно почтут это

за непростительную дерзость — правда, что большей части моих читателей никакой нужды нет до имен и что я не боюсь никакой запутанности в своем рассказе...“

Я тоже не боюсь никаких запутанностей».

И Катаев, скажем, пишет «королевич, соратник и я», а не «Есенин, Асеев и я»; или «щелкунчик», «ключик», «птицелов» и «мулат», а не Мандельштам, Олеша, Багрицкий и Пастернак. Но надо помнить то, что *ключик* — это не совсем Ю. Олеша, а *королевич* — это не совсем С. Есенин, что между ключиком и Олешей (и т. д.) пролетела авторская фантазия и устранены какие-то «косточки» реальных событий. А определенная деформация событий — общая закономерность любых воспоминаний. Наука экспериментально установила, что «исходные воспоминания сплавляются с поздними влияниями и изменяются ими» (Хант М. «Вселенная» внутри нас. — За рубежом, 1982, № 38).

Заменители фамилий в большинстве своем легко раскрываются. К примеру, фраза: «синеглазый делал первые наброски „Белой гвардии“». Все знают, что написал «Белую гвардию» М. Булгаков. В повести часто встречаешь знакомые названия (Командор изобразил различные организации в стихотворении «Прозаседавшиеся», королевич читает поэму «Черный человек», мулат щедро читал стихи из своей книги «Сестра моя жизнь» и т. д.), и неизбежно возникают имена их авторов. А от них цепочка интереса тянется ко все более и более трудным для отождествления прозвищам: ассоциативное мышление свойственно не только писателям, но и читателям — это одна из главных закономерностей всякого мышления. Есть, правда, трудные для расшифровки заменители. Так, без специальных поисков не узнаешь, что *эскесс* — это Семен Кесельман (1889—1940), одесский поэт начала века. *Эскесс* — это прозвище образовано на основе подлинного именованя носителя: *с* (произносится «эс») Кес(ельман).

Ономастические вопросы и загадки «Алмазного моего венца», по нашему мнению, как будто бы можно сформулировать следующим образом: какие собственные имена устраняются и какие нет? как, какими путями достигается безымянность, а точнее говоря — создается некая ономастическая вуаль повествования? зачем все это делается? и, наконец, — каков результат особого отношения писателя к собственным именам?

В. П. Катаев вводит заменители-прозвища для людей своего литературного круга, для персонажей. У остальных сохраняются имена. Если кто-то появляется в повести под своим подлинным именем, то это означает, что речь о данном человеке не пойдет, что он упомянут в связи с рассказом о чем-то другом, о каких-то других людях или событиях («О Льве Толстом и Наполеоне судили

строго, но справедливо», «Лев Лунц, приведенный Кавериним в Мыльников переулоч...» и т. д.). Пронзительные слова о Блоке (которого писателю ни разу не довелось увидеть) составляют часть описания харьковской эпопеи ключика и самого лирического героя. И поэтому А. Блок — в отличие, например, от В. Маяковского, В. Хлебникова или С. Есенина — назван в повести по фамилии, а не каким-либо ее заменителем. А наследник («один из нашей литературной компании», вероятно — Л. Славин) вообще никак в повести не описан и только трижды назван — два раза в натуре и раз среди изваяний из «космического вещества». Но все равно он — персонаж: и в Мыльниковом переулке бывал, и говорит сознанию лирического героя «о поэзии, молодости, минувшей жизни». В результате и здесь фигурирует прозвище.

*

Появление прозвища — сигнал о персонаже. Различение прозвищ и фамилий — это различение героев (насколько возможны герои воспоминаний) и упоминаемых лиц. Вместе с тем прозвище — сигнал близости, знакомства рассказчика с его носителем. Герои эпизодические обходятся вовсе без прозвищ, фамилий, имен. Ср. «новая жена королевича, внучка самого великого русского писателя, вся в деда грубоватым мужицким лицом, только без известной всему миру седой бороды».

Как же создается особый ономастический мир произведения Катаева? Прежде всего — самим фактом замены фамилий, созданием для персонажей специальных литературных прозвищ. Они преимущественно эмоциональны, но, будучи дружескими кличками, необычны. Некоторые из них явно содержат иронию, шутку, хорошо сочетающуюся с большой привязанностью. Ср. *вьюн*, *арлекин* или *мулат*, мотивируемый не только смуглостью и «своими африканскими белками», но и таким образом: «мулат — по ходячему выражению тех лет, похожий одновременно и на араба и на его лошадь». Восхищение и любовь, по-видимому, исчерпывают весь эмоциональный потенциал прозвищ *Командор*, *бюджетлянин*, *королевич*.

И еще. Прозвища характеризуют именно людей, а не их творчество. Они могут указывать на характерные физические признаки (*мулат*, *синеглазка*, *синеглазый*, *колченогий*, *щелкунчик*), черты характера или увлечения (*Командор*, *королевич*, *вьюн*, *дружок*, *птицелов*, у которого «всю жизнь была страсть сначала к птицам, а потом к рыбкам»), отношение к лирическому герою (*брат*, *друг*) или к другим людям (*соратник*, *наследник*), различные биографические данные (*сын водопроводчика*, *штабс-капитан*, *конармеец*, *дере-*

вялый солдатик, босоножка, арлекин), подчас второстепенные, малосущественные (*альпинист*).

Среди прозвищ в повести есть старые дружеские «кодовые названия». Ведь назван здесь В. Хлебников ему же принадлежащим неологизмом *бюджетлянин*. А Ксения Михайловна Асеева именуется *Ладой* явно под влиянием асеевских строк: «Говорила моя забава, моя лада, любовь и слава». Имя это трудно назвать прозвищем: оно пишется с большой буквы вопреки введенным в повести правилам, имеет уменьшительную форму: соратник жил на седьмом этаже «со своей красавицей женой Ладой», «— Спасибо, Ладушка, но мне, знаешь, не до твоего чая». Но все же и это именование входит в принятую В. П. Катаевым систему прозвищ: «русская белокурогая красавица несколько харьковского типа, настоящая Лада, почти сказочный персонаж не то из «Снегурочки», не то из „Садко“».

Прозвища-заменители, как правило, объясняются в тексте, например: *штабс-капитан* (М. Зоценко) — «он дослужился до штабс-капитана»; *синеглазый* — «у него действительно, если мне не изменяет память, были синие глаза» и немного дальше: «...Он не был особенно ярко-синеглазым. Синева его глаз казалась несколько выцветшей»; *альпинист* (Н. Тихонов) — «застрявший в Москве по дороге в Ленинград с Кавказа, где он лазил по горам и переводил грузинских поэтов»; он же *деревянный солдатик* — «автор романтических баллад, бывший во время первой мировой войны кавалеристом».

Подчас объяснение прозвища не дается попутно, а становится особой темой раздумий: «...я мог бы назвать моего нового знакомого как угодно: инок, мизгирь, лель, царевич... Но почему-то мне казалось, что ему больше всего, несмотря на парижскую шляпу и лайковые перчатки, подходит слово «королевич»... Может быть, даже королевич Елисей...». И вовсе не обязательно мотивировка прозвища дается при первом его упоминании. *Королевич* уже несколько раз выходил на страницы «Алмазного моего венца», прежде чем явились приведенные мысли о его прозвище. Несколько раз повествователь возвращается к своему грустному расставанию с *синеглазкой*, а лишь затем сообщает, что речь идет о молоденькой курсистке, «которая, как и ее брат, тоже была синеглазой, синеглазкой». Подобные инверсии толкований зависят от ассоциативной, а не хронологической основы изложения.

Отдельные прозвища основаны на буквенной символике, подчас весьма усложненной. Таково прозвище *ключик*. Круглые иллюминаторы самолета напоминают повествователю прописное *О*: «мною они читались как заглавные буквы некоторых имен и фа-

милый». И дальше: «Пожалуй, один из иллиuminаторов я мог бы прочесть даже как прописное Ю. Ключик». Разъяснение следует несколькими страницами далее: «Ведь буква Ю — это, в конце концов, и есть нечто вроде ключика». Итак, Юрий Олеша назван *ключиком* потому, что форма начальной буквы его имени похожа на маленький ключ, а начальная буква фамилии тоже виделась в иллиuminаторе. К тому же «остальные прописные *О* иллиuminатора были заглавные буквы имен его матери и жены». Но эта буквенная символика стала лишь формой: содержание подсказал обаятельный образ близкого друга. Ведь мало ли что можно увидеть в форме буквы Ю — дорожный знак, боковое зеркало автомобиля, даже пульверизатор. Однако избрано сходство с ключиком: был у Олеша, в его сочинениях, ключик к сердцам людей...

Прозвище же *Командор* (В. Маяковский) осмысливается с помощью Эйфелевой башни, «представляющей собой как бы некое заглавное печатное *А*». Оттого и прозвище Командор, в отличие от всех других, «буду писать с большой буквы, потому что он уже памятник и возвышается над Парижем поэзии Эйфелевой башней». Это сугубо графическое толкование прозвища между делом объясняет и его смысл: прозвище *Командор* говорит и о характере великого поэта, и о значимости его творчества.

*

Мы насчитали в произведении 26 прозвищ, заменяющих фамилии (либо имена). И почти все они получают те или иные авторские толкования, все они семантически емки, неоднозначны. Многие из них имеют некий подтекст, смысловые обертоны, улавливать которые автор предоставляет читателю самостоятельно.

Атмосфера ономастической неопределенности и намеков имеет в произведении многообразные проявления. Первый очерк брата (то есть Е. Петрова) вышел «под псевдонимом, который я ему дал». Псевдоним при этом не назван. Повествователю не очень по душе великолепный в общем-то псевдоним горячо любимого им птицелова (Эдуарда Багрицкого, истинная фамилия которого — Дзюбин). И об этом сообщается в таких контекстах: «я не мог не восхищаться и даже завидовать моему новому другу, романтической манере его декламации, даже его претенциозному псевдониму»; «Впоследствии он (...) сделался тем прославленным поэтом, имя которого — вернее, его провинциальный псевдоним — принимается как должное: к нему просто привыкли». Сам псевдоним снова-таки не называется. Даже рассказывая о стихотворении-импровизации королевича, где неточно назван все тот же псевдоним, повествователь сообщает об этом так: «Фамилию птицелова он

написал неточно: Быстрицкий, а надо было...» И все: три точки. Все эти средства не ослабляют, а повышают интерес к именам.

Элементы ономастической игры проявляются и в некоторых ситуативных именовании персонажей. *Брат* и *друг* (то есть Е. Петров и И. Ильф) звонят повествователю после выхода «Двенадцати стульев»: «— Старик Саббакин, нам необходимо с вами повидаться». Объяснительное замечание: «„Старик Саббакин“ был одним из моих псевдонимов в юмористических журналах». Цитируя слова о Великолепном (слоне Ганнибала), лирический герой замечает: «Я уверен, что именно таким — Великолепным — ключик сам себе и снился». Кстати, *слоненок*, *слоник* — конкурентное прозвище ключика, проходящее через всю повесть: «ключик был похож на слоненка... Таким он и остался для меня на всю жизнь: слоненком».

*

Своеобразное ономастическое решение повести «Алмазный мой венец» — глубоко продуманный прием, хорошо вписывающийся в нынешний катаевский стиль. Представляется существенным следующее сугубо ономастическое замечание. Если в художественном произведении есть персонажи, то описание их никак не может обойтись без собственных имен — пусть не узуальных, а лишь функциональных. «Алмазный мой венец» — не компот (по словам автора), там фигурируют совершенно необычные именовании, которые пишутся со строчной буквы. И все равно это — собственные имена, отвечающие всем признакам этого класса названий. Писатель настойчиво подчеркивает: «буду его называть с маленькой буквы королевичем»; «писателем, которого я впредь буду называть синеглазым — тоже с маленькой буквы, как простое прилагательное»; «некоего поэта, которого я буду называть с маленькой буквы эскесс». Но маленькая буква не спасает нарицательности прозвищ *королевич*, *синеглазый* и т. д. Они служат в произведении устойчивыми индивидуальными именовании конкретными лиц, т. е. являются именами собственными — литературными антропонимами. Последние могут быть реальными, могут быть вымышленными, причем фантазия автора подчас уводит его очень далеко от реальных антропонимических систем. С ономастической точки зрения, «Алмазный мой венец» — одно из оригинальных произведений советской литературы.

Ю. А. КАРПЕНКО
Одесса

ДЕМОНИЧЕСКАЯ ЛИ НОВЕЛЛА?

О поэтике рассказа В. Г. Распутина
«Продается медвежья шкура»

Рассказ «Продается медвежья шкура» впервые был напечатан в 1966 году в сборнике «Край возле самого неба», а в 1968 году он был включен в сборник повестей и рассказов «Деньги для Марии», причем текст его претерпел некоторые изменения. В «Послесловии» к сборнику «Деньги для Марии» Ф. Кузнецов определяет этот рассказ как «демоническую новеллу, выполненную в пронзительно-романтической манере». Теперь, когда с момента создания рассказа прошло более 15 лет, он может быть прочитан по-другому в контексте всего творчества писателя.

Тема природы и человека наметилась уже в первом сборнике «Край возле самого неба», к ней писатель будет возвращаться в таких произведениях, как «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Век живи — век люби» и др. По мысли художника, природа для человека — источник его духовности и душевной стойкости. В рассказе «Продается медвежья шкура» автор изобразил героя, в котором человеческие чувства пробуждает не кто-нибудь, а зверь. Автор говорит нам: «Если ты человек, ты должен понять через себя все живое!». Вот о чем написан рассказ, а не о роке, «который навис над охотником Василием в облике огромного гималайского медведя с белым пятном на груди, много времени мстившего охотнику за свою подругу, убитую им медведицу».

В начале повествования действительно есть авторская констатация, которая как будто намекает на роковую предопределенность событий: «Он был хороший медвежатник, и начало схватки со зве-

рем почти сразу же переходило в конец. Но на этот раз начало было только началом, за которым последовало долгое и опасное продолжение. Он не хотел его — оно сбылось само и развивалось помимо его воли. Он ничего не мог в нем изменить». Но всем ходом повествования автор убеждает: не мог изменить не потому, что над героем навис рок, не мог потому, что он был человеком, в котором еще не проявился человек. Это рассказ о том, каким человеком, а не охотником, оказался Василий, и именно из-за этого ничего нельзя изменить в случившемся. Такой авторской установкой обуславливается своеобразие речевой структуры рассказа.

Прежде всего автор использует прием самораскрытия героя. Прямая речь охотника Василия, отражение его сознания и разговора в авторском повествовании создают представление о нем, как о человеке сдержанном, немногословном, не знающем, что такое страх, человеке, которому свойственно чувство некоторого превосходства над теми людьми, которые не умеют делать того, что умеет он, а порой, и пренебрежения к ним: «Шкуры он продавал туристам, причем любил рассказывать, как ему достался медведь, чтобы туристы *не просто топтали* шкуры в *своих городских* квартирах, но и относились к ним с должным уважением». Выделенные словосочетания передают точку зрения героя и одновременно характеризуют его.

В рассказе мало диалога: всего 11 реплик, из них 3 принадлежат Василию. Вот его реплики: — Это мой, — сказал Василий пастихам. — Больше никому.

— Надо уезжать, — согласился Василий.

— Ладно, — согласился Василий, — ты иди. Спасибо тебе.

Даже в опаснейший момент первой схватки со зверем в его сознании живет прежде всего профессиональный интерес к происшедшему: «Он шел в зимовье, и случившееся представлялось ему теперь ключьями (чего-то непонятного и странного) — ключья висели перед его глазами, мешая идти, и он никак не мог их убрать. Белая грудь, нависшая над его головой — (почему белая? Откуда в Саянах пятнистый медведь?). Выстрел, снова выстрел — (как случилось, что ни один из них не достиг цели?)».

Но может быть, Василий, занимаясь таким опасным делом, как охота на медведя, только внешне сдержан? Может быть, за этим немногословием и бесстрашием скрывается другое нутро? Автор от страницы к странице убеждает читателя в обратном, и помогают ему в этом несобственно-прямая речь и несобственно-авторское повествование.

Авторское повествование почти лишено стилистической оформленности субъективного начала героя (писателя интересует человеческая сущность Василия), хотя композиционно и содержатель-

но это начало присутствует в тексте. Синтаксическая структура и лексическая наполненность авторского изложения мыслей и речи Василия характеризуют его как человека, лишенного способности эмоционально воспринимать происходящее: «И вдруг его глаза, повинаясь какой-то посторонней силе, повернулись вправо и застыли. (Это был он)»; «В другой раз ему почудилось, что за ним кто-то идет. Он резко обернулся — (никого, только тайга и зима). Он пошел дальше, и снова за спиной ему послышались шаги. Они сопровождали его до самого зимовья.

Когда собаки кого-нибудь облаивали, он ежился: (не медведь ли это?). Предложения в скобках — первые два — оформлены как повествовательные, хотя точка оказывается слишком «спокойным» знаком в описываемой ситуации. В последнем примере вводящий авторский глагол «ежился» не уравнивается вопросительным предложением.

На протяжении рассказа постепенно меняется реакция Василия на события, меняется и языковой строй авторского повествования: «Василий решил уехать. Он устал от страха и тревог, от необходимости подавлять их усилием воли — не один раз, выходя из зимовья, он чувствовал себя жертвой, которую выманивают для расправы. (Лучше уйти отсюда, и тогда все станет на свои места, все, что распаталось и расстроилось, войдет в свою привычную колею. Глупо же, в самом деле, подчиниться воле зверя — кто кого? — и больному, без уверенности и сил, лезть на рожон)». Внутреннее размышление героя уже модально окрашено («лучше уйти», «в самом деле»), в нем есть повтор (все... все...). Это вносит в текст отчетливую субъективную тональность. Следующий пример — внутренняя речь, оформленная как прямая, — содержит троекратный повтор, являющийся сигналом нарастающего беспокойства героя: «но все было тихо, и только собаки все так же заливались вдали. „Нашел, нашел, нашел“, — эта мысль, как поплавок, то ныряла в глубину, то снова появлялась там, на поверхности его сознания». И как кульминация, когда впервые в повествовании возникает эмоциональный настрой героя — чувство отчаяния, изображенное автором:

— Не берут его пули, — мрачно сказал вечером один из пастухов. — Надо тебе уезжать, Василий. Он сейчас совсем сдурел.

— Надо уезжать, — согласился Василий.

Он, таежник, теперь остался без тайги. Его заперли в четырех стенах дома, в трех улицах поселка, его лишили звания охотника, ему оставили только ту необходимую норму воздуха, чтобы он не задохнулся. А когда он, не выдержав, отправлялся куда-нибудь за полкилометра от поселка, каждый встречный мог ему сказать:

— Василий, ты осторожней...

В его глазах не было ни глазного яблока, ни сетчатки, ни зрачка — в них была одна тоска. Он носил с собой карабин — как доказательство своего бессилия. Он разговаривал совсем мало — ему не о чем было говорить».

Такой эффект достигается синтаксической организацией текста, где большую роль играет ритмическая упорядоченность в передаче чувствований героя. Ее создают анафоричность (его... его... ему; он... он...), конструкции с однородными членами (...в четырех стенах дома, в трех улицах поселка; ни глазного яблока, ни сетчатки, ни зрачка), синтаксический параллелизм.

Так с помощью приема самораскрытия возникает первая ступень в узнавании героя. На второй ступени писатель использует приемы более сложные, цель их — показать авторское отношение к происходящему. Восприятие автора и персонажа могут совпадать, что свидетельствует о их близости, доверии, которое автор проявляет к своему герою. Рассказ В. Г. Распутина построен на контрасте точек зрения автора и героя. Сравним восприятие убитого зверя автором и восприятие его персонажем: «А для этого пужны десятки доли секунды, чтобы нажать на спуск, почувствовать удар в плечо, а потом медленно, снова держа палец на спуске, идти к вздрагивающей, словно рыдающей туше». «Вздрагивающая, словно рыдающая туша» — так увидеть может человек равнодушный, ощущающий чужую боль. И по контрасту — восприятие охотника: «Василий стоял все в той же неестественной позе... Потом он выпрямился и подошел к убитому медведю. Зверь лежал, подложив под голову переднюю лапу, как в детской кинокартине, чтобы ребятишки могли посмеяться. Это была медведица».

По принципу контраста описывается и пейзаж, когда после первой схватки с медведем Василий возвращается в зимовье: контраст между тем, что мог почувствовать человек, избежавший смертельной опасности, и тем, как воспринимает этот мир герой. «Была тишина — белая тишина с еловыми иголками на снегу, с добрыми деревьями, осторожно держащими на своих ветвях снег, словно хлеб-соль, с просторным зимним благополучием, с одинаково безмолвными подъемами и спусками, и все вместе это казалось единственно важным, гораздо важнее случившегося». Фраза «казалось единственно важным, гораздо важнее случившегося» позволяет воспринять текст как передачу обобщенного видения; так почувствовать мог человек, вернувшийся к жизни: внимание к таким мелочам, как «еловые иголочки на снегу»; в возвращенной жизни деревья, конечно же, «добрые», они встречают воскресшего человека хлебом-солью; в этой вновь обретенной жизни пока еще все спокойно («одинаково безмолвные подъемы и спуски») — это может знать автор, но не знает герой.

Позднее Василия за каждым поворотом будет подкарауливать опасность. «Все привычное становилось для Василия непривычным — те же тропы, та же тайга, но сам он был теперь в положении преследуемого, и они изменили к нему свое отношение. Они казались чужими и подозрительными. Они были против него», — так напишет автор, характеризуя состояние героя после второй схватки с медведем. Герой же, в отличие от автора, остро чувствующего природу, воспринимает окружающее прозаически однопланово: «Василий шел и постепенно успокаивался, а потом увидел дым над зимовьем, тоже белесый, под цвет зимы, который поднимался и гас в вышине, и подумал, что его возвращение в спокойную, размеренную жизнь состоялось». Так обнажается человеческая незастойность героя. Однако пока контрастирует восприятие двух людей — автора и персонажа. Но писатель идет дальше и противопоставляет зверя и человека. Охотник Василий в начале рассказа предстает перед читателем уверенным в себе и невозмутимым, зверь же в первой сцене изображен автором так, что мы понимаем: горе (убили медведицу) заставило медведя вести себя не по-зверьному («И тут случилось непонятное. Медведь перестал быть медведем: он вдруг прыгнул в сторону и, круша хрупкий зимний кустарник, распахивая грудью снег, бросился бежать»). Стремительность действий медведя, переданная глаголами совершенного вида и ритмом, как бы внезапно обрывающимся, становится сигналом его внутреннего состояния.

И еще раз автор изобразит эмоциональный настрой зверя, и не случайно этот контекст появится в рассказе раньше, чем тот, в котором впервые изображено, а не описано, отчаяние героя: «Нетрудно было представить себе, как медведь, разыскивая его, прочесывал тайгу, как часами он стоял где-нибудь недалеко от жилья, чтобы увидеть его обитателей, как кружил около поселка, запоминая своей медвежьей памятью каждого человека, как тоскливо рычал, когда пропадала надежда, а потом, учуяв запах дымка, снова шел дальше».

К концу рассказа зверь и человек открыто противопоставляются: характеризуя медведя, автор использует слова, которые обычно употребляют по отношению к человеку (достоинство, гордый). Автор изображает зверя как достойного противника, одержавшего над человеком нравственную победу, открыто и бесстрашно идущего навстречу своему врагу: «Словно боясь, что человек его с кем-нибудь перепутает, медведь зарычал и поднялся, показывая свою белую грудь... За месяцы преследования он научился хитрости и осторожности, но не стал пользоваться ни тем, ни другим — может, забыл, может, не захотел». И автор, принимая его сторону, скажет:

«Потом медведь, не выдержав, пошел вперед — это было его законное право».

Заканчивается рассказ авторской иронией, в основе которой — опять же контрастные определения: «Он, победитель, сидел рядом с медведем и казался себе убийцей. А медведь лежал рядом с ним, и, наверное, даже не знал, что его убили: он был по-прежнему гордый и сильный». Следует добавить еще одну деталь, которая проясняет авторскую оценку. В сборнике «Край возле самого неба» этот рассказ заканчивался пятью абзацами, следовавшими после отточия:

«Пришел один турист, осмотрел ее и недовольно сморщился:

— Пятно на ней какое-то...

Пришел другой, возмутился:

— Да она вся дырявая...

Итак, продается медвежья шкура».

В сборнике «Деньги для Марии» рассказ начинается с этих пяти абзацев; изменение композиции продиктовано, как кажется, стремлением начать повествование с «подсказки» читателю: медведь убит напрасно, и даже шкура его не пригодилась. И на фоне этой заставки предлагается оценить действие Василия.

Рассказ В. Г. Распутина «Продается медвежья шкура» продолжает тему, начатую еще сборником «Край возле самого неба». В произведениях этого цикла собственно авторское повествование субъективизировано и стилизовано в фольклорном духе, обусловленном образом автора, эмоционально переживающего увиденное. И хотя рассказ был включен писателем в первый сборник, его стилистика позволяет рассмотреть это произведение как переходное в творчестве В. Г. Распутина, когда он пытается рассказать о событиях, вводя чужое восприятие. Правда, «свой» герой еще не найден: поэтому не захотел автор показать читателю мир глазами героя, которого очеловечивает зверь. В повести «Деньги для Марии» таким «своим» героем окажется Кузьма, которого автор любит за доброту, совестливость, человеческую надежность.

Н. В. БАЛАНДИНА

Иркутск

Рисунок В. Толстоногова

Обычны и русские фамилии, производные от слова *береза*: *Берёзкин, Березин, Березовой*. Примечательно осмысление фамилии *Берёзкин* в рассказе «Дети лепят из снега» Ю. Нагибина. Молодежь воспитательница детского сада думает о судьбе детей из своей группы. Это, возможно, будущие скульптор, певица, астроном, а Берёзкин (лобастый, добродушный, прирожденный помощник) «явит высший дар, талант совершенной доброты, он будет всем помогать. И людям земли станет привычно, попав в беду, радировать: „Москва. Березкину. Нужна твоя помощь“». В фамилиях *Берёзкин, Березин, Березовой* прозрачна связь с так называемым внутренним образом слова *береза*: связь реалии «белоствольная береза» с понятием «белый, светлый, ясный».

Само наименование *береза* означало также «дерево вообще». Такое обобщенное значение — свидетельство преобладающего распространения берез и предпочтительного к ним отношения. Особо заметим, что в древних переводах в объяснительных приписках к греческим и латинским словам *церъцеръ, теревинфъ* «род дуба» ставилось слово *береза* в значении «лиственное дерево» (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка). В этом же родовом значении употребляли слово *береза* и тянувшиеся к родной земле недавние крестьяне, ставшие питерскими рабочими (см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка).

Береза занимала, пожалуй, ни с чем не сравнимое место в жизни русского человека: «первое дело — мир освещает [лучина], другое дело — разбитому связь [берёста], третье дело — больных исцеляет, некопаный колодец [березовый сок], четвертое дело — чистоту соблюдает [веник]» (см.: Садовников Д. Н. Загадки русского народа).

Сложившаяся в народе мудрая загадка говорит о том, что нужно было знать о березе, чтобы ценить ее. И в наше время поэт Д. Самойлов, воспевая березу, вспомнил прежде всего то, что несла, да и несет еще береза в нашу повседневную жизнь:

О жаркая, о снежная березка!

Мое поленце, веничек и розга!..

Березьян

Береза согревала избу, дом (березовые дрова — поленце), освещала (лучина), мыла (веничек, с которым ходили в баню). Береза лечила. Исстари ценился березовый сок и как лакомство, и как целебный напиток. Листья и кора березы выделяют особую ароматическую смолу, воздух в березовой роще здоровый, чистый.

О лес! о жизнь! о солнца свет!

О свежий дух березы!

«То было раннею весной...».

Конечно, это прежде всего эмоциональное восклицание поэта А. К. Толстого. Но оно справедливо и с научной позиции, как мы могли уже заметить. Береза, свежесть и чистота — понятия неразделимые.

Поистине драгоценна кора березы — *берёста*. Из нее делали кузовки для грибов и ягод, тўсы для сметаны и творога. А самое главное — на берёсте писали: «Я послал тебе бересту [письмо]» — так говорили когда-то в минувшие века новгородцы, посылая берестяные грамоты друг другу. Березовая кора — берёста — доносит до нас рассказ о жизни, культуре, грамотности наших предков.

Добрая береза не только согревала, освещала, мыла, но и украшала. В давние времена год начинался не елкой, а березой. Название первого месяца года было «березовым»: *березозол* — апрель (от *береза* и *-зол/зел* — зеленый). И сейчас сохранилось в украинском языке название *березень*, в чешском — *брезен*, а в белорусском — *саковник* от «сок» (здесь — в более северных землях — березки в это время еще не зеленели, в них только начиналось движение сока). «Березовый» Новый год существовал до середины XIV века, когда начало года было перенесено на сентябрь, на время сбора урожая. А праздник березки остался, им отмечали окончание весенних полевых работ. Шли в лес девушки и «завивали» березку, наряжали ее лентами, венками, водили хороводы, пели. Праздник березки сохраняется и теперь там, где берегут добрые традиции. Такой праздник в одном из колхозов Рязанской области описал В. Песков в своих очерках «Проселки». Девичьи хороводы вокруг березки легли в основу всемирно известного хореографического ансамбля «Березка». Вот почему березу зовут в народе *веселой березой* — *веселкой*.

Интересна еще одна роль *березы* — *березовой ветки* в свадебных обрядах. Березовая ветка — это знак согласия девушки выйти замуж, а вот ветка сосны, ели или дуба означает отказ.

*

Березка словно осеняет всю жизнь русского человека. Березка у могил на русских кладбищах, погостах. Так складывается особый образ: *плакучая береза*. В романе А. Н. Толстого «Сестры» (из трилогии «Хождение по мукам») между Дашей и Иваном Ильичом Телегиным происходит такой разговор:

« — Ты любишь меня, Даша?

— О,— она снизу вверх кивнула головой,— люблю до самой березки.

— До какой березки?

— Разве не знаешь: у каждого в конце жизни — холмик и над ним плакучая береза».

Недаром в русском языке название *береза* имеет такие ласковые уменьшительные формы: *березка, березонька*... Эти разговорные, народно-поэтические имена имеют и постоянные эпитеты, чаще всего — *кудрявая* или *белая*.

Поэтичность березы сплетена с родной повседневной жизнью. В этом ее своеобразие. Наполнен лаской образ березы в стихах Пушкина:

Березок своды темны
Прохладну сень дают...

Городок

Пушкинская березка близка народно-поэтическим, песенным березам. Это отражается и в самой форме стихов:

Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки...

«Еще дуют холодные ветры...»

Обратите внимание на постоянный эпитет *кудрявой*, уменьшительно-ласкательную форму *листочки*, повтор предлога *у*...

Создал образ «зимней березы» А. Фет:

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

«Печальная береза...»

С. Есенин воспел березу, одухотворил ее:

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

Береза

Та же *зимняя береза* под окном, что и у Фета. Но есенинская береза чисто женским жестом «принакрылась снегом». Есенин создает образ девушки-березки, женщины-березки. У его березок *стан, девическая грудь, зеленая прическа и лунный зребешок*, она *зеленокосная*, а осенью у нее *золотистые косы, холщовый сарафан или юбочка белая*... Березку окружает не только мир девичьих вещей (*сережки, зребешок, сарафан, юбочка*), но она вся пронизана ощущениями молодости, ожидания радости и тревоги:

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

«Зеленая прическа...»

И у А. Прокофьева березка прежде всего женственна:

Березка моя
Белоствольная,
Дорожка к тебе
Беспокойная.

Березка моя

Березка, лебедь белая,
Рядком с тобой стою,
Тебе, моя несмелая,
Я песенку пою.

Березка

Девичья, женская нежность, робость, хрупкость, но и верность, и стойкость славятся поэтами в образе березы. Вот как у С. Щипачева:

Ее к земле сгибает ливень,
Почти нагую, а она
Рванется, глянет молчаливо,
И дождь уймется у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
В победу веря наперед,
Ее буран берет за плечи,
За руки белые берет.

Но, тонкую, ее ломая,
Из силы выбьются... Она,
Видать, характером прямая,
Кому-то третьему верна.

Береза приковывает: трудно остановиться и не читать стихов. Посмотрите, как одухотворен образ березы у И. Сельвинского:

Березка в розоватой коже
Стоит, сережками струясь.

А на березке — темный глаз,
На око девичье похожий.

.....
Она как будто вся горит,
Как бы испытывает: струшу?
Заглядывает прямо в душу
И... только что не говорит.

Береза

Поэтический образ березки складывается из традиционных эпитетов — *белая, кудрявая*, традиционных метафор — *лебедь белая*, у березы *сережки*. И одновременно каждый поэт видит березу по-своему: в *зеленой прическе* и с *лунным гребешком* (С. Есенин), у березы *розовая кожа* и *темный глаз* (И. Сельвинский).

Образ березы очень нагляден, подкреплен зрительными ассоциациями. Березу как символ родной земли, Родины писали художники разных времен: А. Куинджи «Березовая роща», И. Левитан «Березовая роща», «Золотая осень», И. Грабарь «Февральская лазурь», «Березовая аллея», П. Кончаловский «Верхушки берез», П. Корин «Русский пейзаж с березкой» из триптиха, посвященного Куликовской битве, С. Герасимов «Лед прошел», «Березы»...

Образ березы еще и музыкален благодаря народным песням. Дважды положено на музыку (Н. А. Римским-Корсаковым и П. И. Чайковским) уже упоминавшееся стихотворение А. К. Толстого «То было раннею весной...». Георгий Свиридов написал романсы на стихи Есенина о березах. Песню «Березка — лебедь белая...» создал композитор В. М. Пеньков на стихи А. Прокофьева.

Образ березы традиционно поэтичен. Но он может быть конкретно индивидуальным, соотнесен с образом конкретной девушки, как, например, у Есенина с сестрой Шурой. Однако чаще образ березы предстает символичным, обобщающим. С незапамятных времен чистота, свежесть, красота березы соединялись с образом девушки, невесты, женщины. А в тяжелое для нашей Родины время — в Великую Отечественную войну — *березы-невесты*, *березы-жены* стали *березами-солдатками*:

Похожи на русских солдаток
березы военной поры...

Бежали за поездом следом,
в снегу утопая по грудь...
Зимой бежали и летом.
И был нескончаем их путь.

А. Деметьев, Березы России

В это же время особенно живо ощутимым стало символическое значение: «береза — Родина». Вспомним уже названные «березовые» картины («говорящие пейзажи») и, конечно, роман М. Бубеннова «Белая береза». Эпиграфом к роману взяты строки из народной песни «Во поле березонька стояла...» и стихи А. К. Толстого:

Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатались слезы.
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету...

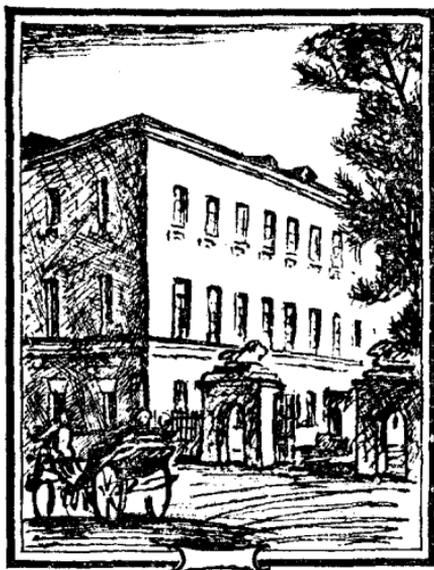
Вместе с образом-словом *береза* символически и образ-реалия — само дерево *береза*: русские плакучие березы у могил погибших солдат в Трештов-парке в Берлине. Березы — это оплакивающая своих сыновей Родина.

*

Образ березы со временем, конечно, меняется... Мы пишем не на берёсте, а на бумаге. Повседневный «березовый» быт отступает, меняется «страна березового ситца». Но более явственным становится поэтический образ. Береза-реалия и береза-слово стали высокими символами Родины, хотя одновременно слово хранит в своем значении и то, что было накоплено веками. В этом смысле знаменательны строки из уже цитированного стихотворения А. Деметьева «Березы России»:

Березы, березы России,—
вы всё вместе с нами прошли.
И нету конца вашей силе,
идущей от русской земли!

А. А. БРАГИНА
Рисунок Б. Захарова

В музеях Ф. М. Достоев- ского

В Москве, на Божедомке, в отдаленном районе, где жили мелкие ремесленники и мещане, в семье штаб-лекаря Марьинской больницы для бедных 30 октября (11 ноября) 1821 года родился Ф. М. Достоевский. А уже через сто с лишним лет, в 1928 году, при бывшей Марьинской больнице (ныне научно-исследовательский институт туберкулеза) был основан музей Ф. М. Достоевского — филиал Государственного Литературного музея. Значительную часть его фондов составила коллекция Анны Григорьевны Достоевской, жены писателя, подаренная ею Литературному музею еще в 1916 году. За прошедшие десятилетия музей неоднократно пополнялся и расширялся.

12 января 1983 года музей Достоевского открылся после длительной реставрации и реконструкции, и впервые квартира, где писатель родился и провел детство, обрела исторический облик.

Мемориальная экспозиция не только детально воспроизводит планировку квартиры и интерьер, она точно передает уклад повседневной жизни большой семьи Достоевских, атмосферу домовитости и трудолюбия. В этом доме прошли первые 16 лет жизни Достоевского, здесь были получены самые важные впечатления о мире, прочитаны первые книги. Экспозиция Музея-квартиры убедительно свидетельствует, что из родительского дома будущий писатель вынес глубокие представления о нравственности и правде, семейном и гражданском долге. Здесь становятся до конца понятными чувства горячей привязанности Ф. М. Достоевского к своим родителям. «Да знаешь ли, брат,— вспоминал он много лет спустя

Есть в России заповедные, памятные места, которые составляют славу и гордость народа, сохраняют свою нетленную ценность во все времена. Пушкину идут поклониться в Михайловское и Болдино, Толстому — в Ясную Поляну и Хамовники, Тургеневу — в Спасское-Лутовиново. С каждым годом таких точек на литературной карте страны становится все больше — возрождаются и обретают новую жизнь

замечательные памятники отечественной истории и культуры.

С именем великого русского писателя Ф. М. Достоевского неразрывно связаны три дома: Музей-квартира в Москве, Дом-музей в Старой Руссе, Литературно-мемориальный музей в Ленинграде. Скромные в прошлом места обитания Достоевского и его семьи теперь стали центром притяжения всех, кому дорога русская литература.

тя,— ведь это были люди передовые, и в настоящую минуту они были бы передовыми!..»

Войдя в московский музей Достоевского на улице его имени, убеждаешься, что «самый петербургский из всех петербургских писателей» — москвич, горячо любивший город своего детства и отрочества.

11 ноября 1983 года, в день рождения писателя, в Музее-квартире состоялось первое научное заседание. «Достоевский и Москва» — так определил музей направление своей разыскательской и научной деятельности. Частью этой большой темы стало исследование «Достоевский и доктор Гааз».

Хорошо известно, как Достоевского волновал образ доктора Гааза: не один раз возникает это имя на страницах произведений писателя. Естествен и интерес московского музея к личности Гааза — ведь именно в стенах этой квартиры будущий писатель мог впервые услышать о выдающемся человеке.

Федор Петрович Гааз (1780—1853), главный доктор московских тюремных больниц, был широко известен в России как «святой доктор», «друг несчастного человечества». Свой девиз «спешите делать добро» он осуществлял с редким самоотречением: в течение многих лет старался смягчить участь осужденных, помогал им материально, тратя на эту бескорыстную филантропическую деятельность все свое время и состояние. Один из персонажей романа «Идиот», Ипполит Терентьев, рассказывая о доброте Гааза, восклицает: «Бросая ваше семейство, бросая вашу милостыню», ваше доброе дело в ка-

кой бы то ни было форме, вы отдаете часть вашей личности и принимаете в себя часть другой; вы взаимно приобщаетесь один к другому... И почему вы знаете, какое участие вы будете иметь в будущем разрешении судеб человеческих?»

Исследователи — доктор медицинских наук Б. М. Шубин и журналист В. В. Варжапетян — поставили вопрос об источниках, по которым Ф. М. Достоевский еще в детские годы мог воспринимать личность доктора Гааза, поразившего писателя духовной красотой, благородством, кротостью и добротой. В этой связи их заинтересовала деятельность В. М. Котельницкого, профессора Московского университета одной из кафедр медицинского факультета, родного дяди матери Достоевского. Именно от В. М. Котельницкого, полагают исследователи, с которым связаны многие радостные воспоминания детства Ф. М. Достоевского, скорее всего, мог услышать будущий писатель рассказ о докторе Гаазе. Пока это гипотеза, но она может лечь в основу интересной поисковой работы, в орбиту которой попадут новые факты и материалы. Литературные краеведы Москвы, в том числе и школьники, получили возможность восстановить цепочку, по которой конкретный жизненный материал стал фактом сознания писателя, а затем и фактом искусства. Первый шаг в этом направлении сделан: в музее демонстрируется новая экспозиция — книги, изданные при участии В. М. Котельницкого. Сотни московских школьников, которые посещают музей Достоевского, могут стать деятельными помощниками ученых в этих поисках.

*

В Старой Руссе, старинном городе Новгородской губернии, есть небольшой деревянный двухэтажный дом, с которым связаны последние восемь лет жизни Ф. М. Достоевского. Здесь, на берегу реки Перерытицы, жила семья Достоевских летом. Иногда, к радости всей семьи, отъезд в Петербург откладывался, и они оставались на зиму. Писатель много и плодотворно работал: в стенах старорусского дома были завершены «Бесы», почти полностью написан роман «Подросток», созданы большая часть «Братьев Карамазовых», несколько выпусков «Дневника писателя» и знаменитая речь к празднествам 1880 года по случаю открытия памятника А. С. Пушкина в Москве.

«Благодаря этой покупке, — писала Анна Григорьевна Достоевская, — у нас, по словам мужа, «образовалось свое гнездо», куда мы с радостью ехали ранней весной и откуда так не хотелось нам уезжать поздней осенью... (Достоевские снимали дом с 1873 года, а в 1876 году он стал их собственностью. — Л. С.). Особенно пра-

вились нам... небольшие, но удобно расположенные комнаты дачи, с их старинною, тяжелую, красного дерева мебелью и обстановкой, в которых нам так тепло и уютно жилось... Федор Михайлович считал нашу старорусскую дачу местом своего физического и нравственного покоя».

Ныне мемориальный Дом-музей Достоевского в Старой Руссе восстановлен почти полностью в том виде, в каком он был при жизни писателя. 4 мая 1981 года состоялось его торжественное открытие. Тонкими ценителями музея Достоевского оказались школьники Старой Руссы. Несмотря на малый опыт знакомства с музеями, юные экскурсанты почувствовали главное: это именно дом писателя, воссозданный с самым чутким вниманием к каждому уголку и каждой детали, наполненный особой атмосферой присутствия некогда населявших его людей. «Кажется, что здесь кто-то живет» — в этой высшей для мемориального музея оценке школьники сумели выразить самое характерное для облика старорусского дома. Верандная пристройка, передняя, гостиная, рабочий кабинет писателя, столовая, комната А. Г. Достоевской воссоздают ритм повседневной жизни семьи писателя, наполненной его напряженным творческим трудом, деятельной помощью Анны Григорьевны, взявшей на себя все трудности издательского дела.

Одно из главных направлений в работе Дома-музея — изучение старорусского периода жизни и творчества Достоевского. На базе Дома-музея создана литературная студия для школьников города. Организаторы студии — сотрудники музея — стремятся приобщить учащихся к увлекательнейшему занятию — исследованию литературных мест своего края, связанных с творческой деятельностью Ф. М. Достоевского. На занятиях студии ребята узнают, сколь большую ценность имеет в музейном деле каждая уточненная деталь и найденная подробность, какую существенную роль играет даже самый, казалось бы, незначительный факт для понимания личности писателя, как много может дать процесс самостоятельных — пусть и небольших — открытий. В определенном смысле музей есть школа, где учащиеся имеют дело с документом, фактом, материальной конкретностью, тогда как урок литературы в его лучшем варианте учит думать, анализировать, обобщать. Соединение «музейного» и «школьного» (разбор текста, обсуждение идейно-художественной проблематики, поэтики произведения) в опыте работы с учащимися может дать необходимое качество изучения творческой личности писателя. Участники студии знакомятся с литературной историей города и музея, организуют экскурсии «По местам Достоевского» для учащихся начальных классов, встречаются со старожилами города — хранителями исторических преданий своего края, изучают литературную топографию города. Ведь Старая Рус-

са с ее домами и улицами, мостами и соборами и, отчасти, даже жителями стала прототипом города Скотопригоньевска — места действия романа «Братья Карамазовы». Студийцы знают, что сам дом, где жил писатель и где теперь располагается музей, послужил романисту прообразом усадьбы Федора Павловича Карамазова; что в Старой Руссе есть мост Мити Карамазова и дом Грушеньки Светловой, что одно из зданий на центральной площади — тот самый трактир «Столичный город», где Иван и Алеша исповедуются друг другу. Ребятам захватывает внимательное, медленное чтение романа, выявление его топографических реалий, соотнесение их с «натурой» — историко-литературными объектами Старой Руссы. Наблюдения над текстом произведения, сопоставление жизненного факта, реального материала с художественным его осмыслением помогут школьникам понять важнейшие стороны эстетики Ф. М. Достоевского, специфику отражения действительности в искусстве слова. Таким образом, уяснение роли Старой Руссы, ставшей для писателя местом «трудов и вдохновений», во многом прояснит психологию творчества Достоевского-художника в восприятии школьников.

1983 год был юбилейным для города и Дома-музея: исполнилось 100 лет со дня основания в Старой Руссе школы имени Достоевского. Церковно-приходская школа имени Достоевского была открыта 30 октября (11 ноября) 1883 года в знак увековечения памяти писателя в Старой Руссе. Мысль «поставить памятник живой» Достоевскому в этом городе принадлежала А. Г. Достоевской, которая и была до конца жизни попечительницей школы, предназначенной для детей беднейшего населения Старой Руссы и окрестных деревень.

35 лет (с 1883 по 1918) существования школы в качестве церковно-приходской внесли заметный вклад в развитие народного образования Старой Руссы. Многим жителям города она открыла путь к дальнейшему обучению. После Октябрьской революции школа имени Достоевского была преобразована в единую трудовую; в период фашистской оккупации она была сожжена, а в 1971 году, к 150-летию юбилею писателя, право носить его имя было присуждено средней школе № 2.

На литературном вечере, посвященном 162 годовщине со дня рождения Ф. М. Достоевского и 100-летию со дня основания школы имени писателя, выступали старейшие ее выпускники, преподаватели и учащиеся школы, ныне носящей имя писателя. Общественность города высоко оценила подготовку и проведение вечера, посвященного памяти Ф. М. Достоевского и воскресившего добрые традиции: в течение многих лет ученики и учителя школы, носящей имя писателя-гуманиста, регулярно проводили дни памяти Достоевского. Пылаев, автор книги «Старая Русса» (1916), писал

«Такой чудный памятник воздвигнут в городе великому писателю русской земли, и помнят его в этом уголке, воспоминаниями о нем овеяно почти каждое собрание в школе, каждый ученический вечер».

Среди гостей юбилейного вечера были и представители московской группы старорусского землячества. Они сделали прекрасный подарок музею — альбом, посвященный художникам, иллюстрировавшим произведения Достоевского (Шмаринову, Добужинскому, Боклевскому, Глазунову, Горяеву и др.).

И еще об одном подарке старорусскому музею хочется рассказать. Недавно автору этих строк посчастливилось узнать, что в коллекции Б. А. Лебедева, брата художницы Т. А. Лебедевой (1903—1977), хранятся малоизвестные ее работы, иллюстрации к роману Достоевского «Бесы». Их оказалось около 40 — целая портретная галерея главных персонажей романа, этюды к портретам, сцены из произведения, выполненные в технике «черная акварель». Работы Т. А. Лебедевой, отличающиеся психологичностью, глубоким проникновением в художественный мир романа, стали теперь достоянием старорусского музея: Б. А. Лебедев передал их в дар Дому, где Достоевский завершил работу над романом «Бесы». В музее готовится выставка портретов-иллюстраций Т. А. Лебедевой как часть экспозиции о первом периоде пребывания Ф. М. Достоевского в Старой Руссе.

*

«Петербург Достоевского»... Этот историко-литературный и архитектурный феномен включает в себя дома и набережные, улицы и переулки, площади и мосты, где совершались события многих произведений Достоевского. Да и сама жизнь писателя неразрывно связана с северной столицей: в Инженерном замке молодой Достоевский учился, в небольшом доме на Владимирском проспекте, сохранившемся до нашего времени, он написал свой первый роман «Бедные люди». Рядом с Исаакиевским собором находилась квартира, где писатель был арестован по делу Петрашевского, в «Секретном доме» Алексеевского рavelина Петропавловской крепости восемь месяцев содержался он под стражей, на Семеновском плацу пережил обряд приготовления к смертной казни. Сюда, в Петербург, страстно стремится Достоевский после десятилетнего отсутствия — четырех лет каторги и шести лет ссылки. Возвратившись в этот город в конце 1859 года, писатель прожил в нем (с небольшими перерывами) 22 года. Последние два с половиной года жизни Достоевского — уже прославленного писателя — прошли в доме на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы (ныне улицы Достоев-

ского). Здесь им был написан роман «Братья Карамазовы», здесь 28 января (9 февраля) он умер. В дни празднования 150-летнего юбилея писателя в этом доме был открыт литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского.

За годы своего существования музей стал подлинным научно-исследовательским центром по изучению жизни и творчества Достоевского. Работа музея ведется в тесном сотрудничестве с ведущими научными учреждениями, архивами, библиотеками. В результате длительных систематических разысканий здесь собран ценный документальный материал о писателе, его окружении и эпохе, создана богатая библиотека, в которой хранятся редкие и уникальные автографы, письма, фотографии.

Сотрудники музея ведут интенсивный научный поиск. За последние годы ими обнаружены четыре ранее неизвестных автографа Ф. М. Достоевского — дарственные надписи на книгах и фотографиях. Находки помогают лучше узнать круг общения писателя, уточняют летопись его жизни.

С первого же года работы музея стало традицией проводить в нем юбилейные заседания с участием видных ученых — филологов, философов. Теперь эти заседания переросли в систематически проводимые Достоевские чтения.

*

Кроме московского, старорусского и ленинградского музеев Ф. М. Достоевского в нашей стране есть еще четыре места, связанные с жизнью и творчеством писателя: это Литературный музей в Омске, где один из залов раскрывает период пребывания Достоевского на омской каторге (1850—1854), музей Семипалатинска, города, где писатель отбывал солдатчину (1854—1859), музей в Новокузнецке, куда он (в 1857 г.) приезжал навещать М. Д. Исаеву, и, наконец, домик в Оптиной Пустыни, в котором писатель останавливался в 1878 году для бесед со старцем Амвросием, прототипом Зосимы в романе «Братья Карамазовы».

Каждый музей имеет свое лицо и назначение, каждый из них вносит свой вклад в изучение и популяризацию наследия выдающегося русского писателя. Научная, поисково-краеведческая и пропагандистская работа этих музеев может быть доступна не только для учащихся городов, где «прописан» музей, но и для школьников всей страны, интересующихся творчеством Ф. М. Достоевского. Голос ребят будет услышан, адрес же прост: город, музей Достоевского,

Л. И. САРАСКИНА
Рисунок В. Комарова

**Валериан
Владимирович
КУЙБЫШЕВ**

1888—1935

Виднейший деятель Коммунистической партии и Советского государства, один из ближайших учеников и соратников В. И. Ленина, В. В. Куйбышев был замечательным оратором. Он часто выступал на митингах и собраниях, увлекая слушателей пламенным словом, просто и доходчиво объясняя самые сложные вопросы. Воспоминания современников, слышавших выступления В. В. Куйбышева, позволяют воссоздать облик этого блестящего оратора. Артем Веселый, писатель, участник Октябрьской революции и гражданской войны, вспоминает:

«Впервые я услышал Валериана Владимировича на большом митинге на грубочном заводе...

Вначале он говорил с большой сдержанностью, с оттенком сарказма, обрисовывая предательскую работу оборонцев, их роль в военно-промышленных комитетах, Государственной думе и т. д. Потом, все более и более горячась, он с вдохновением заговорил о грядущей победе пролетариата, о Ленине. Сверкающая ясность его призывов глубоко запала в сознание передовых рабочих...

В то время товарищ Куйбышев был молод, неутомим, полон кипучей энергии. Впрочем, энергия не покидала

его до последнего дня и часа жизни. Его можно было видеть тогда и на митинге в артиллерийских казармах; неутомимо он вел борьбу с политическими противниками всех цветов и оттенков в стенах Совета; читал лекции и доклады для партактива; писал руководящие статьи, всегда бурные и литературно безукоризненные...» (О Валерiane Куйбышеве. Воспоминания, очерки, статьи. М., 1983).

Вот еще одно воспоминание. П. П. Фролов, участник Октябрьской революции, писал о выступлении В. В. Куйбышева в Самаре (ныне г. Куйбышев): «Горячая правдивая речь В. В. Куйбышева на солдатском митинге в Аржановском саду приковала внимание солдат, которых было там несколько тысяч. Возмущение солдат против Временного правительства и против эсеров и меньшевиков было настолько велико, что они готовы были тут же на месте учинить расправу над местными лидерами мелкобуржуазных партий».

В. В. Куйбышев умел понять настроение слушателей; один из свидетелей его выступления А. В. Трофимов, рабочий, член партии с 1905 года, отмечал:

«Определив настроение собравшихся, он поднялся на возвышение у памятника и в течение получаса доказывал, что с приходом белочехов трудящимся города и деревни будет нанесен тяжелый удар, капиталисты и помещики установят свою власть, опять вернуться старые порядки и что прихода белочехов ждут отъявленные контрреволюционеры. При этом он указал рукой на тех, кто вел агитацию за поддержку белочехов. В течение этого короткого выступления В. В. Куйбышев собрал много народу. Все слушали его с большим вниманием. Я тогда убедился в том, что он умеет подходить к каждой отдельной группе людей, умеет быстро распознавать и метко поражать врагов».

◆ Доклады и речи В. В. Куйбышева — замечательный образец ораторского искусства — свидетельствует о его разносторонней деятельности: он приветствует Всесоюзный учительский съезд, поздравляет строителей Волховстроя с успешным окончанием работ, выступает на совещании рабкоров, на собраниях молодежи... В. В. Куйбышев умел правильно определить специфику аудитории: ее возраст, образование, профессию, жизненный опыт, интересы. Он учитывал также ситуацию выступления и возможную реакцию слушателей на его речь.

19 февраля 1931 года В. В. Куйбышев выступал на собрании, посвященном строительству Урало-Кузнецкого комбината. На нем присутствовали 1500 молодых ударников и специалистов города Москвы. В. В. Куйбышев понимал, что молодежной аудитории надо помочь правильно и как можно более исчерпывающе понять величие и необходимость больших преобразований в стране. Поэтому он предельно точен и логичен в своих доказательствах; рассматривая урало-кузнецкую проблему, подходит к ней всесторонне: подробно излагает фактический материал, старается убедить слушателей в правильности выводов.

Свою речь «В бой за Урало-Кузнецкий комбинат!» начинает оратор так: «Урало-кузнецкая проблема является проблемой величайшей исторической важности. Она могла быть поставлена только в условиях плановой, социалистической системы управления хозяйством, только в условиях пролетарского государства. Строящийся огромный Магнитогорский завод, завод в Кузнецке, большие работы в области шахтного строительства и т. д. поражают своей грандиозностью. У многих складывается впечатление, что в строительстве этих гигантов и заключается урало-кузнецкая проблема.

Тот, кто думает так, преуменьшает грандиозность и величие проблемы Урала — Кузбасса, разрешаемой рабочим классом под руководством партии» (Куйбышев В. В. Избранные произведения М., 1958).

Как видим, в начале выступления В. В. Куйбышев четко формулирует основной тезис, вводя тем самым слушателей в суть проблематики, отмечает, что урало-кузнецкая проблема намного глубже и шире, чем это представляется многим.

Оратор опирается на фактически достоверные положения: Урал — это прежде всего, цветные металлы. Вот как развивается мысль В. В. Куйбышева: «Юг не имеет месторождений цветных металлов, тогда как на Урале есть и медь, и свинец, и золото. Совершенно естественно, что с ростом металлургии, с ростом мощи Урало-Кузнецкого комбината разовьется и паша цветная металлургия, которая даст нам возможность освободиться от иностранного ввоза».

В. В. Куйбышев доказывает и необходимость развития энергетической базы: «Шахты и металлургические заводы требуют для своей работы много энергии. Для того, чтобы привозить металл, руду с Урала в Кузбасс и уголь из

Кузбасса на Урал, нужен транспорт с огромной пропускной способностью, которую может дать только электрификация железных дорог. Все это требует от Урало-Кузнецкого комбината бурного развертывания строительства электростанций». Приводя эти и другие факты, оратор постоянно связывал их с основной идеей выступления: на Урало-Кузнецком комбинате будет бурно развиваться строительство электростанций.

И далее В. В. Куйбышев продолжает: «Но это не все. Может ли Урало-Кузнецкий комбинат быть обслужен машинами из-за границы или наших старых машиностроительных центров? Магнитогорскому заводу, Кузнецкому заводу потребуется огромное количество машиностроительной продукции, нужны будут в большом количестве блюминги, прокатные станы, горное оборудование и т. д. Все это не может быть обеспечено старыми машиностроительными заводами». Поставив вопрос, В. В. Куйбышев как бы подготавливает слушателей к выводу о том, что необходимо в короткое время создать мощную машиностроительную базу для Урало-Кузнецкого комбината на его территории. И это мнение оратор подкрепляет своим выводом, который вытекает из всего рассуждения.

Первая часть выступления в основном построена на строго логических доказательствах, а эмоциональную роль в ней играют картины будущего. Вторая же часть более эмоциональна, в ней использованы яркие выразительные средства. Отметив роль комсомола в социалистическом строительстве, оратор обратился к молодежи: «Инициатива комсомола... является очень ценной. Нужно, чтобы комсомол со своей молодой дерзостью взялся за вскрытие существующих недостатков во всех областях, соприкасающихся с урало-кузнецкой проблемой. А недостатков этих много...»

И речь заканчивается призывом: «Молодежь! Все дружно в бой за Урало-Кузнецкий комбинат, с уверенностью в том, что вы делаете великое социалистическое дело». Эти слова зажигали аудиторию, призывали юношей и девушек к активному действию. Оратор влияет на слушателей, убеждает их с помощью четкой логической структуры и эмоциональности речи. Он не просто рассказывает об изменениях в стране, а ищет ответы на вопросы, старается включить аудиторию в совместный поиск, размышляя вместе с нею: *как видно, надо будет подумать, но это не*

все, но и это не все, совершенно естественно, хочу обратить ваше внимание.

В. В. Куйбышев учитывает, что восприятие и осмысленные материалы в молодежной аудитории всегда связано с эмоциональным отношением к нему. Сами по себе идеи могут и не вызывать эмоций у молодежи. Значит, необходимо построить речь так, чтобы показать, что слушатели — непосредственные участники грандиозных событий. И эта речь позволила слушателям представить будущее Урало-Кузнецкого комбината, который будет воздвигнут героическим трудом людей, в первую очередь молодежью.

Все выступления В. В. Куйбышева глубоко убедительны. Они не только не вызывают возражений у слушателей, но и пробуждают у них твердую уверенность в истинности доказательств. Особенно убеждает цифровой материал. Например, В. В. Куйбышев широко использовал статистические данные в докладе на I Всесоюзном съезде ударных бригад 5 декабря 1929 года. В докладе «Бригады социализма» показан рост промышленности и сельского хозяйства в нашей стране. Приведем в качестве иллюстрации отрывок из этой речи:

«В промышленности, производящей средства производства, в 1928/29 г. мы имеем 30-процентный рост, т. е. количество выпускаемых средств производства — машин, угля, металла, сырья и т. д. и т. д., — увеличилось почти на одну треть. В 1929/30 г., используя этот подъем и базируясь на все возрастающей активности рабочего класса, мы проектируем в тяжелой промышленности рост продукции уже на 45%, т. е. почти наполовину за один год возрастет количество выпускаемой продукции промышленности; а если взять два года пятилетки — 1928/29 и 1929/30, то в тяжелой промышленности мы будем иметь увеличение на 91%, то есть почти удвоение того, что было в 1927/28 г.».

Сопоставление цифр в различных вариантах дает наглядную картину роста промышленности. Мало того, люди квалифицированные (а доклад был прочитан перед представителями ударных бригад) легко могут следить за ходом размышлений оратора.

◆ В. В. Куйбышев уделял большое внимание простоте изложения. В его выступлениях нет усложненных синтаксических конструкций, многочисленных придаточных предложений, затемняющих смысл высказывания. В своих

выступлениях он развивает основную линию изложения, не останавливается подробно на второстепенных деталях, отвлекающих слушателей. Немногими, скупыми словами он точно передавал мысль. Точность речи — это достоверность, истинность высказывания, а также ее простота, понятность и краткость. Вот В. В. Куйбышев выступает с докладом «Науку и технику на службу социализма!» на Московской областной конференции Всесоюзной ассоциации работников науки и техники социалистического строительства (апрель 1932 года). Немногими, но яркими штрихами обрисовывает ситуацию, показывает перспективу развития нашей страны:

«Почему нам нужно говорить уже теперь, при разработке плана второй пятилетки, не только об освоении лучших образцов капиталистической техники, но и о новой технике, технике, превосходящей технику капитализма? В самом деле: второй пятилетний план предусматривает электрификацию всей страны, высоковольтную передачу с кольцеванием и т. д. и т. п., то, чего не знает капиталистический мир...

Мы будем развиваться путем комплексов, путем комбинированного использования многообразных естественных ресурсов нашей страны. И вот это комплексное развитие, это комбинированное использование всех ресурсов, это — то новое, что имеется в социалистической экономике...»

Слова ясные, простые, нет ничего лишнего. В. В. Куйбышев ставит перед слушателями-специалистами проблемы, которые на многие годы определяют развитие науки и техники в нашей стране. В докладе основное внимание обращается на доказательство выдвигаемых положений и опровержение утверждений, которые являются ложными. Оратор не навязывает аудитории своей точки зрения, а приглашает ее к совместному обсуждению разбираемых вопросов. Он ставит проблемы и намечает их возможные решения. Подобный метод изложения позволяет привлечь внимание к докладу.

Докладчик учитывает специфику и профиль работы слушателей, поэтому выступлению присущ научно-деловой стиль. Здесь употреблены специальные термины (*электрификация, химизация, фосфорная кислота, коэффициент использования объема домы*), абстрактные слова и типичные для научной и деловой речи сочетания слов (*широкое распространение должно получить; основ-*

ной задачей является; важнейшим элементом социалистической реконструкции является), слова, которые соединяют части текста (поэтому, таким образом, совершенно очевидно, все это и т. п.). Употребляются в этом выступлении исключительно повествовательные предложения с прямым порядком слов, и очень редко — вопросительные.

Для В. В. Куйбышева как оратора был характерен строгий склад речи. Образность касалась в основном стилистических фигур — необычных синтаксических оборотов речи, служащих для усиления ее образно-выразительной функции. Следует отметить, что В. В. Куйбышев весьма скупо пользовался этими фигурами. В последней части речи перед работниками науки и техники он сказал:

«Какой из этих областей мы скажем: стой, не двигайся дальше в области прогресса, не развивай дальше науки, не применяй больше изобретений, не двигайся дальше вперед!! Разве это может быть в области лесоразработок? может быть в области химических удобрений для советских полей? может быть в области транспорта или в области добычи угля? Нет, во всех областях нашего народного хозяйства — неисчерпаемое поле для деятельности науки и труда».

Этот простой отрывок изобилует риторическими вопросами, которые не предполагают ответа, а лишь усиливают эмоциональность высказывания, его выразительность.

В. В. Куйбышев был блестящим оратором и талантливым организатором, человеком высокой культуры. Выступая, он говорил ясно, четко, кратко, а там, где было необходимо, умел заострить речь риторической фигурой, высмеять своих оппонентов. Его выступления всегда сильно действовали на слушателей.

Н. Н. КОХТЕВ

Рисунок В. Леонова

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ

И

культура

научного

стиля

Русская речь в творчестве Д. И. Менделеева (1834—1907) представлена в разных общественных проявлениях. Великий ученый оставил, по его собственному признанию, «три полки книг»: научных — на первом месте знаменитые «Основы химии» — и публицистических — «Заветные мысли», «Заметки о народном просвещении России» и др. Тридцать три года профессор читал лекции в университетской аудитории, участвовал во многих научных чтениях и публичных диспутах.

Чуткое внимание гениального химика к русскому слову проявлялось и в его «личной привязанности» к вопросам языкознания. «...в языкознании, — писал он, — истории и других науках есть такие же точно отношения к жизненным требованиям» (цитаты приводятся по изданию: Менделеев Д. И. Сочинения. Т. 1—25. М.—Л., 1934—1954), как и в химии. По его же словам, различается *мудрость научная*: она сосредоточена в математике, и *мудрость народная*: она «слышна» в языке. Менделеев любил доискаться (очевидно, не без влияния трудов А. А. Потебни) до «внутренней формы» слова, прокомментировать его значения: «...греческое слово *атом* в латинском переводе значит именно — индивидуум».

Интересны мысли ученого-естествоиспытателя о словах

труд и *работа*: мастер может «производить труд, который неизбежен в общем ходе людских отношений, или может только производить работу... для своих личных потребностей, вкусов и надобностей», «В земледелии всегда и всюду начинают с работы и мало-помалу переходят к труду». Эти слова специализированы в терминах политэкономии. Зато семантико-экспрессивные различия в глаголах *трудиться* и *работать* сохраняются в русской речи до наших дней. Об этом, в частности, написал поэт М. Исаковский в статьях «По поводу двух слов» и «Трудиться или работать?»: «*Трудиться* — это значит работать *очень хорошо, не жалея сил*. О том же, кто работает кое-как, вряд ли можно сказать, что он *трудится*. Он ведь как раз избегает настоящего труда».

Приведенные примеры представляют собой не более чем частности в филологической, так сказать, характеристике Менделеева. В этой статье мы расскажем о стиле трудов ученого. В «Заметках о народном просвещении России» Менделеев отметил, что из гимназий выходит образованное чиновничество, щеголяющее «стилем и последовательностью изложения». И ученый признавался, что таланта стилиста в себе он не развивал, потому что пользоваться таким стилем не имел охоты.

К какому же стилю тяготел Д. И. Менделеев? В русской науке при ее исторической потребности выполнять в обществе учебные, обучающие функции Менделеевым был создан новый тип учебника — Основы. Этот тип поразил современников тем, что в нем наиболее полно выявился, как свидетельствовал Л. Толстой, «прием и ход всех наук», доступных грамотному человеку и при изложении «самом строгом и серьезном».

Надо представить себе стилистический образ эпохи, в какую началась и определялась в дальнейшем авторская и лекторская деятельность Менделеева. Это было время — 60—70-е годы XIX века, когда, с одной стороны, метафоры языка литературы переводились на действительный, буквальный смысл языка науки: *страсти* на *рефлекс*ы (автор «Рефлексов головного мозга» И. М. Сеченов называл их «трактатом о страстях»), а между дубом и рысаком виделась разница лишь количественная (К. А. Тимирязев. Жизнь растения). С другой стороны, термины языка науки становились такими словами, что их громовые раскаты отдавались не в одном каком-нибудь труде, произведении, а во всей литературе эпохи. Это слова, к которым сходились духовные запросы общества и с которыми связывались надежды на понимание смысла жизни, добра, справедливости. Слова, принадлежащие равно литературе и науке, искусству и публицистике. Таким в русском языке стал термин Дарвина «борьба за существование».

Главными словами научной системы Менделеева были *вещество* и *элемент* с их четким химическим значением. Для механики «вещество есть система весовых точек, почти чуждых индивидуальности...», «Для химии же это целый живой мир с бесконечным разнообразием индивидуальностей как в самих элементах, так и в их сочетаниях». Второму слову — *элемент* — суждено было стать словом эпохи. В русский язык оно пришло примерно в 30—40-х годах XIX века из языка зарубежной философии. Менделеев закрепил за ним естественнонаучное узкоспециальное значение. После гениального открытия периодического закона химических элементов оно стало у всех «на языке». В журнале «Современник» (1864, № 1) можно было прочесть: «...Гений, дух народа... Химики отыскали теперь более шестидесяти основных элементов, из которых образуется вещество, может, такое же количество элементов отыскали бы и мы в этом духе, если бы имели возможность подвергнуть его разложению».

В 60-х годах широко распространилась практика публичных чтений, инициатором которых был Менделеев, и ученый стал лектором-оратором. В Дневнике 1862 года читаем: «17 января. Приходит Макаров и говорит, что сегодня у Андреевского собрание профессоров, желающих читать публичные лекции. Надо было приглашать Сеченова... Отправился к сестре Сеченова, и там нашли его больного. Ехать не хочет, а лекции берется читать с удовольствием»; «18 января. Часа в 4 утра написал просьбу министру Головнину о дозволении читать публичные лекции...»; «5 февраля. Отправился пораньше в Думу на лекцию Сеченова. Экие залы-то дивные, холодно только. Сеченов читал немного популярно, но хорошо, мне так не сказать никогда... Чувствуешь во время лекции какое-то отчуждение от себя. Удивительное дело — становишься до некоторой степени выше себя — что значит масса-то свободно собранных людей?»

Покажем одну, но, по нашему мнению, наиболее важную и редкую особенность неповторимо индивидуального, самобытно менделеевского научного стиля с его глубокой семантикой и мощно разветвленным синтаксисом. Обратимся к «Основам химии» (т. 24) и рассмотрим предисловия к этой книге.

Д. И. Менделеев издавал этот учебник на протяжении 38 лет своей деятельности: первое изд. — 1869; восьмое — 1906. И каждое издание он дополнял, перерабатывал. Менялись и совершенствовались предисловия, в них усиливалась гуманистическая, гражданская позиция ученого, рельефнее выражалось его материалистическое мировоззрение, речевой вкус. В 3-м издании цель «Основ химии» определялась так: «познакомить публику и учащихся в общедоступном научном изложении с основными данными и вывода-

ми химии...»; в 4-м: «Это сочинение назначено для ознакомления читателей не только с наблюдениями, опытами и законами химии., но и с химическими воззрениями...». Употребляются образные речевые средства (метафоры, афоризмы, литературные реминисценции): «...наука есть история и хранилище мудрости и опыта веков...». В 5-м издании, назначая это сочинение для вступающих в науку, ученый отмечал: «...я старался развить дух пытливости...»; «желание направить жаждущих истины к чистому источнику науки...»; «Посев научный взойдет для жатвы народной»; «Чувства добрые» наукой возбуждаются...». В 8-м: «Потребность же подготовки и призыва к разработке истинной науки для блага Родины — очевидна, настоятельна и громадна».

В предисловии к 6-му изданию было подчеркнуто, что в основу книги положен «закон периодичности» и что «все изложение этой книги подчинено указанному закону», «а он схематически выражается в таблицах элементов, располагающихся по рядам, группам и периодам...», и одновременно в стиле книги. Экспрессивная окраска текста тоже образовала его периодическую или волнообразную структуру. На первое место выдвинулось композиционное представление, говоря словами Менделеева, «план», «гармония», «гармоническое сочетание частей».

Отмечены, хотя в общем-то довольно единичные, примеры разного словоупотребления в научном изложении «Основ химии», прежде всего в предисловиях. В 60-е годы, а затем в 70-е и 80-е (уже в более слабом выражении) остро стояли проблемы связи науки с поэзией. Это было продолжением старой, воплощаемой и одновременно дискутируемой русской литературой проблемы места поэзии (художественного, возвышенного, прекрасного) в жизни («поэзия жизни» — словосочетание из произведений Гончарова, Тургенева). Писатель А. И. Левитов свидетельствовал: «Без поэзии — мы нуль, потому что без нее нет жизни... и не понять без нее жизни». На научный стиль эпохи благотворно влияли гуманистические идеалы русской литературы, а на его речевую структуру — ее стили.

Поэтическим объединяющим центром предисловий к «Основам химии» является образ «мостов», «висячих мостов»: «Сперва науки, как и мосты, умели строить, опираясь только на немногие глубокие устои и длинные балки»; «На дно не опираясь, и в науках научились пересекать пропасти неизвестного, достигать твердых берегов действительности и схватывать весь видимый мир, цепляясь лишь за хорошо обследованные береговые устои»; «...науки давно уже умеют, как висячие мосты, строить, опираясь на совокупность хорошо укрепленных тонких нитей, каждую из которых легко разорвать, общую же связь очень трудно...».

Этот образ можно было бы принять за изнашившуюся метафору юбилейного красноречия, если бы его не подготавливала та «золотая середина», которая позволила Менделееву избежать «трех одинаково губительных крайностей: утопий мечтательности..., ревнивой косности... и кичливого скептицизма...». Образ «висячего моста» — это стилистическая находка автора.

О своем научном стиле он пишет: «Простой, так сказать сухой и безучастный, пересказ фактических данных и чужих мыслей, хотя бы вновь найденных, столь важный для научных сборников и отчетов, совершенно не отвечает духу моей книги...». В этом стиле не надо искать намеков на синтаксические категории художественной речи: пересказ чужой речи (прием Достоевского) или несобственно-прямую речь (прием Гончарова).

Ученому «всеми силами хотелось избежать в его изложении смешения фикции с действительностью». И особенно в тех местах, где выражение личных мнений распространяется на изложение специальных вопросов: «...я стремлюсь, насколько умею, осветить их мыслью и сгруппировать в отчетливые и реальные образы...». По Менделееву, это важнейшая, высшая часть научного развития и в содержании, и в форме: «...научное мирозерцание сильно меняется не только со временем, но и с лицами...». А «отражение личности» в свою очередь предполагает единство стиля, отражение литературно-языковых традиций и современных автору индивидуальных стилистических вкусов. «...при всей объективности изложения науки, в нем — всегда и неизбежно — будет много субъективного, носящего печать времени и места». Оценка любого сочинения, в том числе научного труда, возможна «лишь в связи с предшествующими и окружающими».

«Познавая бесконечное,— подчеркивал Менделеев,— наука сама конца не имеет и, будучи всемирной,— в абстракте неизбежно в изложении приобретает народный характер, а в подробностях — даже более или менее единоличные оттенки». Прилагательное *народный* не должно здесь прямо вести к положительным, а то и восторженным ассоциациям, с какими мы привыкли принимать это слово. Судя по многим контекстам, в которых оно употребляется, ему присуще значение «гуманный, человеческий», а вместе с тем — «национальный, русский»: «...еще нужны свои ясновидящие Ньютоны. И я не желал бы сомневаться ни в том, что их время близко, ни в том, что в среде их будут имена русских химиков».

Таким образом, вставал вопрос: как и на какой лингвистической — речевой, стилевой — основе должно проявиться авторское «я» ученого. В «Заметках о народном просвещении России» (1901) Д. И. Менделеев писал: «Только недавно передовые русские перестали стыдиться говорить между собою по-русски, и я еще хорошо

помню время, когда степень образования почти измерялась свободностью французского изложения мыслей. Однако не вся сила русского образования ушла в это «горе от ума», в этих «героев» своего времени. Почва все же сказалась в слове, потому что вначале всегда бывает слово. Слагалось понемногу свое суждение, и чисто русские голоса стали слышаться». Высокое общественное звучание русского авторства, растущее чувство национальной гордости не могли не создавать вокруг «я» в науке ореол проповедника, учителя, пророка. От литературного «я» научное «я» брало многое, в том числе и речевой этикет общения ученого с читателем.

Во второй половине XIX века появляются стилистически разные «я» популяризаторов русской науки: И. М. Сеченова, К. А. Тимирязева, И. И. Мечникова, А. Г. Столетова, В. В. Докучаева. Но авторское «я» Менделеева включало тона самого широкого регистра. Недаром современники звали его Саваофом, Фаустом, любовались им, как микеланджеловским Моисеем. В стилевом «я» великого ученого можно обнаружить и самобытную широту Ломоносова, и жизнелюбие Пушкина, и проничность Чернышевского, и толстовское единство «самобытного нравственного отношения к предмету». Д. И. Менделеев, подобно Л. Толстому в художественном языке, продемонстрировал свой стиль, способный наилучшим образом служить русской науке, образованию, просвещению.

А. В. СТЕПАНОВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает восклицание „И ты, Брут!“? Каково его происхождение?»

С. Т. Могилев, Красная Поляна

Это выражение заимствовано из трагедии Уильяма Шекспира «Юлий Цезарь». Герой трагедии, увидев среди своих убийц родственника и своего любимца Марка Юния Брута, воскликнул, обращаясь к нему: «И ты, Брут!» Историки считают эту фразу легендарной, связанной с убийством Цезаря в 44 году до нашей эры. Светоний в биографии Цезаря писал, что тот, увидев наступавшего на него Брута, воскликнул: «И ты, дитя мое!»

Из шекспировского текста выражение «И ты, Брут!» стало крылатым — для характеристики неожиданной измены друга. В современном языке эта фраза употребляется также как выражение упрека, укора в непредвиденном или коварном поступке.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ НОВОГО СЛОВАРЯ

С особым чувством раскрываешь каждый новый словарь русского языка, а «Орфоэпический словарь русского языка», вышедший под редакцией Р. И. Аванесова в издательстве «Русский язык» (М., 1983), особенно дорог: четверть века не было у нас такого словаря, который должен указывать правильное произношение современных слов в особенно сложных случаях. Словарь-справочник под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1959) включал почти на 12 тысяч слов меньше, чем новый словарь, и отражал совершенно иное распределение нормативных вариантов. Создатели Орфоэпического словаря (Р. И. Аванесов, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова) участвовали и в составлении прежнего, но теперь они вполне сознательно отказались от многих своих установок.

■

За прошедшие годы появилось множество исследований, диссертаций, книг и статей по культуре русской речи и норме русского языка (не в узком смысле «литературного» языка); проведены многочисленные социологические и статистические обследования, вышли справочники и словари, посвященные «трудностям» русской речи. Такое обилие материала дополнительно усложняло работу авторов словаря, у которых ведь остава-

лись и собственные пристрастия к тем или иным особенностям произношения («свой опыт как носителей языка»,— сказано на с. 5). К тому же все это пришлось согласовать с ведущими тенденциями развития современного русского языка, которые также основательно изучены и теперь уже могут быть положены в основу нормативных рекомендаций.

Установлено, например, что смягчение зубного согласного перед следующим мягким зубным для всех говорящих по-русски остается обычным в произношении: *гóсти, стенá* [с^Ьт^Ь], тогда как сочетания зубного с другими согласными и все прочие сочетания подобного смягчения последовательно не дают: *сосíски*, а не *сосиськи*, как было некогда. Это правило настолько легко сформулировать, что детальных повторений в словаре можно и избежать. Правило сформулировано (с. 670 и сл.), хотя при отдельных словах и остались пометы: *неправ. сосíська*.

Повторение бесполезно, особенно там, где нет уже зависимости от следующего мягкого согласного. Заглядывая в словарь, не станем же мы каждый раз перечитывать основательные «Сведения о произношении и ударении», «Сведения о грамматических формах», которые занимают почти полсотни страниц большого формата и достаточно сложны в изложении; кроме того, они выводят читателя за пределы собственно орфоэпии в «чистую» фонетику и грамматику русского языка. Эти разделы сами по себе полезны, их обязательно следует изучить каждому, кто станет пользоваться словарем часто, но все же это не более как дополнение к самому словарю.

Составлять такие словари исключительно трудно. Никогда не знаешь, какое слово понадобится для справки. Составители избрали правильный путь: в основу перечня слов положили популярный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, но тем самым и внимание свое обратили в основном на книжную речь (хотя в последних изданиях этого словаря и появилось много просторечной лексики). По-видимому, это верный путь. Специальный словарь по орфоэпии необходимо соотнести с широко известным толковым словарем; это избавляет от необходимости давать развернутую стилистическую характеристику слова и определять все его значения. К тому же разговорные слова и без того у всех на устах, их произносят «правильно». Впрочем, без слов вроде *мýбра, мухлева́ть* и даже *губри́ть* наши авторы не обошлись, хотя такие слова и трудно признать литературными.

Множество устаревших, редких, малоупотребительных или, наоборот, совершенно новых слов вошло в словарь, и каждый, если понадобится, сможет узнать об ударении таких слов, как *алко́нбст, амбистóма, áмок, анора́к, группéто, икеба́на, мэнеджер, íмут, гря-*

дѣт, имярѣк, инокиня, хра́мина и сотни других. Заметно особое пристрастие авторов к медицинским и лингвистическим терминам, хотя и спортивная терминология не обойдена вниманием. При жизни каждого поколения эти, как и все прочие «специальные языки», решительно изменяют состав своих слов-терминов, и всегда полезно узнать, как такие слова следует произносить, чтобы не отстать от специалистов.

Тем не менее самых новых, новейших слов словарь избегает. Есть *экстремист* и *экстремальный*, но нет слова *экстремум*, от которого они образованы; отсутствуют *микробиш*, *дельтаплан* и прочие; нет даже новых русских образований вроде *стыковка*, хотя слова предыдущего поколения (даже заимствованные: *битник, хиппи* и проч.) сюда попали. Словарь, как и следует всякому серьезному труду, чуть-чуть отстаёт от моды и рачительно собирает под свой переплет лишь то, что отстоялось в речи и стало фактом (хотя бы и отрицательным) русской словесной культуры. По составу слов, таким образом, этот словарь не отменяет ни предшествующих, ни будущих: он сам по себе как данность отражает уровень современной науки и словарные симпатии нашего времени.

Вообще же, если взглянуть на самые частые слова нашей речи, окажется, что как раз для них рекомендации Орфоэпического словаря менее всего и нужны. Из первой тысячи наиболее частых слов от силы полсотни нуждается в комментариях — слишком мало, чтобы этому придавать значение. К их числу относятся *весна, зима, гора, земля, река, страна* — с колебанием ударения по разным формам и в сочетаниях с предлогами. В прошлом эти слова были с подвижным ударением, теперь они стараются приспособиться к ударению большинства имен с постоянным ударением на корне, отчего возникают колебания и варианты, которые культурному человеку следует знать: *на́ землю* — все-таки не то же самое, что *на зѣмлю*, наречная форма отличается от сочетания имени с предлогом и древним ударением: *на́ землю* (упал). Авторы всегда точны в определениях таких оттенков: *за́ зиму* (в течение зимы) — *на́ зиму* (на время зимы). Осуждается и грубое произношение очень частых в нашей речи слов *молодежь, километр, современньй, начался, начавшись* и др. (следует говорить: *молодёжь, киломе́тр, современньй, начался, начавшись*); к сожалению, нет указаний к столь же распространенному слову *положить* (иногда неверно говорят *полжить*).

В словаре дана информация о произношении отдельных слов: *конечно* произносится по-старинке — *конѣ[шн]о*, а *коричневый* — так, как написано с [чн], но можно и *кори[шн]евый*. Однако читатель призадумается над советом: *дегтярный* — не рек. устар. [не рекомендуется устаревающее] *де[x]тярный* — тут не сказано,

что и *дегтярный* произнести сложно, следует говорить *де[к]тярный*. Если рекомендуется писать *багуд* и *багут*, опять-таки остается неясным, чем эти формы различаются в произношении.

Необходимы точные пометы при каждом сложном слове, даже если и существует общее правило оглушения звонких согласных: правильное произношение следует показать на фоне ошибочных во избежание других ошибок. Нигде, например, не сказано, как произносить столь же частотные в нашей речи прилагательные типа *великий*, *высокий*, *мелкий*; прежде говорили *великѣй* или *великаѣй*, теперь — так, как пишут: *великий*. Но если хотя бы в одном случае произношение может совпадать с написанием, все отклонения от написаний должны быть отмечены. В прежнем словаре местоимение *что* подавалось как [штó] — и это правильно; теперь находим рекомендацию [шт]ó — явно недостаточную и способную ввести в искушение произнести так, как сегодня частенько и произносит молодежь: [штэ]. Лаконизм записи не должен мешать ясности и исчерпанности рекомендации.

Самое важное отличие Орфоэпического словаря заключается в допущении вариантов. Сегодня литературный язык и невозможен без вариантности. Если прежний словарь строго нормативен, новый только рекомендует то или иное произношение, в случае колебаний редко настаивая на своей версии. Это правильная позиция, потому что словарь создается на долгое пользование, а нам неизвестны нормы завтрашнего дня. Не все динамические тенденции русского языка в своем развитии уже завершены; орфоэпический словарь, построенный на научных основаниях, своими рекомендациями должен «упреждать» нормативность и вариантность. Этот принцип подачи материала в словаре соблюден. Если сегодня *обеспечение* «не рекомендуется» и советуют произносить *обеспѣчение*, в XXI веке оценки ударения могут измениться, но оба варианта несомненно еще останутся, и на долгое время. *Сажень* и *сажѣнь*, *дощ* и *дошт* (а в косвенных формах *дож^вж^а* и *дож^вд^ва*) и многие другие существуют более века, но не уходят из речи, оставаясь важными вариантами. Нет совершенно «пустых» вариантов, каждый из них, даже отвергаемый (как *звѣнит* при нормативном *звонит*), исполняет в речи какую-то свою задачу. И сама система помет, принятая в словаре, служит их охранению и сбережению на будущие времена.

Но чаще всего в словаре встречаются запретительные пометы: *не рек.*, *неправ.*, *грубо*, *устар.*; оценка ненормативного варианта последовательно производится с позиции нормы, но без уточнений по стилю. Отказ от стилистических помет не всегда полезен, ибо уже простым внесением слова в этот словарь мы характеризуем его как «нормальное», а в таком случае даже *благ* неожиданно утрачивает

свойственную ему вульгарность, и мы вынуждены принять это слово как «обычное».

Когда читаешь «не рек. устар. волён», невольно спросишь: а кто так сейчас говорит? Или, встречая *анáлог* или *анáмнез*, удивишься отсутствию запрета на произношение *аналóг*, *анамнэз* — ведь вообще-то говорят и так. Если подозревать читателя в том, что он может сказать *гарём* или *дэмагбóг*, и запрещать ему это, такие же пометы следовало бы распространить на все вообще заимствованные слова, в которых согласный стоит перед *е*. Говоря все это, мы отмечаем еще одну фундаментальную трудность, стоявшую перед авторами: на основе личного опыта трудно предусмотреть все ошибки, которые могут возникнуть в процессе речевого общения в условиях развивающейся нормы. Значит, самым важным в таком словаре всегда останется рекомендация «как следует говорить», а не запрет на возможное уклонение: словарь дает эталон устной речи.

Тем не менее «усреднение» норм в отношении к стилю и темпу речи кажется не совсем удачным. Оно обедняет литературную речь, низводя ее до уровня сухого стандарта по ГОСТу. Р. И. Аванесов в книге «Русское литературное произношение» справедливо писал, что *д[e]рзáть* и *з[и]гѣк* (пишется: *зятѣк*) хорошо выражают различие между первым — высоким и книжным и вторым — просторечным словом. Авторы словаря и в этом отношении принимают «условное среднее» произношение [e^н], и совпадение в произношении *д[e^н]рзáть* и *з[e^н]гѣк* что-то отнимает от гибкости и выразительности устной речи, которую трудно уложить в жесткое ложе письма.

Зато в отношении к грамматической характеристике слова этот словарь более упорядочен, чем прошлые справочники. Здесь, например, причастные формы не выделены в самостоятельные слова, а даны при своих глаголах. Возможность столь сжатой подачи материала и усложненного комментария определяется и возросшей филологической культурой современного читателя: сегодня, пользуясь словарем, он уже в состоянии исходить не просто из нужной ему формы, а из категории в целом. Тем более жаль, что такой читатель обделен стилистическими пометами: ведь сознательный выбор стиля речи помогает и безошибочному распределению вариантов по их функциям. Нейтральным вариантом для меня, например, остается *творбóг*; в словаре же (так было и в 1959 г.) оба ударения почти равноценны: *творбóг* и доп. *тврбóг*.

Имея набор стилистических помет, составителю проще разобратся в вариантах, иначе трудным оказывается установить пределы «правильного». В конкретных случаях, сталкиваясь с новым словом, каждый автор решает вопрос по-своему. У Ожегова *джерси* и *джерсѝ*, а в Орфоэпическом словаре наоборот: *джерсѝ* и доп.

джерси. В «Словаре трудностей русского языка» (М., 1981) сказано даже так: *джерси* (разг. *джерси́* и *джерсэ́*) — как ни произнесешь, все правильно. Но помета «доп.» [допустимо] не выражает ли значение «разговорное»? У новых слов колебания возникают особенно часто, отражая естественный переход от заимствования в «русское» слово; так и здесь — одно из ударений новое (на «окончании»), но может ли оно быть нормативным?

Словарь рекомендует *джинсовый* — почему так? Говорят ведь и *джинсовый*, такое ударение ближе и к языку-источнику, и к ударению производящего имени, и к общим закономерностям современного ударения прилагательных с *-овый*: прилагательное это выражает не качество, а отношение, потому и ударение на корне должно сохраниться, как сохраняется оно в прилагательных *скáзовый*, *ка́дровый* и подобных. Но различие между старым и новым всегда находится в области стиля, и предпочтень один стиль другому зависит от говорящего. Стиль, не отливший в норму, варианты допускает; вариант исчезает, утратив право на стиль.

Подобные замечания на полях нового словаря лишь подчеркивают важность и выразительность любой пометы, которая в словаре содержится. Язык развивается, будут уточняться и приведенные в Орфоэпическом словаре рекомендации, однако прекрасно изданный словарь останется как памятник нашей науке и нашего времени.

В. В. КОЛЕСОВ

Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«С каким ударением нужно произносить слово *красивее*?»

Г. Р. Фуфаева, Москва

В этом слове ударение падает на второй от начала слог: *краси́вее*.

«С каким ударением надо произносить слово *алкоголь*?»

П. Я. Рюмин, Винница

В слове *алкоголь* ударение падает на последний слог: *алкогóль*. Широко встречающийся в профессиональной речи медиков произносительный вариант *áлкоголь* «Орфоэпический словарь русского языка» расценивает как неправильный.

Речевой этикет: ЕСЛИ ВЫ ПАССАЖИР...

Кто из нас не был пассажиром? Поезда, автобусы, трамваи, троллейбусы стали такой неотъемлемой принадлежностью нашего быта, что без них многие не обходятся и дня. Но всегда ли общение с другими пассажирами доставляет нам удовольствие?

В редакцию «Русской речи» пришло письмо: «Ехала я однажды в трамвае, держась за поручень. Около меня сидит молодой человек лет 30. Смотрит на меня и говорит: „Бабка, не стой около меня, я еду до конечной!“ Вот такая наша молодежь!». Конечно, едва ли основательно обобщение «такая наша молодежь!», но обида, возмущение пожилого человека вполне понятны.

А кто обучит культуре поведения в транспорте пассажиров? Все мы — пассажиры, и каждому из нас нужно вести себя так, как мы хотели бы, чтобы поступали окружающие по отношению к нам: вежливо, тактично, корректно. Не надо забывать, что требования, предъявляемые нами к другим людям, обращены и к нам тоже.

Становясь пассажиром, мы обязываемся соблюдать правила поведения на транспорте, в том числе и принятые в нашем обществе формы обхождения с незнакомыми людьми. Прежде всего — с выполняющими свой профессиональный долг. Официальные обращения к ним: *Товарищ водитель! Товарищ кассир! Товарищ диспетчер!* Можно обратиться к молодым сотрудникам и со словами

Девушка! Молодой человек!, однако они подчеркнут неофициальный характер вашей просьбы или вопроса.

Едва ли приемлемы на транспорте, да и вообще в обиходе, обращения *Мужчина!*, *Женщина!* Скорее уместны такие выражения: *Будьте любезны; Простите; Разрешите к вам обратиться; Позвольте вас спросить; Извините, не скажете ли вы...* Пусть вас не смущают слова извинения: ведь, обращаясь к человеку, даже к официальному лицу, вы отрываете его от дела, возможно, более важного, чем ваше. Доброжелательное обращение к людям в транспорте *будьте добры, извините, спасибо, пожалуйста* вполне естественны, как и в любом другом общественном месте:

«Передайте на компостер, пожалуйста». — «Спасибо»; «Будьте добры, уберите сумку с прохода». — «Пожалуйста».

Вспомните, как мы передаем деньги или абонементы: «Передайте, прошу вас», «Будьте любезны, оторвите билет», «Не можете ли вы», «Извините, пробейте», «Прошу вас»; уступаем место: «Садитесь, пожалуйста», «Проходите, я уступлю вам место...»

Уступить — значит прежде всего «добровольно отказаться в пользу другого». Добровольно! Поэтому требование «Уступите место!» нежелательно. Это может быть только просьба. Правда, «добровольно отказаться в пользу другого», к сожалению, способен далеко не каждый. К этой уступчивости, то есть готовности уступить что-либо, сговорчивости в мелочах, надо учить с детства. Тихое родительское «Уступи место бабушке» сделает гораздо больше, чем тысяча гневных слов. Еще хуже, когда родители громогласно защищают право сидеть для девочки или мальчика, а пассажиры также громко осуждают родителей в присутствии детей. Одно тактичное замечание спокойным тоном: «Мальчик, бабушке тяжело стоять», «Девочка, ты не очень устала?», «Проходите, дедушка, вам ребята уступят место!», — и дальше разговор не стоит вести. Всегда найдется кто-либо совестливый. Если не найдется, поднимитесь сами.

Не стоит думать также, что всякий сидящий — нарушитель этических норм. Могут быть обстоятельства вполне уважительные, но не известные вам. Вспомните эпизод из книги Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке»:

«Поезд притормозил около дачной платформы. В вагон вошло несколько раненых...

Откуда-то сзади Алексей услышал осуждающий женский голос: — И не стыдно человеку? Возле увечный воин стоит, мается, затолкали совсем, а он, здоровый, сидит и ухом не ведет. Словно сам от пули заговоренный, а еще командир, летчик!

Алексей вспыхнул от незаслуженной этой обиды. Бешено шевельнулись его поздри. Но вдруг, просяив, он вскочил с места:

— Садись, браток!»

Человек без ног, уступающий место,— такое, конечно, встречается не часто. Зато вот женщина, освобождающая место пьяному, девушка, заботливо усаживающая около себя молодого человека, когда рядом стоят уставшие пожилые люди, к сожалению, попадаются нередко.

*

Человек, владеющий даром общения, не растеряется в любой обстановке. И если вы приехали в какой-либо город в первый раз, присмотритесь, как ведут себя местные пассажиры, как обращаются друг к другу. Конечно, нельзя выработать единые правила речевого поведения на все случаи жизни. Но культурные люди, как правило, ведут себя в транспорте различных городов одинаково тактично и вежливо, подчиняясь общим нормам этикета. Отличия весьма незначительны. Например, в одном из южных городов меня спросили: «Дама, Вы опустили деньги в копилку?» И обращение *Дама!* и слово *копилка* для названия автобусной кассы были непривычны. Студентов, проходивших практику в небольшом южно-уральском городке, удивила просьба пассажира трамвая: «Передайте на размер!». А ленинградцы *карточкой* называют месячный проездной билет, жители столицы словом *единый* именуют абонементный талон для проезда на всех видах транспорта, кроме такси.

Не следует поправлять тех, кто говорит непривычно для вас. Эти слова и обороты закрепились в речевом обиходе данной местности, и не вам их отменять. Да и вообще нежелательны громко высказываемые замечания в транспорте. Пожалуй, не стоит слишком строго относиться к тому, что называется «языковой игрой» и свидетельствует о чувстве юмора. Так, в городах, где компостеры в городском транспорте — новшество, можно услышать самые разнообразные обращения: *Придавите, пожалуйста; Приплюсните; Прощагмируйте; Ткните; Примните; Отбейте; Передайте на дырки; Проколите, пожалуйста; Стукните; Щелкните* и т. п. Даже контролер объявляет: «Дырочки приготовьте!», — и пассажиры невольно улыбаются. Все понимают, что это шутка.

Иногда спрашивают, например, нужно ли здороваться, входя в транспорт? «Ну что вы, зачем?» — скажут одни, не раздумывая. Другие правильно считают, что водителя такси, пассажиров в небольших автобусах, где ездят преимущественно односельчане, соседей по купе следует приветствовать.

Поздоровавшись с теми, кто отправляется с вами в дальнюю дорогу, поинтересовавшись, не занято ли место, где можно расположить ваши вещи, можно начать разговор. «Нейтральные» темы —

о погоде, о расписании поезда, о достопримечательностях проезжаемых мест. Если в ответ на ваши реплики слышится однозначное «да» — «нет» и разговор, как говорится, «не клеится», не стоит без особой надобности предпринимать усилия, чтобы его продолжать.

И все же гораздо хуже, когда мимолетная встреча в транспорте оставляет неприязнь к человеку, показавшему невоспитанность, элементарное отсутствие культуры. Обязательно нужно не забыть сказать доброе слово, если вас подождал водитель троллейбуса, если вас пропустили вперед и усадили пассажиры, если хорошо обслужил проводник в поезде.

Вот уже и остановка: *Вы выходите?* («встаете, вылазите, сходите») уступают в данном случае глаголу *выходить*).

Будьте любезны, разрешите пройти к выходу.частливого вам пути!

Пусть вам встречаются только корректные работники транспорта и доброжелательные пассажиры!

Всего доброго!

Л. А. ШКАТОВА

Челябинск

Рисунок В. Толстоногова

ЕСЛИ ВЫ ПАССАЖИР...

Есть слова и целые фразы, которые мы часто произносим, будучи пассажирами. Проверьте себя, насколько правильно вы их используете (ответы см. на стр. 159)

1. «Скажите, пожалуйста, где дают билеты?» или «Скажите, пожалуйста, где продают билеты?»

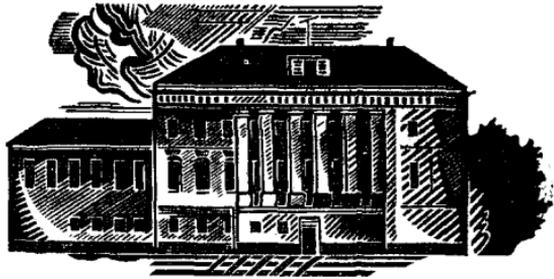
2. «Простите, Вы не подскажете, где „восьмерка“ встает?» или «Простите, Вы не скажете, где „восьмой“ останавливается?»

3. «Будьте добреньки, передайте талончик!» или «Будьте добры, передайте абонемент!»

4. «У Вас, извините, билет с плацкартом?» или «У Вас, извините, билет с плацкартой?»

5. Как говорить правильно, если в салоне нет кондуктора и установлены компстеры? Кстати, слово *компбстер* произносится мягко: *компосьтер*. Оно обозначает аппарат, прсколы которого на пассажирском билете или абонементе выбивают цифры.

Л. А. ШКАТОВА

ОТВЕЧАЕТ СЛУЖБА ЯЗЫКА

КОНТРОЛЬ [ЧЕГО-, ЗА ЧЕМ-, НАД ЧЕМ-ЛИБО]

Вопросы о синтаксических связях существительных со значением действия или процесса, особенно о конструкциях со словом *контроль*, вызывают затруднения у пишущих и говорящих.

Значение существительного *контроль* сходно глагольному: оно также обозначает действие и его «участников». В конструкциях с этим словом существительные в косвенных падежах являются наименованиями не лиц или предметов, а процессов, действий, изменяющихся состояний, технических параметров, событий, происходящих с лицами или предметами. Поэтому такие существительные могут иметь только отвлеченное значение. Конкретные существительные выступают здесь во вторичном значении, выполняя функцию отвлеченных: *контроль сердца* — *контроль работы сердца*, *контроль над предприятием* — *контроль над работой предприятия*.

*
Конструкция *контроль чего-либо* (род. пад.) закрепилась преимущественно в профессиональной речи для обозначения регулируемых человеком процессов и явлений: *приборы, применяемые для контроля и регулирования теплотехнических процессов*; *контроль коэффициента избытка воздуха*; *контроль качества*; *контроль пульса, артериального давления* (мед.). Эта конструкция встречается также в газетных текстах: «...комиссия по контролю деятельности администрации в вопросах качества продукции» (Московская правда, 1983, 22 ноября); «...за ослабление контроля качества продукции... объявлен выговор» (Труд, 1983, 20 окт.).

В современном русском литературном языке и разговорной речи распространены два других варианта: *контроль за чем-либо* и *контроль над чем-либо* (творит. пад.). Как свидетельствует словарь «Грамматическая правильность русской речи» (М., 1976; авторы: Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П.

Катлинская), наиболее употребительна конструкция *контроль за чем-либо*. По нашим наблюдениям, она встречается во всех стилях речи:

в узкоспециальных текстах: «...контроль за работой масляного насоса и за циркуляцией масла в системе смазки» (Отечественные автомобили); «контроль за работой системы охлаждения» (там же); «Технический надзор за состоянием подвижного состава и контроль за содержанием в безопасном для движения состоянии улиц, дорог и искусственных сооружений осуществляет Государственная автомобильная инспекция» (Боровский Б. Е., Попов М. Д. и др. Справочная книга автомобилиста);

в научно-популярных: «контроль за состоянием погоды» (Астапенко П. Д. Вопросы о погоде);

в газетно-публицистических: «контроль за выходом машин на линию, за регулярностью движения, своевременный ремонт подвижного состава» (Веч. Москва, 1983, 16 июля); «не ведется контроль за качеством сжигания газа, и, следовательно, не поддерживается оптимальный режим горения» (Веч. Москва, 1983, 18 мая); «заседание Комиссии... по руководству и контролю за разработкой комплексной программы развития производства товаров народного потребления и системы услуг населению» (Комс. правда, 1983, 20 XI).

Конструкция *контроль над чем-либо* в современном русском языке употребляется главным образом с существительным *вооружение*: «Демагогические разглагольствования правительства Рейгана о „приверженности“ делу контроля над ядерными вооружениями идут вразрез с конкретными делами Вашингтона» (Веч. Москва, 1983, 3 мая).

Значительно реже в конструкции *контроль над чем-либо* встречаются другие существительные: «По законам ЮАР о контроле над притоком населения лишь немногим африканцам разрешено жить без семей в городских районах...» (Московская правда, 1983, 20 ноября).

Само существование названных вариантов с существительным *контроль* свидетельствует о близком или тождественном значении слов, употребляющихся в косвенных падежах.

Конструкция *контроль чего-либо* соотносится со словосочетаниями, образованными переходными глаголами: *проверять посещаемость — проверка посещаемости, смотреть больного — осмотр больного, изучать миграцию рыб — изучение миграции рыб*.

В конструкциях с творительным падежом существительное *контроль* становится синонимом существительных *наблюдение, надзор*.

Е. М. ЛАЗУТКИНА

Александр Григорьевич ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

История отечественной науки и культуры знает немало примеров того, как скромные рядовые труженики, не претендовавшие ни на высокие ученые звания, ни на особый почет, вносили заметный вклад в развитие той или иной отрасли знаний. Среди русских языковедов таким был Александр Григорьевич Преображенский, родившийся в с. Заулье Севского уезда Орловской губернии в середине прошлого века (точная дата рождения неизвестна, умер в 1918 году) и в конце жизни, после многих лет педагогической работы в 4-й Московской гимназии, получивший единственную награду за усердное служение родному слову — почетное звание заслуженного преподавателя.

Научной общественности почти неизвестны биографические данные об А. Г. Преображенском, у него, по-видимому, не было «жизнеописателей», да и послужные списки где-то затерялись в архивах (если они вообще не утрачены). Но главное в биографии человека не послужной формуляр, а то, что этим человеком сделано для общества. А. Г. Преображенский всю жизнь отдал родной речи, любовь к которой прививал тем, кто приходил на гимназическую скамью, чтобы наряду с усвоением других наук постигнуть чарующие тайны языка и выйти из учебного заведения с окрепшим сознанием уверенности в огромной пользе человеческого слова.

Как и все педагоги-словесники, А. Г. Преображенский учил гимназистов простой мудрости — грамотно писать, правильно, выразительно и красиво говорить, точно понимать написанное, особенно то, что оставлено нам в наследие кудесниками родного слова — Жуковским и Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем, Тютчевым и Фетом, Л. Толстым и Чеховым...

А. Г. Преображенский сам создавал учебники и учебно-методические пособия для средних учебных заведений, получившие ши-

роекое признание в учительских кругах. Не случайно органы просвещения рекомендовали к повторному и многократному переизданию эти пособия.

Изучение русского языка рассматривалось А. Г. Преображенским в единстве с изучением литературы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он выпустил в свет и такие, например, книги: Русская хрестоматия. Для трех первых классов средних учебных заведений (М., 1891; изд. 3-е. М., 1902); Теория словесности. Начала эстетики, риторики и пиитики. Учебное пособие для учеников VIII класса гимназий (М., 1892; изд. 4-е. М., 1905) и многие другие.

Нельзя не назвать пособия А. Г. Преображенского по старославянскому языку — «Руководство к изучению древнего церковнославянского языка. Для IV класса гимназий. Грамматика, тексты, словарь» (М., 1887; изд. 6-е. М., 1915). Следует вспомнить, что в XIX — начале XX века это пособие было не единственной учебной книгой по данной дисциплине: по своей программе аналогичные книги писали А. Х. Востоков, А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский и другие филологи. Но А. Г. Преображенский, будучи методистом-практиком, строил свое руководство не по традиционной схеме, а применительно к конкретным задачам обучения на определенном этапе гимназического курса, с учетом возрастных особенностей учащихся.

Если названные книги А. Г. Преображенского, несмотря на свою важность в деле организации просвещения, все же оставались в рамках программ средних учебных заведений, то его историко-лексикологические разыскания, объединенные в труде «Этимологический словарь русского языка» (вып. 1—4. М., 1910—1911; вып. 5. М., 1912; след. выпуски — М., 1913—1914; М.—Л., 1949), принесли ему мировую известность и авторитет крупного лексиколога-ученого.

Эта характеристика несколько не преувеличена. Мы знаем, что этимологическая отрасль языкознания в России рождалась мучительно долго. От первых, неудачных в большинстве случаев, этимологических упражнений В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова в XVIII веке до современных крупных теоретических работ и словарей — таков путь развития отечественной этимологии.

А в XIX — начале XX века попытки создать более или менее полные этимологические труды, как правило, оставались неосуществленными: не вышли в свет этимологические словари А. Х. Востокова, А. А. Потебни; только в виде заметок и статей опубликованы этимологические наблюдения И. И. Срезневского, Ф. И. Бушлаева, А. И. Соболевского, В. Ф. Миллера, Ф. Е. Корша, А. А. Шахматова. Правда, в конце XIX века появился этимологический

словарь Н. В. Горяева, но он был очень кратким, к тому же рассчитан был не на круг ученых-специалистов, а на среднего читателя.

«Этимологический словарь» А. Г. Преображенского, переизданный факсимильным способом в нашей стране к IV Международному съезду славистов (М., 1958) и несколько раньше — за границей (Нью-Йорк, 1951), был настолько значительным явлением в истории русистики и славистики, что его невозможно обойти ни в одном серьезном исследовании по истории словарного состава. Приступая к составлению своего словаря, А. Г. Преображенский разработал достаточно четкие научные принципы отбора и объяснения лексических фактов.

Главной задачей этимологии он считал установление «истинного смысла слова», хотя вполне сознавал, что «в большинстве коренных слов этот признак далеко не очевиден». Верный лучшим традициям сравнительно-исторического метода, А. Г. Преображенский взял из него прежде всего идею исторического изучения языка. Благодаря этому стало возможным определить в словарном составе русского языка самый древний, индоевропейский фонд, показать праславянские и древнерусские новообразования, выяснить путь и характер лексического взаимодействия русского и других языков.

Само собой разумеется, что общий уровень этимологической науки конца XIX — начала XX века еще не позволял положительно решить все научные задачи. Многие остались вне поля зрения и в словаре А. Г. Преображенского, но, объективно оценивая достижения этимологов того периода, следует все же признать, что А. Г. Преображенскому принадлежит главная заслуга в создании сводного этимологического словаря русского языка. Думается, что без его словаря невозможна была бы столь быстрая подготовка М. Фасмером более обширного и совершенного этимологического словаря.

Успехи А. Г. Преображенского во многом объясняются тем, что он был крупным знатоком не только русского, но и других языков. Рецензируя первые выпуски его словаря, Ф. Ф. Фортунатов указывал, как на отрадный факт, полноту в подборе лексических материалов из всех славянских языков. Осторожность и добросовестность в научном труде А. Г. Преображенского отмечал также Б. М. Ляпунов. И это действительно так. «Этимологический словарь» А. Г. Преображенского, составленный им в трудное для русской науки время, ярчайшим образом характеризует самого автора — гимназического учителя по должности и замечательного ученого-слависта по теоретическому уровню.

М. Г. БУЛАХОВ

Минск

**Анатолий
Михайлович
ИОРДАНСКИЙ
1907—1974**

Известный советский языковед и педагог, доктор филологических наук, профессор Анатолий Михайлович Иорданский родился в селе Пеженга Кологривского района Костромской области 25 июня 1907 года.

В 1936 году он окончил Ярославский педагогический институт, затем учился в аспирантуре Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ), после окончания которой работал заведующим кафедрой русского языка Башкирского пединститута (г. Уфа). А с 1952 года и до конца своей жизни А. М. Иорданский заведовал кафедрой русского языка Владимирского пединститута.

Ученик выдающихся советских языковедов Д. Н. Ушакова и А. М. Селищева, Анатолий Михайлович продолжал и развивал лучшие традиции отечественной науки о русском языке. Перу ученого принадлежат более 40 научных работ по истории русского языка и диалектологии, грамматике, лексикологии и стилистике современного русского языка, истории отечественного языкознания и методике преподавания лингвистических дисциплин в высшей школе.

Интерес к лингвистике у Анатолия Михайловича пробудился довольно рано. Будучи студентом, он проводил диалектологические наблюдения в Кологривском районе Костромской области, результаты которых опубликованы в «Отчете о деятельности АН СССР за 1929 год» (Л., 1930). Диалектологическая проблематика привлекала А. М. Иорданского и в дальнейшем (см., например, его статьи «Говоры селений Польшовки и Поляковки Федоровского района Башкирской АССР». «Характер ударения в общеславянском языке-основе и отражение его в современном русском языке и его говорах» и др.).

В центре научных интересов ученого в течение многих лет была одна из сложных и недостаточно изученных проблем исторической грамматики русского и славянских языков — грамматическая категория числа, в частности двойственное число в русском языке. Категория числа изучалась А. М. Иорданским как в историческом, так и в современном аспектах. Это нашло отражение в ряде его больших статей: «Существительные *pluralia tantum* в русском языке», «Двойственное число в русском языке и процесс его утраты», «Конструкции типа *мы с тобой и наш с тобой* в применении к двум лицам в русском языке» и др.

Наиболее яркой и талантливой книгой А. М. Иорданского, посвященной изучению грамматической категории числа и получившей высокую оценку советских и зарубежных специалистов, является «История двойственного числа в русском языке» (1960). Ученый тщательно изучил работы своих предшественников по этой проблеме, а огромный языковой материал, извлеченный из древнерусских памятников письменности, сопоставил с данными современного русского литературного языка и территориальных диалектов, а также с соответствующими явлениями славянских языков. В результате этих исследований А. М. Иорданский пришел к выводу, что в науке история двойственного числа рассматривалась только с морфологической точки зрения. Такой односторонний подход к изучению этой грамматической категории и отсутствие достаточного фактического материала не могли раскрыть сложного процесса утраты двойственного числа в русском языке. «На основе одних количественных подсчетов случаев правильного и нарушенного употребления форм двойственного числа в памятниках письменности возникают слишком прямолинейные и поэтому упрощенные выводы о наличии или отсутствии двойственного числа как живой грамматической категории в языке того или иного памятника», — отмечал А. М. Иорданский в названной книге.

А. М. Иорданский основательно изучил условия, при которых происходила утрата двойственного числа в русском языке, и проследил ее конкретные процессы в различных частях речи. Такое исследование позволило ученому объяснить сущность и функции данной категории. Исчезновение двойственного числа шло неравномерно и неодновременно в разных частях речи и в разных синтаксических позициях. При этом наблюдается и своеобразное использование форм двойственного числа в грамматическом строе современного русского языка.

Помимо работ по исторической грамматике, А. М. Иорданскому принадлежат исследования по топонимике и истории отдельных слов: Происхождение и история названия города Владимира; Глаголы *хозяйствовать* — *хозяйничать* и производные от них существ-

вительные в русском языке; Происхождение и история слова *хозяйин* в русском языке; Слово *космос* и его производные в русском языке.

А. М. Иорданский проявлял живой интерес к истории отечественного языкознания. В 1969 году вышли в свет его большая работа «В. И. Чернышев — выдающийся педагог-методист и ученый-языковед» и ряд статей об этом ученом. В сотрудничестве с В. Г. Костомаровым и И. Ф. Протченко Анатолий Михайлович участвовал в составлении и подготовке к печати «Избранных трудов» В. И. Чернышева в 2-х томах (М., 1970). В 1973 году была опубликована статья «Дмитрий Николаевич Ушаков», приуроченная к столетию со дня рождения этого ученого.

А. М. Иорданский занимался также вопросами вузовской педагогики и методики преподавания лингвистических дисциплин. Наиболее интересны такие его статьи: Роль практических занятий в усилении профессионально-педагогической направленности курса исторической грамматики русского языка; Методика чтения лекций по лингвистическим дисциплинам на заочном отделении; Организация самостоятельной работы студентов при изучении курса «Введение в языкознание».

В последние годы жизни А. М. Иорданский обратился к исследованию языка и стиля Ф. М. Достоевского, собрал значительный фактический материал, проделал важную подготовительную работу. В октябре 1972 года на одной из межвузовских научных конференций он выступил с докладом «Русский язык в произведениях Ф. М. Достоевского. Из наблюдений над языком и стилем писателя». В этом докладе ученый сосредоточил внимание на рассмотрении некоторых синтаксических явлений, характерных для языка Ф. М. Достоевского.

А. М. Иорданский подчеркнул, что в изучении языка и стиля этого писателя намечается ряд крупных, самостоятельных тем. Причем самой важной из них он назвал изучение лексического состава и способов его художественного использования в произведениях Достоевского. Идя своим, оригинальным творческим путем, писатель внес большой вклад в тот общий процесс демократизации словарного состава русского литературного языка, который протекал во второй половине XIX века и был связан с ростом революционно-демократического движения в России.

Уже из краткого обзора научных трудов А. М. Иорданского видно, что он был глубоким и разносторонним ученым, немало сделавшим для науки о русском языке.

Не менее плодотворна и значительна была педагогическая деятельность А. М. Иорданского. За тридцать четыре года вузовской работы он подготовил не одну тысячу учителей русского языка,

среди его учеников и слушателей есть кандидаты и доктора наук. Он любил студенческую молодежь, терпеливо прививал ей горячую любовь к профессии учителя, интерес к исследовательской работе.

Особое внимание уделял ученый подготовке учительских кадров через систему заочного обучения. Сам в прошлом студент-заочник Ярославского пединститута, он проводил на заочном отделении Владимирского педагогического института не только лекционные, но и практические занятия.

А. М. Иорданский был активным пропагандистом научных знаний, часто выступал с публичными лекциями о русском языке и о культуре речи перед рабочими, учителями, студентами и школьниками. Читателям «Русской речи» знакомы статьи Анатолия Михайловича «В. И. Чернышев» (1969, № 4), «Из истории слов и выражений. Хозяин» (1971, № 2), «Ты да я, да мы с тобой» и «Наш с тобой» (1972, № 1, 2).

А. М. Иорданский был неутомимым организатором науки, он возглавлял научные и методические конференции, являлся членом ученых советов и разных комиссий.

В. И. ФУРАШОВ
Владимир

СРЕДИ КНИГ

В. В. Одинцов.

В. В. ВИНОГРАДОВ

Эпиграфом к этой книге взято изречение А. С. Пушкина: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». Книга В. В. Одинцова, выпущенная в серии «Люди науки» издательством «Просвещение» (М., 1983), построена так, что читатель постоянно «следует за мыслями» советского филолога Виктора Владимировича Виноградова, имя которого вошло

в историю культуры всего мира.

Русская грамматика; История языка — история общества (Становление новой лингвистической дисциплины); Новеллы о словах; Становление современной лингвистической стилистики; Пушкинский словарь; Проблема литературного авторства — таковы разделы книги, по содержанию своему соответствующие основным направлениям научной деятельности ученого. В. В. Одинцов, излагая основы названных проблем или дисциплин, передает ход мыслей ученого, диалектику рассуждений, сложную внутреннюю работу исследователя.

Из абстрактных научных положений грамматики или

стилистика вырисовывается живой образ человека, всю свою жизнь посвятившего науке о языке. «Готовясь к лекциям, анализируя материал,— пишет автор,— Виктор Владимирович создавал свою грамматическую теорию. Постепенно осмысливался каждый языковой факт, каждое явление».

Автор показывает, почему необходимо было осмыслить каждый языковой факт и предложить свою грамматическую теорию в такой традиционной области, как русская грамматика. Примером для такого показа выбран вопрос: сколько частей речи в современном нашем языке? И этот пример очень удачен.

Сама «языковая материя» — части речи — знакомы учащимся, а сложность проблемы в целом, раскрытая в изложении В. В. Одинцова, показывает, какой строгой логикой и остротой исследовательского зрения должен обладать ученый, чтобы «создать свою грамматическую теорию». В. В. Одинцову это удалось вполне. Тем самым образ В. В. Виноградова обретает яркие черты ученого-подвижника.

Следующие за разделом «Русская грамматика» этюды о таких дисциплинах, как история языка — история общества, становление современной лингвистической стилистики, проблема литературного авторства и др., построены по той же методике — выбраны яркие в своей очевидности примеры и показана сложность их научного решения.

Тактично и тонко раскрываются черты В. В. Виноградова как человека. Раздел «Декабрьский вечер» воссоздает живую картину быта молодого ученого: «Шел 1926 год.

На улице приятно подморозило, сыпал небольшой снежок... Виктор Владимирович любил эту свежую бодрящую погоду. На душе было легко и почти весело. Дела налаживались... Он наконец получил задержанный гонорар. И теперь, обвешанный кулками и свертками, поднимался к себе на четвертый этаж. Сегодня, в субботу, должны были прийти близкие друзья».

Друзья Виктора Владимировича — молодые ученые, имена их войдут в золотой фонд отечественной науки: А. С. Долинин, Ю. Н. Верховский, Б. М. Энгельгардт, Б. А. Ларин, Л. П. Якубинский, Л. В. Щерба. Кратко рассказывается об их интересах и тем самым приоткрываются для юного читателя широкие горизонты филологии: переводы поэтов Возрождения, издание писем Достоевского, исследование отечественной поэзии и прозы Пушкина, Гончарова, Тургенева, Гоголя...

Изложенный в беллетристической манере эпизод встречи друзей лишь повод для того, чтобы рассказать о широте интересов Виктора Владимировича, о его духовной жизни, о его захватывающем счастье постоянного творчества.

Каждый раздел книги завершается проникновенными замечаниями автора о грандиозности созданного академиком В. В. Виноградовым:

«Прошло более тридцати пяти лет со дня выхода в свет первого издания книги В. В. Виноградова „Русский язык“, а значение ее остается столь же великим, как и в год появления»;

«Ученого, открывающего новое направление в науке, а тем более формирующего ос-

новные задачи, принципы и методы исследования новой науки, принято называть выдающимся. С именем В. В. Виноградова связано становление и развитие русского литературного языка»;

«...„Словарь языка Пушкина“ стал этапным справочным пособием в истории отечественной лексикографии. И в этом огромная заслуга ответственного редактора этого издания, акад. В. В. Виноградова...

И вновь мы видим, сколь велик труд ответственного редактора, вдохновителя и организатора этого уникального издания, труд акад. В. В. Виноградова, замечательного пушкиниста, историка языка и лексикографа».

В. В. Одинцов постоянно подчеркивает огромный труд, вложенный Виктором Владимировичем в развитие науки о языке. Например, рассказав об изучении отдельных слов («Новеллы о словах»), автор заключает: «Была проделана работа, которая, казалось бы, под силу только целому институту...»

Книгу пронизывает любовь к Учителю, преклонение перед его жизнью-подвигом, восхищение его личностью — ученого и человека. В книге раскрыта духовная жизнь ученого, показаны его свершения, его великий патриотический подвиг, прославивший русскую науку.

Сам стиль книги — сдержанное, тактичное, почтительное изложение фактов биографии ученого — не может не оказывать глубокого нравственного воздействия на читателя. Важны и собственно научные данные о русском языке, изложенные в популярной форме.

Книга о Викторе Владими-

ровиче Виноградове — достойный образец пропаганды знаний о родном языке.

В. Н. ХОХЛАЧЕВА

СЕРИЯ «КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ»

Культура родной речи — это часть общей культуры человека, важнейший элемент социалистической культуры. В настоящее время культуру речи изучают в высшей и средней школе; выходят книги, словари и справочники, в которых рассматриваются теоретические вопросы этой проблемы, даются практические рекомендации. Разработкой их, в частности, занимается сектор культуры русской речи Института русского языка АН СССР.

Результаты своих исследований, анализ материалов и наблюдений научные сотрудники сектора публикуют в специальных сборниках, которые начиная с 1971 года выпускает издательство «Наука» в серии «Культура русской речи». К настоящему времени вышло 11 сборников. Статьи их посвящены актуальным и мало исследованным вопросам нормы в современном русском языке. В качестве авторов привлекаются ученые не только Москвы, но и других городов.

В эпоху научно-технической революции в разных областях знаний образуется большое количество терминов. Ученые-

языковеды изучают проблемы терминологии в теоретическом и практическом аспектах. В серии «Культура русской речи» опубликовано несколько сборников, посвященных этим вопросам. Кратко расскажем о них, подробный же их обзор помещен в журнале «Вопросы языкознания» (1983, № 5).

Первый сборник из названной серии — «Исследования по русской терминологии» (1971. Отв. редактор В. П. Даниленко). В нем рассмотрены такие вопросы: место терминологии в словарном составе русского литературного языка, взаимовлияние общеупотребительной и специальной лексики, особенности образования терминов, принципы терминологической работы и др. В статьях обсуждаются общие, теоретические проблемы терминологии и терминовтвора, даны практические рекомендации о том, как образовывать и употреблять термины.

«Терминология и норма. О языке терминологических стандартов» (1972. Отв. редактор В. П. Даниленко) — этот сборник содержит рекомендации по оформлению терминов, дает оценки вариантов терминологических наименований. Конкретные советы, которые предлагают авторы статей, должны помочь работникам, непосредственно занятым составлением терминологических стандартов.

Терминология — неотъемлемая часть каждой области знаний, отрасли науки и техники — является в настоящее время объектом стандартизации. В сборнике рассматриваются лингвистические требования, предъявляемые к стандартизуемой терминологии. Обширный материал, наблю-

дения показывают, что языковые требования, изложенные в самих проектах, реализуются не всегда последовательно.

Образование и употребление терминов в культурно-речевом аспекте, терминология и терминовтвора в эпоху НТР — тема сборника «Терминология и культура речи» (1981. Отв. редакторы: Л. И. Скворцов, Т. С. Коготкова). В условиях развитого социализма стоит задача упорядочения терминологии. Названный сборник продолжает анализ исследований по современной русской терминологии. Здесь приведена библиография работ по проблеме культуры речи в терминологии.

Сборник «Культура речи в технической документации» (1982. Отв. редактор Л. И. Скворцов) написан на материале ГОСТов и специальной литературы. Этот материал позволил сделать обобщения и выводы общетеоретического характера, дать рекомендации, направленные на совершенствование практической работы по упорядочению и стандартизации терминологических систем, на улучшение языка и стиля специальной литературы.

Научная и деловая речь должна быть ясной, точной, лаконичной и однозначной. Эти требования на современном уровне развития науки становятся обязательными и для служебной документации, и для научной и учебной литературы. Участие ученых-языковедов в выработке научно обоснованных рекомендаций необходимо в различных формах. Об этом свидетельствуют материалы специальной литературы, используемые в настоящем сборнике.

Проблема языковой нормы в литературном языке и все связанные с этой проблемой вопросы составляют один из важнейших разделов теории культуры речи. В сборнике «Языковая норма и статистика» (1977. Редколлегия: Р. Г. Пиотровский, Л. К. Граудина, В. А. Ицкович) исследование языковых явлений проведено с помощью методов количественного анализа. Статьи написаны на материале русского языка, а также других литературных языков. Авторы осуществляют разный подход к анализу материала, разную методику исследований количественных методов в лингвистике.

«Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 года вызвали издание разных книг справочного характера, в частности о трудных случаях пунктуации. Тем не менее русская пунктуация изучена недостаточно. Этим сложным и спорным вопросам посвящен сборник «Современная русская пунктуация» (1979. Отв. редактор Л. И. Скворцов). Здесь освещаются теоретические проблемы русской пунктуации, анализируются наблюдения над употреблением знаков препинания в современной печати, показана специфика пунктуации в художественной литературе. Цель сборника — привлечь внимание филологов, работников печати, широкого круга читателей к вопросам культуры письменной речи.

70-е годы XX века ознаменовались в русистике большим интересом к проблемам нормы и вариантности. В сборнике «Литературная норма и вариантность» (1981. Отв. редактор

Л. И. Скворцов) исследуется вариантность норм русского литературного языка в разные исторические периоды. Привлечен материал древнерусской эпохи XI—XIV веков, памятников старорусского периода XV—XVII веков, а также XVIII века. Проблема вариантности рассматривается во взаимосвязи с действующей нормой русского литературного языка. Высказаны разные точки зрения, что должно способствовать плодотворному обсуждению поставленной проблемы.

Анализ сложных и недостаточно разработанных теоретических и практических вопросов нормы в словообразовании и грамматике представлен в сборнике «Грамматика и норма» (1977. Отв. редактор Л. И. Скворцов). К анализу привлечен разнообразный материал: новые слова последнего времени, заимствованные слова, так называемые слова общего рода и др.; рассмотрены также произношение прилагательных на *-кий, -гий, -хий* в спелической речи, ударение в словах (*р^азв^итый — разв^итый*) и т. д. Все статьи сборника объединяет единый подход к литературной норме как к динамической, объективной языковой категории.

На большом лингвистическом материале рассматриваются грамматические особенности имен собственных в сборнике «Ономастика и грамматика» (1981. Отв. редактор Л. П. Калакуцкая). Даны конкретные рекомендации по вопросам, представляющим наибольшую сложность для пишущих и говорящих (ударение в собственных именах, склонение географических на-

званий, личных имен, фамилий и др.) и не нашедшим отражение в современных грамматиках и словарях.

«Литературная норма и просторечие» (1977. Отв. редактор Л. И. Скворцов) — этот сборник включает сложные и недостаточно разработанные вопросы функционирования просторечия в современном русском языке, взаимодействия разговорных и просторечных элементов с литературным языком и его нормами. Авторы статей исходят из положения о том, что современное просторечие — не только функциональная разновидность русского языка, но и определенная стилистическая категория литературной речи. Выводы и рекомендации даны на примерах из русской лексики XIX и XX веков. Материалы сборника необходимы не только для дальнейших исследований в области актуальных теоретических проблем, но также и для решения практических задач повышения культуры письменной и устной речи.

Становление и функционирование норм в лексике и фразеологии русского языка могут быть верно поняты и описаны при учете их исторического развития. Эти вопросы нашли

освещение в очередном сборнике сектора культуры русской речи «Литературная норма в лексике и фразеологии» (1983. Отв. редакторы: Л. И. Скворцов, Б. С. Шварцкопф). Здесь статьи о закономерностях развития лексических норм в XIX веке, в 20—30-х годах XX века, о лексике современного молодежного жаргона, о специфике норм фразеологического состава современного русского языка. Теоретические положения статей иллюстрируют обзоры словарей разного типа: орфографических, антонимов, омонимов, синонимов, правильностей русской речи и др.

Мы рассмотрели вышедшие сборники из серии «Культура русской речи». Наряду с новыми теоретическими исследованиями в них даны нормативные рекомендации, которые нельзя найти в другой справочной литературе, приведен обстоятельный и разнообразный иллюстративный материал. Поэтому названные книги привлекают внимание не только специалистов-филологов, но и массового читателя.

Работа над этой серией в секторе культуры русской речи продолжается.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Склоняется ли название города Чебоксары?»

Е. Т. Узанов, Казань

Название города *Чебоксары* склоняется: *приехал из Чебоксар, живу в Чебоксарах.*

А КТО ТАМ ИДЕТ?

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такую толпой?
— Белорусы.

А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках?
— Свою кривду.

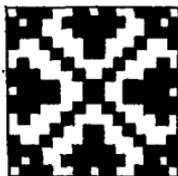
А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напоказ свою?
— На свет божий.

А кто ж это их — не один миллион —
Кривду несть научил, разбудил их сон?
— Нужда, горе.

А чего ж теперь захотелось им,
Угнетенным века, им, слепым и глухим?
— Людьми зваться.

1905—1907

Перевод Максима Горького

БУКЕТ ПОЭЗИИ ПРЕКРАСНЫЙ

Прекрасны горы своими вершинами. Недостижимой вершиной вздымается над горными кряжами белорусской литературы имя Янки Купалы. Эхо о нем прокатилось далеко за пределы родной культуры.

Советским людям дороги имена выдающихся писателей всех советских наций и народностей. Вот почему стремятся наши народы переводить лучшие произведения различных национальных литератур на свои родные языки.

Переводы — мосты между культурами, связывающие народы. Без них немислимо взаимообогащение национальных культур. Немислимо в то же время изучить десятки и сотни языков (их только в нашей стране около 130). Поэтому так велико значение языка-посредника, роль которого в нашей стране играет великий русский язык. Знание его дает возможность знакомиться с лучшими произведениями всех советских литератур. Среди них книга великого белорусского писателя Янки Купалы «А хто там ідзе?», представляющая собой великолепное издание одного стихотворения поэта, переведенного на 82 языка. Стихотворение «А хто там ідзе?» («А кто там идет?») стало подлинным событием в культурной жизни белорусов. Исключительно простое по форме, оно поражает глубиной содержания. Сравнительно короткое — всего 15 строк — стихотворение покоряет своим величественным ритмом и эпической широтой.

Написанное под непосредственным впечатлением революционных событий 1905—1907 годов, стихотворение за короткое время облетело всю Белоруссию. Оно было исключительно высоко оценено многими выдающимися деятелями и стало своеобразным «гимном белорусов».

Подлинно великое всегда выходит за национальные рамки. Так и произведение Купалы быстро распространялось среди других народов, переводилось на их языки, так как отражало самые сокровенные чаяния трудовых масс — стремление к свободе и национальному возрождению.

Первыми перевели на свой язык это стихотворение украинцы (М. Шаповал, 1909), потом литовцы (Л. Гира, 1910), русские

(М. Горький, 1911), чехи (А. Черни, 1911), поляки (М. В. С., 1912).

К удмуртам стихотворение Купалы попало в 1915 году. При чем авторство не было указано, и произведение стало удмуртским, народным. Оно звало их к национальному и социальному освобождению.

Разумеется, до Октябрьской революции перевод и распространение стихотворения «А кто там идет?» было сопряжено с риском. Поэтому основная масса его переводов (их около ста) приходится на послереволюционный период. Среди переводчиков — имена многих выдающихся писателей XX века: Максим Горький и Луи Арагон, Десанка Максимович и Янис Райнис, Людас Гира и Ильяс Джансугуров, Михаил Исаковский и Максим Рыльский, Андрей Малышко и Расул Гамзатов, Расул Рза и Антанас Венцлова, Андрей Лупан, Зульфия, Кайсын Кулиев и многие другие.

Один из самых выдающихся современных советских поэтов Максим Танк пишет: «Стихотворение „А кто там идет?“ представляет для нас не только историко-литературный интерес. Оно отразило думы и чаяния белорусов во время революции 1905—1907 годов и в дореволюционный период. Однако и позднее, каждый раз, когда над нашим краем нависала опасность, когда иноземные захватчики пытались закабалить белорусский народ, слова Янки Купалы „людьми зваться“ снова и снова вспыхивали на знаменах народных борцов. Сегодня этот лозунг актуален для многих народов мира, ведущих активную борьбу против империалистической агрессии, за национальную, политическую и экономическую независимость».

Стихотворение «А кто там идет?» на некоторые языки переводилось по нескольку раз, что также говорит о его популярности. На украинском языке существует шесть его переводов, четыре — на русском и венгерском, три — на итальянском, немецком, чешском, удмуртском и т. д. Дважды переводили стихотворение алтайцы, осетины, вьетнамцы, греки, казахи, лезгины, молдаване, таджики, тувинцы, туркмены, финны, французы, японцы.

Интересен перечень языков, на которые переведено стихотворение Янки Купалы. Прежде всего это литературные языки нашей страны: абазинский, аварский, абхазский, азербайджанский, алтайский, армянский, балкарский, башкирский, грузинский, даргинский, дунганский, еврейский, ингушский, кабардинский, казахский, калмыцкий, карачаевский, киргизский, лакский, латышский, лезгинский, литовский, молдавский, мордовско-мокшанский, мордовско-эрзянский, марийский, мансийский, навайский, осетинский, таджикский, татарский, тувинский, туркменский, удмуртский, узбекский, уйгурский, украинский, хантыйский, черкесский, чеченский, чувашский, эвенский, эвенкийский, эстонский, якутский — всего 45.

В настоящее время стихотворение переведено почти на все литературные языки народов СССР, а также более чем на 30 языков зарубежных народов, включая японский, китайский, индонезийский, арабский, дари, греческий, тамильский, урду, сингальский, хинди и другие.

Целый букет великолепно выполненных переводов! Подобно тому, как и цветы одного вида не могут повторить друг друга, в переводах этого стихотворения на различные языки можно уловить оттенки звучания и обнаружить варианты форм оригинала.

Даже в переводе на русский язык мы не находим абсолютного текстуального совпадения. Казалось бы, чего проще — передать рефрен (повторяющийся в определенном порядке стих) «А хто там ідзе, а хто там ідзе» тем же повтором. Но М. Горький отверг путь подстрочного перевода. В результате у него мы читаем: «А кто там идет по болотам и лесам». И это не вольность. Переводчик как бы приблизил нас к народу, о котором идет речь в произведении. Строки

А што яны нясуць на худых плячах,
На руках у крыві, на нагах у лапцях?

Горький передает:

А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках?

В третьей строфе слова «На свет дэлы» переведены «На свет божий»: художественный образ вновь приближен к русскому читателю.

Творческий подход Горького к переводу полюбившегося и близкого ему самому стихотворения, своеобразие русского перевода дают возможность установить роль русского перевода при переложении произведения Янки Купалы на многочисленные другие языки.

Очевидно, что большинство переводчиков наряду с оригиналом (на белорусском языке) использовали в работе и русский его перевод. Об этом свидетельствует факт отражения в некоторых случаях особенностей перевода М. Горького.

Книга Янки Купалы «А кто там идет?» прекрасно оформлена. Переводы чередуются фотографиями и иллюстрациями. Слово о Янке Купале написано Максимом Танком. Это издание — замечательный подарок всем тем, кто любит поэзию, интересуется проблемами переводов, вопросами взаимодействия и взаимообогащения национальных культур.

М. И. ИСАЕВ

ПОЭТИКА СРАВНЕНИЙ В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Одна из важнейших особенностей стиля русскоязычной прозы писателей национальных республик — своеобразие сравнений. Очевидна их изобразительная роль. Сравнения как бы удваивают описываемую ситуацию, проецируя ее на более привычную картину. Каждое в отдельности и все вместе, они в языке произведений выражают внутренний мир рассказчика и героя, передают читателю национальные образы и мышление.

Мы обратимся к русскоязычным произведениям современных казахских писателей А. Алимжанова и С. Санбаева, чтобы проследить поэтические функции сравнений.

Примечательная особенность сравнений — это их тематическая и эмоциональная согласованность с контекстом.

Часто тема для сравнения берется в сфере предметного мира описываемой ситуации. Так, водяная рябь уподобляется рыбьей чешуе, а путь бегущего по степи человека сравнивается с извилистой линией степного пожара. Например: «Фонари отражались в воде, свет бесчисленно дробился, и река казалась покрытой серебряной чешуей» (Санбаев. Дорога только одна); «...солнце бесстрастно продолжало опалать землю жаркими лучами <...> А старуха, петляя, словно пламя степного пожара, быстро взбиралась по склону длинного подковообразного холма...» (Санбаев. Колодцы знойных долин); «Птица тогда долго кружилась над ними в небесной сини. А они смотрели на нее, лежа в майской траве далеко за мазаром. Когда Акшолпан пришла к нему, на ней поверх платья была тонкая зеленая накидка — зеленая, как трава» (Алимжанов. Стрела Махамбета).

В повести С. Санбаева «Когда жаждут мифа...» герой повести старик Елен достает старое боевое снаряжение, и «военная тема» подсказывает сравнение: «[старик] порылся в обоих сундуках, перебрал сбрую и седла, которые лежали у входа, и наконец откуда-то из-под кошмы извлек старый, но, видать, еще крепкий на-

грудник с накладками из медных, почерневших от времени пластинок (...) Надевая нагрудник на гнедка, он снисходительно улыбнулся, заметив, что старое боевое снаряжение слишком просторно коню. Возраст старика был уже не тот, *поющей стрелой унеслась молодость*, и никто не был виноват в том, что ездить теперь приходится на кляче».

Контекст и сравнение могут согласовываться по эмоциональной окрашенности. В примере, приводимом ниже, сравнение и его контекст объединяются отрицательной экспрессией: «*Словно трещина в такыре*, тянулась кровавая линия зла» (там же). Здесь *кровавая линия зла* сопоставлена с мертвой, растрескавшейся землей — такыром.

В отдельных случаях образ сравнения не может быть до конца понят без учета эмоционального накала эпизода, в создании которого он участвует. Ср., например, описание внешности Зауреш: «Из-под белого вязаного платка выбилась прядка иссиня-черных волос и легла на щеку, *напоминая ровный, аккуратный шрам*». (Санбаев. Колодцы знойных долин). Портрет молодой красивой женщины кажется странным вне более широкого эмоционального и ситуативного контекста, к которому тянутся нити от сравнения пряди волос со шрамом. Но, будучи включенным в контекст, такое описание закономерно и понятно: в дом Зауреш заходят белоказакки, которые за некоторое время до этого на глазах у нее убивают мужа. Пережитый ужас свел Зауреш с ума, и гибель ее сознания вдруг становится предметно воспринимаемой и обнаруживается прядью — раной на ее лице. Символический смысл сравнения в портрете Зауреш становится особенно очевидным в сопоставлении с портретом Жумаша в повести «Дорога только одна»: «Шрам на его лбу побагровел, и казалось, что у Жумаши голова перетянута красной тонкой тесьмой». Сравнение шрама с тесьмой наглядно изобразительно и лишено символического смысла.

Сравнение может согласовываться с контекстом разного характера и объема. Оно берется из тематического круга той ситуации, которая отражена в контексте: «Песня рвалась из груди, тихая, долгая, на родном ее певучем языке, и текла она грустно и нескончаемо, *как нитка, что бежала и бежала из-под ее пальцев*» (Санбаев. И вечный бой!..).

Контекст, тему которого поддерживает сравнение, может быть равен небольшому эпизоду. Сравнение в этом случае подчеркивает, высветляет конкретную тему, напоминает о ней. Так, в конце повести «Когда жаждут мифа...» старуха Самига видит на поле раненого батыра Ботакана, поит его водой, разговаривает с ним. Военную тему эпизода поддерживает сравнение из мира природы: «Налетел ветер, кружа сухими былинками трав, подымая и гоня

по степи горькую после лета пыль. Потемнела от мелкой ряби вода, превращаясь в гигантскую кольчугу».

Контекст, на тему которого опирается сравнение, может быть разной величины, и даже равняться тексту всего произведения. Этот тип согласования сравнения с контекстом в большей мере, чем другие, позволяет проникнуть в круг привычных для автора и персонажа образов. Такие сравнения принадлежат и автору, и герою, в устах которого они приобретают обобщенно национальный смысл. Например, в повести «Дорога только одна»: «Здесь, рядом с аулом, на молодой неистребимой траве, ровной, как ворс огромного ковра, овцы каждый вечер паслись час — полтора»; «Раньше, бывало, столкнешь Нуржана с Кожасом, так кругом треск стоит, как во время степного пожара...»; «В Тайсойгане уже стояла настоящая осень. По небу неслись бесконечные, с рваными потрепанными краями облака, похожие на клочья свалывшейся шерсти».

Отражение национального специфического начала в сравнениях выступает уже в их тематике. Так, большая часть из них основана на особенностях местной природы, степного или горного пейзажа: «То ослабевая, то вновь набирая силы, они [бураны] длились по нескольку дней, и всегда после них земля оказывалась тщательно укутанной в мелкий плотный снег, похожий на песок пустыни» (Санбаев. Колодцы знойных долин); «Дерзкий поступок Амира, словно порыв ветра, обнажил истинные взаимоотношения людей» (Санбаев. Дорога только одна); «Судьбы людей, подобны степным дорогам, что пересекаются, сходятся и расходятся, идут рядом» (там же).

Вместе с тем сравнения широко отражают труд степняков-охотников, пастухов, строителей. Приведем примеры из повести Санбаева «Колодцы знойных долин»: «Плавилось солнце. На желтой вершине от жары неслышно лопались стебли полыни, в низине с беззвучным плачем умирал ковыль, и стояла женщина, — как напряженная тетива, и ждала того мгновенного удара, что бросит ее вдаль, превратив в песнь воспоминаний»; «И он наблюдал жизнь, и непрерывно бормотал, и люди бежали от слов, рассказывающих о будущем, подобно оцам от камчи пастуха».

В сравнениях отражается своеобразие национального быта, жилища: «Тут же стоял джигит со своим барабаном, похожим на огромную пиалу, обтянутую бычьей кожей» (Алимжанов. Стрела Махамбета); «Неф напоминал гигантскую юрту, сверху из шапрана — солнечного окна — падал свет, проясняя росписи на стенах и четырех колоннах» (Санбаев. Когда жаждут мифа...).

Тематическое согласование сравнений с контекстом выступает как элемент создания образа персонажа. Так, в повести С. Санбаева «Коп-ажал» лейтмотивом проходит тема сравнения ее героя

Манкаса с беркутом. Манкас — последний в своем ауле представитель профессии беркутчи (человек, который ловит и дрессирует беркута и охотится с ним). Манкас влюблен в свой опасный промысел и мечтает о его возрождении. Сравнения на «орлиную» тему, участвуя в портретной характеристике Манкаса, являются выражением и его душевного состояния, каждый раз напоминая о главной мечте и цели его жизни: «...талант оказался нелегким грузом. Манкас представил себе могучего орла, вознесшегося над землей. *И точно так, как птице в этой выси не хватает живительного земного воздуха*, Манкас задыхался от одиночества».

В этой повести образы сравнений, вызванные изображаемой обстановкой, одновременно отражают элементы ее. Так, во время разговора молодого Манкаса и Тураса в кузнице у последнего упорство Манкаса в достижении своей цели ассоциируется с сокрушительными ударами молота в его руках: «Не первый раз спорил старый бий с племянником и всякий раз оказывался бессильным перед его молчаливой непокорностью, которая, казалось, *словно молот в его руках*, могла сокрушить любого».

В другом случае у Манкаса возникает сравнение падающего со скалы беркутчи с орлом: «И видел он теперь беркутчи, сорвавшегося с вершины высокой скалы Шеркала. Полы халата были привязаны к его рукам и ногам, и он летел, широко раскинув их, *словно крылья*».

Принцип тематического согласования сравнений позволяет непосредственно приблизить текст к персонажам произведения, предположить, что сравнение принадлежит им, родилось только что в этой ситуации. Это может быть проиллюстрировано эпизодом из повести «Коп-ажал». Мальчик Кенес примеряет калкан — приспособление для ловли беркутов. В сцене участвуют его товарищи, аульные мальчишки, впервые видящие калкан, и Манкас. Вид Кенеса, залезшего в калкан, описывается с помощью двух сравнений: одно из них — из уст ребят, «непосвященных» в тонкости профессии беркутчи, другое — ассоциация специалиста — Манкаса. «Кенес стал обживать калкан (...). Калкан колыхался вокруг его пояса, *напоминая ярмо на шее тощего быка, бегущего под гору*. Для глаз, ранее не видевших приготовлений птицелова, движения Кенеса выглядели и вправду нелепыми.

Манкасу же мальчик *напоминал беркутенка, выпавшего из гнезда и тщетно пытающегося взлететь*».

В другом контексте калкан в глазах неберкутчи также выглядит диковинной вещью: то как элемент упряжки верблюда, то как танец баксы-шамана: «— Сойдет,— ответил Манкас, походя в калкане и подвигав во все стороны руками и ногами. Движения его *напоминали танец баксы, который однажды приходил к ним из*

стенного аула...»; «Калкан напоминал теперь деревянный аул, который надевают на одногорбого верблюда, прежде чем его вьючить».

Сравнения, сделанные от имени героя или выступающие как отражение его впечатлений, всегда характерологичны. Они соотносены со всей художественной информацией о персонаже, которую дает текст произведения в целом и углубляют представление о национальном своеобразии его характера, профессии, прошлого. Например, в повести «Когда жаждут мифа...» в тематике сравнений оставляет след образование и профессия героя. Стремительный бег мысли талантливого строителя Шакпака — как неукротимый бег воды, сметающий с пути создаваемые преграды: «Мысль Шакпака работала лихорадочно. Подобно потоку воды, прорвавшему насыпь, была она и в своем стремлении сметала его недавние, кажущиеся прочными принципы, расчеты, горести и мечты». В другой тематической сфере лежат ассоциации казахского есаула, в прошлом выпускника кадетского корпуса: «— Ты откуда,— справилась Зауреш безразличным голосом, и он с удовлетворением отметил, что женщина не узнала его. Эта мысль, рождаясь в нем время от времени, словно отсчитывала остаток жизни — *редущие лозы на учебном плацу*» (Санбаев. Колодцы знойных долин).

В составе сравнений особую роль играет национальная лексика, с ее помощью углубляется отражение своеобразного сознания героев. Например, в восприятии героя повести «Дорога только одна» Амира, родившегося и выросшего в степи, большое собрание народа предвещает пир или поминки — той или ас: «Аул уже проснулся. Он был непривычно многолюден, и издали казалось, что там готовятся к тою или асу...». С наблюдательной позиции двух беркутов опустевший аул кажется пустынным местом захоронения — мазаром: «А два беркута, хозяева степей Жидели, проснувшись рано, не увидели аула — опустевшие дома стояли, как мазары. И слышался далекий, тревожный, многоголосый человеческий плач...» (Алимжанов. Стрела Махамбета).

Художественно-образительные средства, в частности сравнения, помогают казахским писателям А. Алимжанову и С. Санбаеву наглядно передать национальный колорит. Особенностью сравнений в их поэтике является тесная связь с контекстом, способность соотноситься с описываемой ситуацией, с ее эмоциональной окрашенностью.

Н. Д. ИВАНОВА

СОВЕЩАНИЕ В АНДИЖАНЕ

В феврале 1984 года в Андижане состоялось всесоюзное совещание, посвященное совершенствованию теоретического и практического изучения русского языка в академических учреждениях и вузах национальных республик. Более 800 человек — лингвистов, методистов, педагогов из разных республик страны — участвовали в нем.

Открывая совещание, директор Института русского языка АН СССР Ю. Н. Караулов отметил, что проблема изучения русского языка как средства межнационального общения включает в себя многие сложные теоретические и практические вопросы, поэтому к ней привлечено внимание всех русистов национальных республик. Цель совещания: наметить мероприятия по совершенствованию обучения русскому языку в национальных республиках в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в общеобразовательных школах и других учебных заведениях союзных республик, обсудить ряд вопросов теоретического и практического характера, связанных с современным состоя-

нием преподавания русского языка в республиках, на основе обмена опытом работы.

Первый секретарь Андижанского обкома КП Узбекистана С. М. Мамарасулов, приветствуя участников совещания, подчеркнул своевременность этого мероприятия и важность обсуждаемых задач. За последнее десятилетие, отметил он, в Узбекистане проделана значительная работа по совершенствованию преподавания и изучения русского языка в различных учебных заведениях республики. Свыше 17 тысяч учащихся в 145 школах Андижанской области изучают русский язык по углубленному методу. Создано более 1700 кружков по русскому языку и литературе, в которых занимается почти 40 тысяч школьников. Однако уровень практического владения русской речью еще не всегда отвечает современным требованиям. Преодолеть этот недостаток возможно только при условии совместных усилий лингвистов-русистов республиканских и ведущих языковедческих учреждений страны.

Для успешного решения поставленных перед лингвистами задач необходимо творческую энергию ученых направить в русло четко спланированной, методологически обоснованной работы. Об этом говорилось в докладах «Основные направления в разработке проблемы — русский язык как средство

межнационального общения» (Ю. Н. Караулов) и «Задачи развития координации научно-исследовательской и научно-практической деятельности академий наук союзных республик и национальных вузов по совершенствованию изучения русского языка» (В. В. Иванов, зам. директора Института русского языка АН СССР).

Ю. Н. Караулов предложил сконцентрировать усилия ученых на следующих основных направлениях: ведущими, стержневыми аспектами проблемы остаются вопросы функционирования русского языка в национальных республиках, процессы развития двуязычия, взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков, сравнительно-сопоставительное исследование русского и национальных языков, русско-национальная и национально-русская лексикография. Те или иные общественные функции русский язык выполняет в различных сферах человеческой деятельности, поэтому немаловажным является социальный аспект исследования языка — социолингвистика. Тесно связаны между собой и такие вопросы, как культура речи в условиях национально-русского двуязычия и изучение языка писателей-билингвов.

В докладе В. В. Иванова отмечалось, что за истекшие семь лет со времени образова-

ния в республиканских академиях наук секторов и отделов русского языка и координационных советов по организации научной и практической работы, направленной на изучение и преподавание русского языка в национальных республиках, получены определенные положительные результаты в разработке проблемы «Русский язык как средство межнационального общения». Объединены силы ученых Москвы и национальных республик, выработана единая долгосрочная программа их деятельности, представленная в книге «Русский язык как средство межнационального общения. Основные направления в разработке проблемы» (М., 1982) и в Сводном плане, куда вошли наиболее значительные работы, выполняемые в республиканских языковедческих центрах.

Усилия языковедческих учреждений страны в настоящее время, отмечалось в докладе, должны быть направлены на решение трех взаимосвязанных и пересекающихся задач, вытекающих из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в общеобразовательных школах и других учебных заведениях союзных республик: разработку теоретических вопросов, связанных с функционированием, изучением и преподаванием русско-

го языка как средства межнационального общения; изучение реальных социально-лингвистических процессов и закономерностей распространения и функционирования русского языка в различных сферах общественной жизни; создание трудов практической направленности (грамматик, словарей различного типа и т. п.), отвечающих потребностям преподавания русского языка в иноязычной среде и облегчающих его усвоение и использование взрослым населением республик.

Рассматриваемый круг проблем включает в себя целый ряд конкретных вопросов, на которые в докладе В. В. Иванова были даны ясные и четкие ответы, обоснованные лингвистические объяснения.

Органичным и естественным продолжением всестороннего исследования проблемы «Русский язык как средство межнационального общения» был доклад Ю. Д. Дешериева (Институт языкознания АН СССР), осветившего социолингвистический аспект исследования национально-русского двуязычия. Докладчик охарактеризовал методы билингвистических исследований, сущность которых заключается в разработке системы сопоставительного анализа, основанного на сходстве и расхождении структурных элементов родного и русского языков (так называемые конвергентные и дивергентные ме-

тоды, которые до сих пор в многочисленных сопоставительных и типологических исследованиях не были представлены).

Первостепенное значение в наши дни приобретает национально-русская и русско-национальная лексикография. Имея это в виду, М. И. Умарходжаев (ректор Андиганского педагогического института языков) сосредоточил внимание на роли лексикографических источников при преподавании русского языка, отметив при этом необходимость разработки новых принципов их составления. За последние годы теория и практика лексикографии неизмеримо выросли, и многие принципы, по которым построены прежние словари, морально устарели.

Проблемы лексикографии волновали многих участников совещания и широко обсуждались на заседаниях. Вопросы, каким должен быть учебный словарь для национальных школ, какие типы словарей необходимы в первую очередь, каковы принципы их составления и другие, освещались в выступлениях Е. А. Быстровой (Москва), А. Н. Тихонова, И. С. Улуханова (Москва), К. М. Икрамовой (Самарканд), Х. Д. Лезметс (Таллин). Тот факт, что русско-национальные словари в наши дни превратились в своего рода учебники по русскому языку, которые не только обучают языку, но и спо-

способствуют повышению культуры русской речи, послужил одним из аргументов для призыва, отчетливо прозвучавшего в выступлениях, — больше практических пособий по русскому языку для школ и вузов национальных республик с учетом специфики родного языка.

Идея скоординировать связь вузов со школами так, чтобы учителя ощущали реальную помощь ученых в своей практической деятельности (В. В. Иванов), получила развитие в выступлениях и ученых (в частности А. Орусбаева, Киргизия), и преподавателей-практиков (К. Е. Могилевская, заслуженная учительница УзССР).

Тема «Национально-русское двуязычие — социальная потребность многонационального социалистического общества» была раскрыта в докладе И. У. Асфандиярова (Ташкент). Сегодняшние огромные достижения национальных республик, в том числе и Узбекистана, отметил докладчик, связаны с поступательным развитием национально-русского двуязычия. Русский язык, являясь подчас первоисточником в области массовой, учебной и научно-технической информации, становится объективной потребностью.

Проблема сравнительно-сопоставительного исследования языков постоянно была в центре внимания участников совещания и получила дальнейшее

развитие в развернутых выступлениях ученых из разных республик — Д. С. Чантуришвили (Грузия), М. Г. Тагиева (Азербайджан), А. Орусбаева (Киргизия), З. Г. Ураксина (Башкирия), А. Азизова (Узбекистан), П. Мадиевой (Дагестан) и других. Их наблюдения и замечания позволили яснее представить как состояние, так и перспективу языковой практики на местах.

В беседах с участниками совещания нетрудно было убедиться в том, что состоявшийся обмен мнениями принес всем глубокое удовлетворение: подведены итоги большой и сложной работы, определены конкретные задачи на будущее, намечены пути их реализации.

Оценивая работу совещания в Андижане, Е. А. Быстрова выразила мнение всех его участников, подчеркнув мысль о том, что оно не только отражает новый этап в работе русистов страны, но и способствует консолидации ее научных сил.

Отмечая высокий научный и организационный уровень совещания, его участники были единодушны в том, что успешной работе во многом способствовала необыкновенно дружеская и теплая атмосфера, созданная гостеприимными хозяевами и пробуждавшая в душе каждого светлое чувство семьи единой.

И. Б. ЕСТЬКОВА

Е. А. Зачевский,
Е. Г. Ковалевская.

**ОБЩЕЕ
И НАЦИОНАЛЬНОЕ
В ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКОВ
НАРОДОВ СССР**

Книгу Е. А. Зачевского и Е. Г. Ковалевской «Общее и национальное в лексике языков народов СССР» (М.: Просвещение, 1983) мы рекомендуем для внеклассного чтения учащимся старших классов. Раскрывая специфические особенности национальной лексики языков народов СССР, авторы на богатом фактическом материале показывают формирование общего лексического фонда языков народов нашей страны. В книге приведены интересные примеры из произведений замечательных советских писателей разных национальностей, таких, как Расул Гамзатов, Джамбул Джабаев, Мурат Паранук, Гафур Гулям, Юрий Рытхэу, Чингиз Айтматов, Геворг Эмин и другие. Идею книги можно, очевидно, выразить словами Расула Гамзатова: «Мы чувствуем себя красивыми, свободными, смелыми, потому что у нас есть верные друзья во всех республиках; не язык и нация делают нас родными сегодня, а сердца и мысли...».

Основу книги составляют два раздела: «Национальная специфика словарного состава языков народов СССР» и «Советизмы, или неологизмы со-

ветской эпохи, в языках народов СССР». В них включены некоторые тематические группы национальной лексики языков народов СССР — бытовая лексика, названия растений и животных, лексическая основа тропов, традиционно-поэтическая лексика, национальная обусловленность тропов; слова революции, новые слова периода первых пятилеток, Великой Отечественной войны, лексики, связанная с космосом, и др. Авторы рассматривают слова (и словосочетания), необходимые советским людям для наиболее важных «социальных сфер общения»: общественной, политической, экономической, культурной и научной.

Природа страны, история страны и народа, отражаясь в душе человека, выражаются в слове. Люди исчезали, но слово, созданное ими, оставалось бессмертной неисчерпаемой сокровищницей языка, сказал в свое время К. Д. Ушинский. Действительно, мир вещей и мир слов теснейшим образом связаны друг с другом, и эту мысль подтверждают авторы книги. Дается глубокий анализ лексики произведений Р. Гамзатова «Мой Дагестан», Ю. Рытхэу «След россомахи», Ч. Айтматова «Белый пароход» и др.

Среди бытовой лексики можно выделить наименования места жительства, например *аул, аил* — так называется селение у кавказских горцев и жителей Средней Азии.

В аулах нет в помине древних
юрт —
Дома стоят, сады вокруг них
цветут.

Сабит Муканов.
Моя республика

Книгопечатание в Русском государстве XVII века было почти целиком сосредоточено в столичной типографии — московском Печатном дворе. К началу столетия Печатный двор представлял собой крупную ремесленную мастерскую. Во главе входящих в нее трех «изб», или «штанб», стояли талантливые мастера: Андроник Тимофеев Невежа и его сын Иван, Никита Федоров Фофанов, Анисим Михайлов Радишевский. Это были разносторонне одаренные люди, сумевшие в своем труде возвыситься до подлинного искусства. Художественным и техническим совершенством отличались «Четвероевангелие» (1606) и «Устав церковный» (1610), выпущенные А. М. Радишевым. Значительное влияние на стиль московских изданий XVII века оказали книги, напечатанные А. Т. Невежей.

Печатание книг в Москве прекратилось сразу же после занятия ее поляками в 1610 году; в 1611 году здание типографии сгорело. «И таковое доброе дело, печатный дом и вся штанба того печатного дела от тех врагов и супостат разорися и огнем пожжена», — сообщало «Сказание известно о воображении книг печатного дела» («У истоков русского книгопечатания». М., 1959). Н. Ф. Фофанову удалось вывезти печатное оборудование своей «избы» в Нижний Новгород «и тамо же в ново печатное то дело завести». Однако он возглавил и восстановление Печатного двора.

С 1620 года типография занимала Большую Каменную Палату на Никольской улице (ныне улица 25 Октября), лишь «правильня» — своеобразная корректорская — до середины 30-х годов XVII века помещалась на Троицком подворье в Кремле. В короткий срок Печатный двор достиг внушительных размеров. В нем было четыре «печатных избы», возглавляемых Фофановым, Кондратом Ивановым, Осипом Неврюевым и Никоном Дмитриевым. За десять лет (с 1621 по 1630) типография выпустила 45 изданий, а за предыдущее двадцатилетие — всего 23. Катастрофические пожары 1626 и 1634 годов уничтожали и здание, и оборудование Печатного двора, но, тем не менее, уже в 30-е годы типография превратилась в предприятие мануфактурного типа с четким разделением труда. Каждый печатный стан обслуживался одиннадцатью рабочими, среди которых были наборщики, «тередорщики» (печатники), «батырщики» (набивали краску на печатную форму), «словолитцы» (изготовители шрифта), «знаменщики», то есть художники, резчики, переплетчики, столяры и кузнецы.

В 1633 году два печатных стана арендовал замечательный книжный мастер Василий Федоров Бурцов-Протопопов. За десять лет он издал 17 книг, каждая из которых являлась образцом типографского искусства своего времени. Пик издательской деятельности московского печатного двора пришелся на 40-е годы, когда его возглавил князь Алексей Михайлович Львов. За десять лет было издано 78 книг, в том числе и первые книги светского содержания: «Грамматика» М. Смотрицкого и «Учение и хитрость ратного строю».

В последующие десятилетия книгопечатание заметно уменьшилось. Причиной тому были и трудоемкая работа по пересмотру церковных книг, предпринятая патриархом Никоном и вызвавшая раскол в русской церкви, и войны с Польшей и Швецией, а также народные восстания, не раз потрясавшие в эти годы Москву. Впрочем, тогда же у Печатного двора появляются первые «конкуренты». Патриарх Никон устроил типографию в своем любимом детище — Иверском монастыре, переведя туда печатное оборудование из белорусского Кутейнского монастыря. «И вы, вся братия, по повелению нашему вземшися на подводы,— говорилось в грамоте патриарха,— не косните прийти в монастырь наш Иверский и печать книжную со всяким нарядом, и печатных книги и печатных мастеров и прочих, которых доведется, повелели есми наместнику Иверского монастыря взять» (Центральный государственный архив древних актов). С 1655 по 1665 год эта типография издала 5 книг общим тиражом около 1400 экземпляров.

Более успешной и важной для русской культуры была дея-

тельность типографии, организованной выдающимся писателем XVII века Симеоном Полоцким.

Эта типография действовала с 1679 по 1682 год и располагалась в «Верху», то есть в царском дворце в Кремле, почему и получила название Верхней. Статус «царской печати» избавлял ее от контроля со стороны церковной администрации. При жизни Полоцкого (умер в 1680 г.) типография издавала прежде всего его сочинения. За четыре года было напечатано семь книг, многие из них украшены гравюрами по рисункам Симона Ушакова.

Последнее десятилетие XVII века — начало эпохи Петра Великого — ознаменовано новым ростом печатной продукции столичной типографии. Если за двадцать лет (с 1661 по 1680) было издано 75 книг, то за последнее десятилетие XVII века — 71.

*

Близился уже качественно новый период в истории русской книги. Московский Печатный двор стал своеобразным культурным центром России. Это было связано, прежде всего, с деятельностью «справщиков», людей, готовивших книги к печати. В XVII веке их задачи были чрезвычайно разнообразны. Они не только корректировали издаваемые книги, но и отбирали наиболее исправные списки рукописных книг и авторитетных печатных изданий, следили за лексической и грамматической точностью языка в продукции Печатного двора. Такой труд требовал большой образованности, знания иностранных языков, в первую очередь — греческого. Ведь исправление церковных книг, осуществлявшееся с самого начала деятельности Печатного двора, было, в сущности, проверкой качества переводов с греческого. При этом неизбежно вставала задача уточнения многих вопросов старославянского языка, возможности его приближения к живой разговорной речи. Вместе с тем эта деятельность была далеко не безопасна. Так, в 1618 году справщик Арсения Глухого, Ивана Клементьева Наседку и троицкого архимандрита Дионисия за сделанные ими исправления предали церковному суду и подвергли пыткам. Дионисий был объявлен еретиком и приговорен к штрафу в 500 рублей (огромная по тому времени сумма). Они были освобождены лишь после вмешательства греческих патриархов, подтвердивших правильность сделанных переводов.

В 1649 году по настоянию Никона, тогда Новгородского митрополита, наказание постигло справщика Михаила Стефанова Рогова. Будущий патриарх счел крамольным помещенное в «Кирилловой книге» (1644) стихотворение Рогова «Акростихида», лишил его сана и удалил с Печатного двора.

В 1681 году при Печатном дворе была организована специальная школа для подготовки справщиков; особое внимание обращалось на изучение иностранных языков. Позднее ученики Типографской школы влились в число первых студентов Московской славяно-греко-латинской академии.

Во второй половине столетия среди справщиков встречаются имена киевских «ученых старцев» — Епифания Славинецкого и Арсения Корецкого-Сатановского, замечательных деятелей русской культуры Арсения Суханова, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева, Федора Поликарпова-Орлова. Благодаря их деятельности, в XVII веке появились первые, пока еще рукописные, сочинения по истории русского книгопечатания. В 40-е годы было составлено «Сказание известно о воображении книг печатного дела» и «Сказание известно и написание вкратце».

Во второй половине столетия написано первое отечественное пособие по библиографии — «Оглавление книг, кто их сложил». Основными учебными книгами были в то время «Азбука», «Часослов», «Псалтирь», много раз тысячными тиражами издававшиеся на протяжении всего XVII века. До наших дней дошло 44 издания «Псалтири» и 28 — «Часословов». Издавались «Учебные Псалтири», предназначенные специально для обучения грамоте, куда добавлялись «Наказание учителем...» и древнеболгарское сочинение Черноризца Храбра «Сказание, како состави Кирил Философ азбуку по языку словенску и книги переведе». Часто выпускались в Москве и «Азбуки», с 1657 года называвшиеся «Букварями». По каждой книге учились целые поколения, зачитывая ее в прямом смысле «до дыр», поэтому многие издания не дошли до нас. Первое известное ныне московское издание «Азбуки» осуществил В. Ф. Бурцов-Протопопов в 1634 году, причем он использовал «Азбуку» Ивана Федорова (Львов, 1574 и Острог, 1578) и включил в нее стихи, написанные справщиком Савватием.

Азбука Бурцова была переиздана в 1637 году. В это издание он добавил лишь гравюру «Училище», которая была первой гравюрой жанрового характера в русских печатных книгах. В Приходной книге продавца книжной лавки московского Печатного двора Владимира Борзово сохранились сведения о продаже «Азбук» в 1650 и 1651 годах, причем перед списком лиц, покупавших «Азбуки» в 1651 году, сообщалось, что «во 159 (1651) году июня 19 дня в Никольской палате в два стана из остаточных книжных запасов зделано 2400 Азбук» (Лушцов С. П. Читатели изданий московской типографии в середине XVII века. Л., 1983).

Первый «Букварь», изданный в 1657 году, взял за основу другие западно-русские издания: «Букварь языка словенска» Спиридона Соболя (1636) и «Науку по чтению и разумению писма сло-

венского» Лаврентия Зизания (1596). По сравнению с ним в «Букваре» 1664 года было уменьшено количество молитв и больше места отводилось сведениям о языке. Вопли в этот букварь и образчики приветствий, автором которых был Симеон Полоцкий. «Букварь» 1667 года был еще более светским по содержанию. Книгу открывало обширное предисловие, в котором развивались весьма передовые для своего времени педагогические идеи. Этот же «Букварь» был переиздан на Печатном дворе в 1669 году без каких-либо изменений.

В 1679 году Симеон Полоцкий в Верхней типографии издал «Букварь», целиком составленный им самим. Наряду с традиционными разделами он поместил в книге «вирши» для детей:

Отроче юный, от детства учися,
Писмена знати и разум потщися.
Не возленися трудов положить,
Имат бо тебе польза многа быти.

(Цитируем по кн.: «Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность». М., 1982).

В конце XVII века ученик Симеона Полоцкого — Карион Истомина выпустил в свет два букваря: Лицевой, то есть иллюстрированный (1694) и Большой (1696). Каждую букву алфавита в Лицевом букваре Истомин сопроводил своими стихами о пользе знания, труда и наук. По его мнению, целью букваря должно быть не только обучение грамоте, но и воспитание детей «в добродетельном житии». В основу Большого букваря был положен букварь Полоцкого, в котором Истомин заменил ряд текстов стихотворениями собственного сочинения.

Для углубленного изучения родного языка предназначалась «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, изданная в 1648 году. В текст, по сравнению с первым изданием (1619), были внесены значительные изменения и добавления. Некоторые разделы сокращены или переработаны заново, другие исправлены. При внесении изменений использовалась преимущественно «Грамматика словенска» Зизания (1596).

«Ничто не разума есть честнейше, ибо разум свет есть души словесныя»,— декларировалось в предисловии к грамматике, которое приписывалось Максиму Греку. Заканчивалось оно своеобразным гимном грамматике: «...не есть без мене ни единыя черты, яже тростию полагаемая, или писмо, или слог, или часть или речь, или слово или статья, или стих или глава, или начало или конец, или чему точка или о чем запинка,— то все мое учение».

Наиболее оригинальной частью всех изданий Печатного двора было послесловие. В приложении к «Грамматике» был издан крат-

кий именной с объяснением значения каждого имени, взятый из ценнейшего лексикографического памятника XVII века «Лексикона славянорусского и имен толкования» Памвы Берынды.

Своеобразным итогом восточнославянской лексикографии XVII века явился словарь «Лексикон треязычный» Федора Поликарпова-Орлова. Он вобрал в себя лучшие труды крупнейших восточнославянских лексикографов XVII века, среди которых были и «Лексикон» Берынды, и рукописные «Лексикон латинский» Епифания Славинецкого (до 1648 г.), «Лексикон славяно-латинский» его же и Арсения Корецкого-Сатановского (50-е годы XVII в.).

Лучше всего выразил значимость учебной книги, помогающей изучению родного языка, анонимный автор послесловия к «Грамматике» Смотрицкого: тот, кто прочтет эти книги, тот «паче же писати и читати добре научит».

Как своеобразный культурный центр России московский Печатный двор стал средоточием больших книжных богатств. Эта уникальная библиотека хранила помимо изданий Печатного двора и других типографий множество русских и греческих рукописей. Делу просвещения народа, знакомству его с миром родного языка служила продукция Печатного двора, созданная трудом талантливых русских мастеров, достойных продолжателей деятельности Ивана Федорова.

А. А. БУЛЫЧЕВ

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Слышал слово *ипостась*, но не знаю его значение. Объясните, пожалуйста».

Н. С. Величко, Саратов

Слово *ипостась* заимствовано из греческого языка (*hypostasis* — лицо, сущность, основание). Оно употреблялось как термин древнегреческой философии, означавший субстанцию, сущность. Впервые введен Посидонием в I веке до нашей эры.

В современном русском языке есть шутливое выражение *в ипостаси кого-либо*, что означает «в качестве, в роли». Например: *журналист в ипостаси ученого*.

ЗВУЧНОГО ДЕЛА ПОДЪЯЧНИЙ

Так в документах Московского печатного двора называли Василия Федоровича Бурцова-Протопопова. Первые сведения о нем относятся к 1530 году. В ту пору в расходных книгах Печатного двора кроме жалованья рабочим 12 типографских станов и другим мастеровым людям начинает учитываться оклад «книжново печатново дела мастеровых людей новых двух станов, что завел Василей Бурцов». Отношения с казной и с рабочими у Бурцова совсем не те, что были у старых мастеров. Как и другие работники Печатного двора, он получает жалованье, но, не в пример им, очень большое. Деловой канцелярский язык расходных книг фиксирует каждую выплату: «Книжново печатново дела мастер Василей Бурцов. И сентября в 1 день Василию Бурцову государево денежное жалованье и за хлеб деньгами оклад его сполна и поденной корм, всего шестеят рублей на нынешней 7142 (1633—1634 гг.) дано». Ниже собственноручная расписка: «Василей Бурцов государево жалованье взял и руку приложил».

Жалованье платили в первый день нового года, который начинался тогда с сентября. Складывалось оно из собственно «оклада» (30 рублей), к которому прибавляли по рублю на месяц «поденного корму», а также 18 рублей за «40 юфтей» хлеба. Поясним, что «юфть» — специальная мера зерна, которая содержала четверть ржи и четверть овса. Четверть в ту пору вмещала около 6 пудов.

Сравним жалованье В. Ф. Бурцова с окладом наиболее квалифицированных рабочих, например наборщика: «по 13 рублей, да за мясо и за соль по 27 алтын, да за 14 юфтей с полуюфтей хлеба по 6 рублей 17 алтын 3 деньги. Всего 20 рублей 11 алтын с деньгою». «Справщики» Печатного двора, исполнявшие обязанности нынешних редакторов и корректоров, получали всего по 6 рублей в год.

Бурцов получает жалованье, но вместе с тем оборудование, на котором работают его мастеровые, принадлежит не казне, а ему. Чтобы изготовить типографские станы и отлить шрифты, мастеру, по приказу московского патриарха, выдали 1132 рубля 5 алтын. Это была своеобразная ссуда, которую Бурцов должен был возвратить. Он и отдавал ее постепенно — деньгами и книгами. Так, в 1633 году он внес в казну 500 рублей и отдал в Приказ печатных книг на 200 рублей.

Мастеровых людей Бурцов «прибирал» сам. Всего их у него было 25. Среди них — свой собственный «словолитец» — Любишко Лазарев, изготовлявший шрифты. Деятельность Бурцова говорит о проникновении капиталистических отношений в русское книгопечатание.

С 1633 по 1642 год мастеровые люди В. Ф. Бурцова-Протопопова напечатали не менее 17 книг. Среди них — первая московская «Азбука», вышедшая в свет 350 лет назад — 20 августа 1634 года. В основе ее лежит система начального обучения грамоте, разработанная Иваном Федоровым. Сохранена и структура первопечатных учебников — «Азбук» 1574 и 1578 годов. Прежде всего приведен алфавит, который ученикам предлагали заучивать в прямой и обратной последовательности, а также вразбивку. Далее шли двух- и трехбуквенные слоги: ба, ва, га..., бра, вра, гра... и т. д. На одной из страниц приведены названия букв: «Аз А. Буки Б. Веди В. Глаголь Г» и т. д. Отдельный перечень названий появляется у Бурцова впервые, в «Азбуке» Ивана Федорова его не было.

Завершает «Азбуку» В. Ф. Бурцова «Сказание» Черноризца Храбра. Этот памятник древнеболгарской литературы, рассказывающий о создании славянского алфавита великими просветителями Кириллом и Мефодием, впервые был напечатан в 1578 году Иваном Федоровым.

29 января 1637 года В. Ф. Бурцов начал печатать второе издание «Азбуки», которая вышла в свет 10 дней спустя — 8 февраля. Книгу открывает «Предисловие вкратце первоучебней сей малей книжице азбуце». Воздав должное Кириллу Философу, который «грамоту русскую состави и предаде нашему словенскому языку, такоже на просвещение уму нашему и смыслу», В. Ф. Бурцов переходит к своеобразным методическим рекомендациям по обуче-

нию грамоте. Выделены несколько этапов постижения книжной премудрости: «Первые начинают учиться по сей составной словеньстей азбуке по роду словам, и потом узнав писмена и слоги и изучив сию малую княжицу азбуку, начинают учить Часовник и Псалтырю и прочая книги». Автор предисловия оспаривает распространенное мнение о том, что грамота доступна далеко не каждому человеку.

Завершают предисловие вирши, обращенные к ученикам. Написаны они легко и просто, так что вполне доступны детскому уму. Выказано мнение, что написал их справщик Московского печатного двора Савватий. Это — первое стихотворение русского автора, напечатанное в Москве. В нем 34 строки, из которых мы приведем первые:

Сия зримая малая книжица
По реченному алфавитица
Напечатана бысть по царьскому велению
Вам младым детям к научению.
Ты же благоумное отроча сему внимай,
И от нижния степени на вышнюю восступай.
И неленостне и не нерадиве учися
И дидаскала своего во всем добрем
наказании блюдиися,

И не супротивляйся ему в добрых ни в чем
Наипаче преклоняй выю свою во всем.

Переворачиваем последнюю страницу предисловия, перед нами — гравированный на дереве фронтиспис. Гравюра заключена в прямоугольную рамку, надпись над которой поясняет, что изображено «училище». Дан как бы разрез здания с башенками и аркадами. Мы видим сводчатую палату, значительную часть которой занимает длинный стол. За ним сидят ученики с раскрытыми книгами в руках. Композиционный центр гравюры — фигура бородастого учителя с розгой в подвятой правой руке. Перед ним на коленях стоит провинившийся ученик.

Порка лентяя — необходимейший элемент средневековой педагогики. Неудивительно, что эта сцена часто присутствует в иллюстрациях как западноевропейских, так и русских букварей XVII века. В Москве она появилась впервые в «Азбуке» 1637 года. Это вообще первая русская гравюра светской тематики.

Завершает книгу обширное послесловие о подвиге «премудра учителя и вожда добра Константина Философа, нареченнаго во иноческом чину Кирилла». Заслуга его в том, что он «изложи нам словеньский наш диюлект, сипречь русский язык, и грамоту, и первые нарек писмена по ряду». В. Ф. Бурцов приписывает Кириллу

и создание первой «Азбуки», предназначенной для обучения грамоте: «первее нарек, в развержение уст наших греческим языком Альфа, нашим же русским Аз, потом Буки, Веди, Глаголь и прочая писмена по единицам, и потом счянишася двоесложныя и прочая, яже ныне в сих книгах зрятся». Далее рассказывается о том, что Кирилл перевел на русский язык богослужебные книги, которые Бурцов не называет: «о именех же тех книг ныне не у время писати».

Вторая часть послесловия — панегирик царю Алексею Михайловичу, который повелел «сия первоначальныя учению грамоте книги Азбуки произвести печатным тиснением малым детем в научение и познание». Азбуки велено «по всей бы своей Велицей Русии разсеяти, аки благое семя в доброплодные земли». Сквозь традиционную выпренность панегирика пробивается образность русской речи XVII века. «Малые отрочата,— пишет Бурцов,— учатся и вразумляют, аки по лествице (т. е. по лестнице), от нижняя степеня на вышнюю восходят».

Завершают послесловие сведения о том, кто, где и когда напечатал книгу: «Совершены же быша сия книги Азбуки того же 145 (1637) лета месяца февраля в 8 день..., в 24 лето царства его, государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси... снисканием и труды многогрешнаго Василия Федорова сына Бурцова и прочих сработников».

Печатались и переиздавались «Азбуки» В. Ф. Бурцова большими тиражами (по описи 1649 года на Печатном дворе осталось 2900 экземпляров). Стоили они дешево — всего по 2 деньги. Рубль в ту пору был равен 200-м деньгам. Другие книги стоили намного дороже. «Уложение» царя Алексея Михайловича, напечатанное в 1649 году, стоило рубль, столько же — на престольное «Евангелие».

В области художественного оформления книги Василий Федорович Бурцов был новатором, он не боялся идти против устоявшейся традиции. В Москве, например, никогда не печатались книги с титульным листом; все необходимые выходные сведения помещались в послесловиях. Между тем в киевских, львовских, острожских изданиях титул давно стал необходимым составным элементом книги. В 1641 году, печатая «Канонник», Бурцов впервые предпослал тексту титульный лист, заключив шрифтовую его часть в изящную, гравированную на дереве рамку.

Бурцов вводит в книгу и концовки, которые ранее в московской книге почти не использовались.

Большинство изданий Василия Бурцова напечатано крупным четким шрифтом, рисунок которого восходит к московскому полуставу XVI века.

В сентябре 1639 года Бурцов выпустил в свет «Святцы» — книгу, игравшую немаловажную роль в быту и обрядах наших предков. Это был своего рода календарь, в котором указывались имена святых и дни, когда они почитались. По «Святцам» обычно давали имена детям. До Бурцова «Святцы» в Москве никогда не печатались, они бытовали лишь в рукописном виде.

Предпринимая издание, Бурцов избрал для него необычный формат — в шестнадцатую долю листа. Таких маленьких книг раньше на Руси не было. Это — первая московская миниатюрная книга.

Чтобы напечатать ее, нужен был мелкий шрифт. В. Ф. Бурцов приобрел его у белорусского и украинского типографа Спиридона Соболя, который печатал книги в Киеве, Кутеине, Буйничах и Могилеве. В 1637 году Соболев побывал в Москве и, как он сам впоследствии рассказывал в челобитной царю Михаилу Федоровичу, «привез ... на Москву мелкую печать троих писмен и Василию Бурцову продал».

Челобитная появилась при следующих обстоятельствах. В апреле 1639 года Соболев вновь собрался в Москву, взяв с собой «книг греческих и латинских, надобных к переводу и ко учению детей». Привез он и свои собственные издания, которые надеялся продать в Москве. Видимо, по договоренности с Бурцовым Соболев решил напечатать в Москве «Лексикон». В этой книге должны были быть помещены «толкования слов всяких тех языков по алфавите или по ряду азбуке, скорога ради изобретания». Примером для него служил «Лексикон славеноросский и имен Тлъкование», напечатанный в 1627 году в Киеве Памвой Берындой. Однако в отличие от этого знаменитого издания иностранные слова в новом «Лексиконе» должны были воспроизводиться в оригинальной транскрипции. Для этого Соболев вез с собой шрифты — «слова печатные... к печатем греческаго, латинскаго и немецкаго писмени приточни, штобы были ко изданию книг... двема, трема или четьрма языкома».

Совместным планам Василия Бурцова и Спиридона Соболя, однако, не суждено было осуществиться. Соболя задержали в Вязьме и в Москву не пустили. Бурцова же вызвали в Посольский приказ и с пристрастием допросили: «литовского книжного печатного мастера, могилевца Спиридона Соболя, он знает ли, и торг у него с ним какой бывал ли, и в Вязьму он и к Москве ему с книгами с печатными и с словами с книжными с печатными быть велел ли».

Протокол «респроса», составленный 21 апреля 1639 года, сохранился в Центральном государственном архиве древних актов. Запись донесла до нас живой язык Василия Бурцова, который,

конечно же, отличается от торжественного и панегирического настроения его послесловий.

Бурцов поведал, «что он того книжного печатного мастера моголевца Спиридона Соболя знает. Приезжал он к Москве с литовскими посланниками с Яном Оборским да со князем Самоилом Соколинским в 7145 году (=1637 г.) в купецких людех, а преже того служил он киевскому митрополиту Петру Могиле и был в Киеве школьной мастер. И грамотам умеет... греческого и латинского языку, и по польски, и по русски, и с тех языков на русской язык умеет переводить достаточно».

Бурцов сообщил, что купил у Соболя три словолитные формы для изготовления шрифтов. Видимо, он приобрел у белорусского мастера и матрицы шрифта, который впервые появился в «Святцах» 1639 года, а затем был использован в «Каноннике» 1641 года и «Требнике» 1642 года.

Однако о совместных планах Бурцов рассказать побоялся. К тому времени до Москвы дошли слухи, оказавшиеся, впрочем, ошибочными, что киевский митрополит Петр Могила отступил от православия. Бурцов на «роспросе» сказал: «А про то он слышал, что Петр Могила, кому тот Спиридон Соболя служил, благочестивые православные крестьянские веры отпал и приступил к римской вере, и нине де он унят». Что же касается Соболя, то он, Бурцов, ему «к Москве приезжати не веливал, и слова книжные литые никакие ему не надобны, потому что послал для того за море».

Последняя фраза свидетельствует, что многоязычный «Лексея кон» задумал издавать сам Бурцов. Славянские шрифты в Москве изготовляли в изобилии. Посылать «за море» он мог лишь за иностранными шрифтами.

Из «роспросных» речей Бурцова выясняется и еще один любопытный факт: Василий Федорович решил устроить в Москве бумажную мельницу. Бумагоделательные предприятия эпизодически действовали на Руси и ранее. Первая известная нам попытка делать собственную бумагу относится еще ко временам Ивана Грозного. Однако в массе своей бумагу ввозили из-за границы.

В. Ф. Бурцов решил соорудить большое предприятие, которое могло бы снабжать Московский печатный двор. Для этой цели он попросил Соболя привезти ему из Литвы бумагоделательное оборудование — «формы бумажные многих статей». Для этого он дал типографу 25 рублей. Соболя в залог оставил книги — два «Алфавита» («латинской з греческим, да греческой з белоруским языком») и «Библию». Оставил и еще одну книгу, но она, видимо, в глазах московских властей была предосудительной: Бурцов сказал, что «четвертой книги не упомнит».

Соболь, однако, формы не прислал. Тогда Бурцов, заручившись согласием царя, решил «для бумажных снастей и для мастеровых людей послати за море».

В Москву Спиридона Соболя так и не пустили. На «роспросных» речах Бурцова под текстом сделана помета: «7147 (1639 г.) апреля в 22 день государь указал того могилевца Спиридона Соболя из Вязмы отпустить назад в Литву, а к Москве ево отпущать не велел, чтоб в ево ученье и в книгах смуты не было... и от нево б, Спиридона, какая ересь не объявилася».

В том же 1639 году из Пруссии в Москву приехал мастер бумажного дела Андрей Фрум, который пробыл на Руси около года «и в бумажных снастех учеников русских людей научил». В 1840 году Фрума отправили домой.

Последняя книга В. Ф. Бурцова — «Требник» — вышла в свет 13 января 1642 года. Почему он прекратил издательскую деятельность — неизвестно. (Бумажная мельница еще некоторое время продолжала работать.) Возможно, Бурцов нуждался, ибо начал распродавать свою личную библиотеку. В 1648 году он продал Московскому печатному двору 20 «харатейных» (т. е. пергаменных) рукописей. Пергамен в старых типографиях использовали для «фрашкетов» — маскирующих рамок, которые при печати предохраняли поля листа от попадания на них краски. Сколько таким образом перепортили и уничтожили древних рукописей — представить себе трудно!

Умер Василий Федорович Бурцов в конце 40-х — начале 50-х годов XVII века. Его деятельность способствовала упрочению и расширению функций печатного дела на Руси. Учебные книги Бурцова, и прежде всего «Азбуки», стали мощным фактором просвещения, приобщили к грамоте десятки тысяч людей.

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ

Рисунок В. Леонова

СРЕДИ КНИГ

В. В. Иванов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Вышла в свет вторым изданием книга доктора филологических наук В. В. Иванова

«Историческая грамматика русского языка» (М., Просвещение, 1983). Для всей научной общественности это факт значительный, тем более что первое издание (1964 г.) давно уже стало библиографической редкостью. Поскольку данная книга — учебник для студентов филологических факультетов университетов и педаго-

гических институтов, в ней нашли отражение вопросы, которые являются обязательными при изучении курса исторической грамматики.

Автор обращает внимание читателя на то, что название «историческая грамматика» не вполне соответствует содержанию книги, так как по существу в ней речь идет об истории развития русского языка, причем об истории живого языка во всем многообразии его диалектов. «Историческая грамматика русского языка,— пишет автор во Введении,— это наука о развитии данного языка, о развитии его фонетической, морфологической и синтаксической систем по их внутренним законам; это наука, которая объясняет, как на протяжении длительного периода изменялись звуки и формы русского языка, его синтаксические конструкции, как вместе с тем изменяется и его лексический состав.

В разделе «Фонетика» описаны основные фонетические законы древнерусского языка, на основе которых и строилась система языка в целом (закон открытого слога, закон слогового сингармонизма), системы гласных и согласных фонем древнерусского языка конца X — начала XI века, сочетания редуцированных с плавными и плавных с редуцированными; представлены древнейшие диалектные особенности в русском языке. Здесь нашли освещение те процессы, которые определили пути изменения звуковой системы русского языка, то есть можно, например, установить, «чем характеризовалась звуковая система древнерусского языка к моменту появления письменности, как

она изменилась в результате различных фонетических процессов к XIV в. и, наконец, сложилась к концу XVI — началу XVII в., причем в каждый из отмеченных периодов возможно указать на основные особенности этой системы, определяющие ее характер именно как системы».

Раздел «Морфология» (в отличие от «Фонетики») освещает развитие тех или иных явлений с момента появления первых памятников письменности и завершается описанием данного явления в современном русском языке. Так, древнерусский язык имел звательную форму (кроме шести падежей, существующих в современном русском), три числа: единственное, множественное и двойственное, а не два, как теперь. Судьба двойственного числа была общей для всего древнерусского языка. Наличие трех чисел характерно не только для существительных, но и для других частей речи — прилагательных, местоимений, глаголов, причастий.

Познакомившись с разделом об истории двойственного числа в русском языке, можно получить, например, ответ на вопрос: почему в сочетаниях *с первого шага* и *два шага*, *до последнего часа* и *два часа* в словах *шага* или *часа* ударение падает то на основу, то на окончание? Современное наречие *воочию* — это форма двойственного числа от существительного *око* в местном падеже с предлогом *въ*. В некоторых северновеликорусских говорах распространены такие употребления: *с ногама*, *с рукама*, *с палкама* — это тоже древнерусская форма (твор. пад. двойственного числа).

На всех этапах развития русского языка в грамматических категориях происходили различные изменения, которые и привели к установлению современных форм. «Если внимательно проследить историю отдельных частей речи, отдельных грамматических категорий и форм,— обобщает автор,— то можно установить, что уже в XIII в. древнерусский язык утратил многое из того, что было свойственно ему раньше, и тем самым приблизился в морфологической своей системе к современному состоянию языка. После XIII в., на протяжении XV—XVI вв., идет складывание и развитие тех морфологических черт, которые определяют ныне характер системы русского языка. Как представляется, именно к концу XVI—началу XVII в. и сложился окончательно тот морфологический строй, который определяет ныне современный русский язык».

Заканчивает книгу раздел «Синтаксис». Изменения в синтаксической структуре русского языка коснулись и простого, и сложного предложения, и особенностей в употреблении тех или иных конструкций, а также отдельных частей речи в какой-либо синтаксической роли и т. д.

Как было уже отмечено, «Историческая грамматика русского языка» предназначена прежде всего студентам филологических факультетов высших учебных заведений. С уверенностью можно назвать еще одного адресата, который

с большой пользой для себя может обращаться к этой книге в своей повседневной работе,— это школьный учитель русского языка. Множество языковых явлений современного русского языка до конца нельзя понять без их объяснения с исторической точки зрения: почему *конец* и *начало* — слова одного корня; что такое *двою* или *трою* в словах *двоюродный*, *троюродный*; почему — *калач*, но — *колесо*; как появился в древнерусском языке звук [ф], исконно чуждый славянским языкам, и др. Учитель-словесник может использовать фактический материал книги практически по всем разделам школьной программы по русскому языку.

«Историческая грамматика» написана на материале, извлеченном исследователем из древнейших памятников письменности — истинной сокровищницы истории русского языка. Каждый из разделов учебника сопровождается дополнительной литературой, что облегчает поиски необходимых изданий по вопросам, вызвавшим наибольший интерес. Язык книги — лаконичный, четкий, ясно и понятно излагающий точку зрения автора. И в этом, несомненно, большое достоинство книги.

«Историческая грамматика русского языка» В. В. Иванова, безусловно, найдет доброжелательный отклик не только в кругу специалистов, но и тех, кто проявит серьезный интерес к истории русского языка.

Л. А. ВЛАДИМИРОВА

Приближается юбилей (1985) выдающегося памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве»: 800-летие со времени его написания, 185-летие со времени его первой публикации и 800-летие описанного в нем события — похода северских князей во главе с Игорем Святославичем на половцев.

Изучение «Слова о полку Игореве» — этого уникального произведения древнерусской литературы — позволило сделать немало замечательных открытий, однако и сейчас еще оно таит в себе неразгаданные тайны. Обратимся к одной из них: которая из рек — Каяла?

Каяла

В «Слове о полку Игореве» сказано совершенно определенно о том, что войско Игоря было разбито «на реке на Каяле у Дона, великаго». Игорь и Всеволод «разлучиста на брезе быстрой Каялы», на дне которой утопил Игорь свою славу — «погрузи жирь во дне Каялы, реки Половецкия». Местом гибели русских полков названа Каяла и в Ипатьевской летописи: «Наведе на ня господь гнев свои, в радости место наведе на ны плачь и во веселье место желю на реце Каялы». Обращает на себя внимание необычная для русского языка форма слова *Каялы*, дающая основания предполагать, что оно тюркского происхождения. Поисками Каялы и расшифровкой этого названия занимались очень многие историки, однако эта река до сих пор остается неопознанной.

Отсутствие гидронима *Каяла* на географической карте явилось причиной того, что в науке утвердилась точка зрения, согласно которой это название воспринимается как символическое, происходящее от русского глагола *каяти* — осуждать. Впервые она в осторожной форме была высказана Н. Ф. Грамматиным в 1823 году. Позже ее весьма категорически поддержал П. Е. Ваденюк: «Каяла... одного корня с „кайти“ — осуждать, судить, и никогда не существовала как название географическое». Окончательно закрепил ее Е. В. Барсов в своем капитальном труде, посвященном «Слову»:

К 800-летию «Слова о полку Игореве»

СКАЛИСТАЯ РЕКА

«Наблюдая за употреблением „реки Каялы“ в самом „Слове“, — писал он, — мы приходим к решительному убеждению, что... имя Каялы имеет лишь символическое, а не географическое значение». Эту точку зрения разделяют известные советские ученые Н. К. Гудзий, Л. А. Дмитриев, Б. А. Рыбаков и другие.

Однако среди исследователей «Слова» существует и иной взгляд на Каялу: многие полагают, что Каяла — географическое название, которое носила в древности какая-то река. Усилия этих ученых — среди них Н. М. Карамзин, Н. Я. Аристов, Д. И. Багaley, А. В. Лонгинов, В. А. Афанасьев, В. И. Стеллецкий, К. В. Кудряшов, Н. В. Сибилев, А. С. Орлов и др. — были направлены на поиски Каялы на географической карте и на местности. Высказано множество догадок, однако ни одна из них пока не завоевала права на признание.

В трудах, посвященных проблеме Каялы, бросаются в глаза два обстоятельства, доказывающие, что исследователями не использованы некоторые очень важные сведения об этой реке. Во-первых, не учитывается прямая и точная этимология слова *каялы*. Каялу ищут по созвучию с современными названиями рек (Кагальник, Кальмиус, Сухие и Мокрые Ялы и т. п.), по отдельным характерным приметам (Быстрая), по каким-то другим признакам. Между тем слово *каялы* в тюркских языках означает «скалистая»: *кая* —

скала, *лы* — суффикс. Видный тюрколог К. Г. Менгес утверждает, что это слово известно всем тюркским языкам и толкование его как «скалистая» является общепризнанным. Ближе всех подошел к правильному толкованию этого тюркизма К. В. Кудряшов, который перевел его словом «каменистая», хотя в тюркских языках *камень* имеет другое название — «таш», а *каменистая* — «ташлы». Можно предположить, что ученый, ведя поиски Каялы в пределах степной Украины, не мог допустить существования реки с названием *Скалистая*, поэтому заменил его синонимом *Каменистая*.

Второе обстоятельство. В науке прочно утвердилось мнение, что название *Каяла* ни в каких других памятниках и документах, кроме «Слова» и Ипатьевской летописи, не встречается. Такой вывод считается аксиомой, поэтому исследователи «Слова» поиск в этом направлении не ведут. Между тем лингвист Е. С. Отин, изучая гидронимы Восточной Украины, установил, что в гидронимии приморских районов нынешней Запорожской области в XVIII—XIX веках было несколько сложных названий с прилагательным *каялы*. В своей монографии «Гидронимы Восточной Украины» (1977) он высказал предположение, что Каялой называлась в древности какая-то реальная река, однако в «Слове» это название могло быть условно-поэтическим, таким, например, как в народном творчестве Дунай.

Составители «Словаря гидронимов Украины» (1979) обнаружили на юге Украины около десятка географических объектов, которые в прошлом имели название *Каяла* или очень близкое к нему. В Азовское море впадает речка Большая Калга, которая в XIX веке называлась Каялга. Речка Берда, также впадающая в Азовское море, в некоторых источниках имела название Каялы Беда, что в переводе означает Скалистая Беда. Один из небольших притоков реки Молочной называется сейчас Кайнкулак, однако в атласах и картах XVIII века он именовался Каялы Кулак или Каялы Кулах. В этих названиях, очевидно, соединены тюркские слова *каялы булак*, которые в буквальном переводе означают «скалистый источник». Там же, в бассейне Молочной, есть речка Каялышан и впадающий в нее ручей Каялыкула. Последний гидроним очень напоминает название Каялы Булак. Каялышан в некоторых документах имеет и такую форму: *Каялы Джуюшан*.

Для того, чтобы установить, соответствуют ли названия этих рек характеру русел или берегов, мы через газету обратились к местным краеведам с просьбой дать их описание. Ассистент Мелитопольского педагогического института Н. В. Крылов, занимающийся исторической географией этого региона, сообщил: «Что касается речек и ручьев верховий реки Молочной, то выходы кристаллических пород здесь имеются в связи с тем, что ...они находят-

ся в пределах Приазовской возвышенности». Он привел также дополнительные научные сведения о реке Кайнкулак: «На карте Мелитопольского уезда 1817 года эта река подписана *Каялы Кулак*. Карта эта хранится в Государственном архиве Крымской области (фонд 377, опись 15, дело 37)». Житель города Мелитополя А. В. Макаров, который более 25 лет жил и работал в этих местах, сообщил аналогичные сведения.

Есть некоторые основания для предположения о том, что в древности река Кальмиус могла называться *Каялы Миус*. В одном из самых старых географических справочников — в Книге Большому Чертежу (1626) — Кальмиус с притоками назван *Калы*, в более поздних источниках он именуется *Калк*, *Калмиус*, *Кальмиус*, *Коль Миус*, *Каймус*. Совершенно очевидно, что в названии этой реки соединены какие-то два тюркских слова. Если учесть, что в степи между Доном и Днепром в Азовское море впадают две крупные реки Миус и Кальмиус, то нетрудно догадаться, что они имеют общее название *Миус*. Для того, чтобы эти реки различались, одна из них получила добавочное определение. Очень похоже, что этим уточнением было тюркское слово *каялы*. Первая часть гидронима *Каялы Миус* была недостаточно благозвучной с точки зрения русской орфоэпии, поэтому могла трансформироваться и приобрести ту форму, которую она имеет сейчас: *Кальмиус*. Что же касается самой реки, то она полностью соответствует эпитету *скалистая*: узкая и глубокая, с обрывистыми и часто скалистыми берегами. Такой она представлена и в труде известного русского географа В. П. Семенова.

Так обстоит дело с Каялами в Приазовье. Однако подобные названия встречаются и на западе Украины. В Одесской области есть озера Кагул и Картал, пролив между которыми называется Кая. В Черновицкой области в Днестр впадает небольшая речка Каютин. Вот как описывает ее местный краевед Ф. С. Харчевников: «Берега глубокого яра, на дне которого протекает речка, скалистые. В отдельных местах скалы висают огромными валунами, которые, кажется, готовы с грохотом скатиться в любую минуту. При впадении Каютина в Днестр высится скала, которую местные жители называют „Острой Скалой“».

Собранные в последние годы исследователями новые данные о гидрониме Каяла позволяют сделать некоторые важные выводы, которые нельзя не учитывать при поисках места битвы Игоря с половцами и реки Каялы.

Прежде всего, гидроним *Каялы* был довольно распространенным на территориях, где обитали тюркские народы. Мнение о том, что он встречается только в двух источниках — «Слове о полку

Игорева» и Ипатьевской летописи, не соответствует действительности.

Во всех случаях название *Каялы* (*Скалистая*) отражает особенности берегов или русла. Это обстоятельство приводит к убеждению, что Каяла, о которой говорится в «Слове» и Ипатьевской летописи, должна быть тоже скалистой, поэтому при отождествлении ее с современной рекой игнорировать эту примету ни в коем случае нельзя.

Далее, гидроним *Каялы* в прямой первичной или измененной форме долгое время сохранялся в тех местах, где сравнительно недавно обитали тюркские народы. Такие названия рек могли быть и в средней полосе Украины, где ведутся современными исследователями поиски Каялы, однако они не сохранились, потому что после татаро-монгольского нашествия эти места стали необитаемыми, превратились в «дикое поле». В процессе заселения этой территории русскими людьми в XVII—XVIII веках старые названия сохранялись, как правило, только за крупными географическими объектами. Небольшие реки, балки, леса, возвышенности получали новые названия. Южные приморские земли еще долго удерживались ногайскими и крымскими татарами, затем турками, поэтому здесь старые названия оказались более прочными.

Наконец, если названий *Каялы* в древности было довольно много, то это дает основания отказаться от версии о том, что оно символическое. Русские люди могли вкладывать в тюркский гидроним свой смысл, как это обычно бывает в народной этимологии, однако это вовсе не противоречит тому факту, что Каяла, на берегах которой потерпели поражение полки Игоря,— реальная река со своим собственным именем.

*

В заключение следует отметить, что обнаруженные Каялы на юге УССР вряд ли могут быть поводом для возрождения старых версий, согласно которым поход Игоря завершился на берегах Азовского моря. В капитальных работах К. В. Кудряшова, В. Г. Федорова, В. А. Рыбакова и других убедительно доказано, что предприятие северских князей было по своему характеру кратковременным набегом, не рассчитанным на глубокое проникновение в Половецкую степь. Место битвы, по мнению большинства современных исследователей, следует искать в радиусе 40—80 километров от Сальницы. Наиболее убедительной, на наш взгляд, является версия Н. В. Сибилева, согласно которой русские дружины вели военные действия на территории между современными городами Изюмом и Славянском. Историк отождествил Каялу с небольшой реч-

кой Макатихой, протекающей в глубоком яру в пескольких километрах к западу от Славянска. Нам удалось собрать ряд дополнительных аргументов в пользу этой гипотезы. Наиболее значительный из них следующий: на берегах Макатихи еще в начале нашего века были во многих местах выходы скальных пород, однако они исчезли в результате хозяйственной деятельности людей. В селе Глубокая Макатиха есть старожилы, которые в 20-е годы добывали здесь камень для строительных нужд. Следы каменных выработок видны и сейчас, а основания скал прикрыты тонким слоем грунта.

Придавая важное значение топонимике, мы должны подчеркнуть, что ее данных для решения загадки Каялы недостаточно. Окончательное решение проблемы следует искать в системе всех сведений — исторических, географических, топографических, лингвистических и других.

М. Ф. ГЕТМАНЕЦ

Харьков

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно написать название района, центром которого является город *Павловский Посад* Московской области?»

М. К. Архипченко, Куявна

Павлово-Посадский район.

■
«Как образовать прилагательное от названия города Орехово-Зуево?»

Ж. Х. Жук, Владимир

Имена прилагательные, образованные от существительных, написанных через дефис, также следует писать через дефис. Следовательно, прилагательное от географического наименования Орехово-Зуево будет *орехово-зуевский*. Однако название жителя этого города — *ореховозуевец* — пишется слитно.

Проблема авторства «Слова о полку Игореве» уже давно привлекает к себе пристальное внимание исследователей.

О творце бессмертной поэмы древней Руси известно много: это гениальный писатель, светский широко образованный человек, мудрый, опытный и дальновидный политик. Он стоял близко к княжеской среде, но был независим от правящей верхушки феодального общества, выражал общенародные интересы.

Поэт-гражданин, патриот, выше всего ставивший интересы родины, страстно призывавший «русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (К. Маркс).

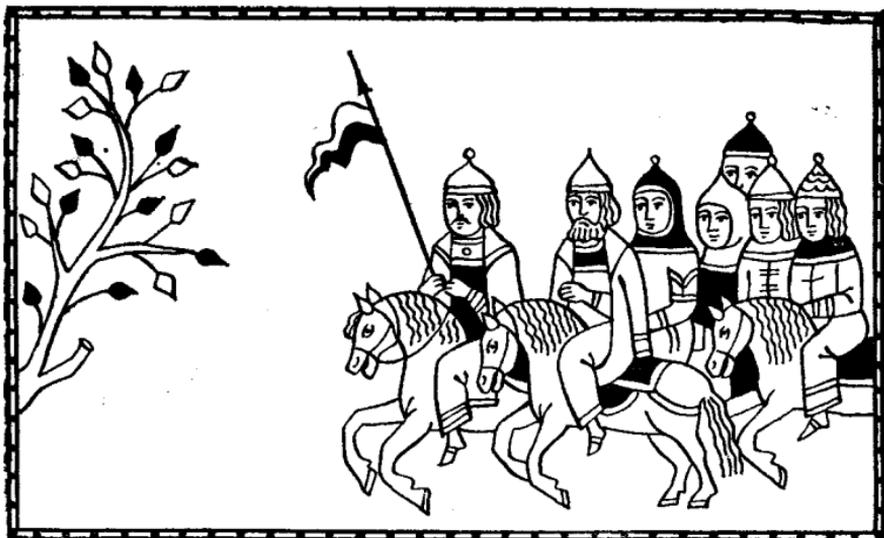
Таким образом, можно с уверенностью судить о социальном обличье, классовых и личных симпатиях автора, идейной направленности, художественном своеобразии его произведения. Вместе с тем до сих пор не известно, откуда родом, где жил и творил этот прославленный певец храбрых русичей, принимал ли сам участие в роковом походе 1185 года.

Давно ломаются копья в столкновениях различных мнений по этому поводу, но вопрос так и остается открытым. Вот почему постановка его всегда актуальна, всегда вызывает живой интерес. Систематизация и рассмотрение достигнутого помогут не только уяснить процесс научного поиска, но в какой-то мере определить его перспективы, дальнейшие пути.

Отбросим ложные измышления «скептиков», утверждавших будто «Слово» создано не в XII, а в XVI или даже в XVIII веке и написал его кто-то из первых издателей (архивисты А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, историк А. И. Мусин-Пушкин) либо архимандрит Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле Иоиль Быковский, у которого рукопись памятника была приобретена.

В отношении конкретной географической принадлежности и политической ориентации автора мнения расходятся. Так, Н. М. Карамзин, М. А. Максимович, К. Д. Ушинский, Е. В. Барсов, М. Д. Приселков, М. Н. Тихомиров, С. П. Обнорский, А. И. Никифоров, И. А. Новиков, В. Г. Федоров, В. И. Стеллецкий, С. И. Котков, П. П. Охрименко, М. Ф. Гетманец считают, что, несмотря на осуждение непродуманного похода

1185 года, принесшего столько бед русскому народу, в «Слове» ска-
зывается глубокое уважение к Игорю и всему роду Ольговичей.
Это дает им основание утверждать, что автор был черниговцем,
скорее всего дружинником новгород-северского князя.

В. А. Келтуяла, П. В. Владимиров, А. И. Лященко, Н. К. Гуд-
зий, Б. А. Рыбаков полагают, что автор был киевлянином, близким
к киевскому князю Святославу Всеволодовичу, который изображен
как могущественный правитель, гроза половцев, собиратель сил
для отпора внешним врагам. С этой точки зрения, отображение
общерусских интересов скорее всего могло иметь место в том слу-
чае, если «Слово» было создано в Киеве.

А. С. Орлов, Н. Н. Зарубин, А. К. Югов, Л. В. Черепнин, ссы-
лаясь в частности на близость памятника по стилю к Галицко-Во-
лынской летописи, утверждают, что автор был родом из Галицкого
княжества.

По мнению С. А. Адрианова и А. В. Соколова, автор «Слова»
был черниговцем по происхождению, но произведение свое напи-
сал в Киеве.

Невозможность дать точный ответ на вопрос об авторе «Сло-
ва» и в связи с этим о месте его написания породила ряд гипотез,
в основе которых лежит стремление отождествить певца Игоревой
рати с определенными историческими лицами, известными по раз-
личным источникам конца XII — начала XIII века, или хотя бы
уточнить его родовую и социальную принадлежность.

Вспомним основные, наиболее интересные суждения по этому
поводу.

Первая попытка назвать имя автора «Слова» принадлежит Н. Головину и относится к 40-м годам прошлого века. Исследователь пытался доказать, что им был «премудрый книжник Тимофей», имя которого упоминает Ипатьевская летопись (1205). Из летописной записи явствует, что в Галиче, в то время, когда Галицкое княжество находилось под властью Игоревичей, жил какой-то «премудрый книжник Тимофей», родом из Киева. Он обличал «томителя» (мучителя) Бенедикта, выступив против него со Словом, то есть с целым произведением (Головин Н. Замечания на «Слово о полку Игореве». М., 1846). Доказательство, казалось бы, серьезное. Но, по свидетельству летописи, Тимофей, выражал свои мысли «притчею», иносказательно, как типичный книжник. Представить себе автора «Слова» в такой роли просто невозможно.

Советский писатель и исследователь «Слова» И. А. Новиков попытался расширить и уточнить представление о книжнике Тимофее. Он обратил внимание на следующее место «Слова»:

Комони ржуть за Сулою —
звенить слава в Кыевъ;
трубы трубять в Новѣградъ —
стоять стязи в Путивль!

Все названные здесь пункты расположены в пределах Руси к северо-западу от пограничной реки Сулы. Поэтому, считает Новиков, так сказать мог только человек, находившийся в половецкой земле (за Сулой). Значит, автор «Слова» — дружинник Игоря, вместе с ним попавший в плен. Ипатьевская летопись сообщает, что среди окружения пленного князя находились сын тысяцкого (тысяцкий — военачальник, главный воевода) и конюший (в ведении конюшего находилось конское хозяйство), которые уговорили его бежать. По мнению Новикова, наиболее вероятным автором «Слова» можно считать Тимофея, сына тысяцкого Рагуила Добрынича. Вывод делается такой: упомянутый летописью (1205) «премудрый книжник Тимофей» и сын тысяцкого Тимофей Рагуилов — одно и то же лицо, а «Слово» написано в половецкой земле во время его плена (Новиков И. А. «Слово о полку Игореве» и его автор. М., 1938, с. 70—85). Однако гипотеза Новикова имеет явно уязвимое место. «Комони ржуть за Сулою...» — это слова Бояна, цитируемые в произведении.

Другой советский писатель и тоже исследователь «Слова» А. К. Югов высказал мнение о том, что превознесение над всеми русскими князьями Ярослава Осмомысла, воспевание его дочери, зятя, других союзников — Ольговичей — свидетельство принадлеж-

ности автора к Галицкому княжеству. Таким человеком мог быть только упомянутый Галицко-Волынской летописью «словутный певец» Митуса. В летописной записи (1241) сообщается, что знаменитого певца Митусу, отказавшегося служить Даниилу Галицкому, привели к князю в изодранной одежде, словно узника. Летописец ужасается по поводу того, что у воинов Даниила поднялась рука совершить этот несправедливый, противоестественный поступок. Причину неподчинения гордого старца Югов объясняет следующим образом: в 1184 году Игорь, будучи вдовцом, женился на дочери Ярослава Осмомысла Ефросинье. Сыновья Игоря от этого брака враждовали с Даниилом Галицким и в междоусобной борьбе погибли. Митуса, апологет Ярослава, естественно, отказался воспевать князя, причастного к смерти его внуков. Жил певец в «карпатском гнезде» Ольговичей — Перемышле. Очевидно, там и было написано «Слова» (Югов А. К. Исторические разыскания об авторе «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слова о полку Игореве». М., 1945). По этому поводу академик Б. Д. Греков писал: «Я считаю утверждение А. К. Югова о том, что автором «Слова о полку Игореве» является песнетворец Митуса, одной из возможных научных гипотез».

Генерал-лейтенант инженерно-технической службы Советской Армии профессор В. Г. Федоров в разысканиях об авторе «Слова» исходил из того, что за всеми картинками, изображенными в произведении, стоит большой личный воинский опыт автора, доказывающий, что перед нами, безусловно, высокообразованный дружинник из состава старшей дружины, непреременный участник похода, боев и плена. В решении конкретного вопроса, кто же автор, В. Г. Федоров ссылается на «Историю» В. Н. Татищева, в которой приводятся любопытные сведения из какой-то древней Черниговской летописи (потом утерянной) о том, что из половецкой неволи бежали не два человека (Игорь и Овлур), а пять (Игорь, Овлур, тысяцкий, его сын и конюший). Это дает В. Г. Федорову основание предположить, что автором «Слова» был тысяцкий Рагуил Добрынич, сведения об отдельных событиях жизни которого находятся в различных летописных сводах. Родиной «Слова», по мнению Федорова, является Чернигово-Северская земля, поскольку Рагуил Добрынич был из окружения черниговского княжеского дома и вместе с тем стоял близко к Игорю (Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956). Ученый М. В. Щепкина на основе обращения автора «Слова» к Бояну утверждает, что он — не просто ученик «соловья старого времени», а его родной внук. Исследователь сосредоточивает внимание на одном мимолетном упоминании, которое можно истолковать как свидетельство таких родственных связей:

летописный свод Петра Бориславича в равной мере говорят о приверженности к Владимиру Мономаху и его потомкам, проявляют симпатии к Игорю Святославичу, стремясь всячески выгородить и оправдать новгород-северского князя. Одинаковы и их антипатии. Резкому осуждению подвергнуты Ярослав Черниговский и Давыд Смоленский, уклонявшиеся от обязанности стоять на защите родных рубежей, а также родоначальник Ольговичей, Олег Святославич за бесконечные междоусобицы. Б. А. Рыбаков отмечает и то обстоятельство, что поэт и летописец одинаково подходили к оценке князей с точки зрения их полезности в деле обороны Руси от половецких набегов. Лейтмотив «Слова»:

...князи сами на себе крамолу коваху,
а погании сами,
побьдами нарищуце на Рускую землю —

находит полное соответствие в летописи Петра Бориславича, который в уста «мудрому боярину» вложил такие слова: «Княже! Доколе будете воеваться? Ища себе владения, христиан губите... Половци, видя в вас несогласие и в силах оскудение, пришед, всеми вами обладают». На основе этого сравнительного анализа Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что прозаическая характеристика очень близка к поэтической. Перед нами как бы двойник — летописец и поэт (Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972).

Ученый А. Н. Робинсон не столь категоричен, как М. В. Щепкина, в утверждении кровного родства между автором «Слова» и Бояном. Он высказался за то, что автор «Слова» — родовой певец Ольговичей — является вероятным наследником их прежнего родового певца Бояна, а сама поэма создана по свежим следам событий в ближайшей к его героям русской феодальной среде. Он даже предполагает, что автор прямо обращался к Игорю, присутствовавшему на пиру в киевском княжеском дворце при исполнении «Слова» (Робинсон А. Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978).

Литературовед и критик И. Кобзев попытался доказать, что автор «Слова» не просто участник похода 1185 года, а человек, очень живо откликавшийся на все его радостные и печальные события. Такая личная заинтересованность заставляет видеть в нем самого Игоря (Кобзев И. Автор «Слова» — князь Игорь? — Литературная Россия, 1977, № 38). Между тем князь в силу классовых понятий о чести, обязанностях и правах, если бы он и обладал талантом песнетворца, вряд ли стал его проявлять, чтобы тем самым не умалить своего достоинства. Чувствуя, очевидно, неубедитель-

ность приводимых доказательств, И. Кобзев в заглавии статьи поставил вопросительный знак.

Профессор П. П. Охрименко считает, что «Слово» написано выдающимся общественно-культурным деятелем Чернигово-Северщины, по всей вероятности, наставником и советником Игоря, одновременно бывшим автором или соавтором Черниговской летописи, которая вошла в состав Киевского летописного свода. Как человек, не принадлежавший к феодальной знати, он не стремился к личным выгодам, не дорожил отношением к себе князей, смело осуждал их своекорыстие, резко порицал и своего безрассудно храброго воспитанника за необдуманый шаг. Именно его социальным положением и нерушимыми общерусскими патриотическими убеждениями объясняются необычайная смелость авторской позиции, глубокая народность «Слова» (Охрименко П. П. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве». Сумы, 1983).

Последней по времени является гипотеза писателя и литературоведа И. Баскевича, утверждающая, что «Слово» создано курянином или лицом, связанным с Курском. Этим объясняется выделение курских воинов на первое место. Очевидно, в бою автор находился среди них, в непосредственной близости от Всеволода Святославича. Он восторгается именно его храбростью, смелостью, отвагой. О том, как сражались другие князья, не сказано ничего: он их не видел. К тому же Всеволод изображен исключительно в качестве курского князя, о том, что его стольным градом был Трубчевск, умалчивается (Баскевич И. Вновь об авторе «Слова». — Литературная Россия, 1982, № 5).

Таким образом, несмотря на столь большое количество научных гипотез, мы не можем окончательно ответить на вопрос, кто же был автором «Слова»: дружинник, дружинный певец, или кто-либо другой, как имя этого замечательного писателя и человека. Но экскурс в историю научных поисков ответа на этот вопрос позволил прочитать интересную страничку из истории нашего народа.

Второй вопрос рассматриваемой проблемы: принимал ли автор «Слова» участие в походе 1185 года или только, как большой мастер, силой художественного воображения достоверно изобразил его.

Хотя категорически утверждать участие автора в походе нельзя, но многое говорит в пользу того, что изображенное пережито лично. Прежде всего он причисляет себя к ратным людям, обращаясь к ним, как равный к равным: «А мы уже, дружина, жадни веселия»; спрашивает Бояна, как бы тот изобразил подобные события «рища в тропу Трояню» — находясь в походе. В противоположность Бояну он повествует «по былинам сего времени», осно-

вываясь на достоверных фактах, на том, что видел сам. Виденное и пережитое выступают на первый план в картинах похода, битвы и бегства Игоря из плена. Вот что подчеркнуто в трагическом эпизоде затмения солнца:

Солнце ему тьмою путь заступаше;
ночь стонуци ему грозою птичь убуди;
свист звѣрин вѣста.

Русские были ошеломлены затмением, которое, как известно, закончилось к вечеру и, безусловно, задержало их продвижение. Вот почему сразу же идет речь о грозовой тревожной ночи, когда было не до сна. Конечно, это не «ночь», наступившая в связи с затмением, которое, кстати, было неполным. Упоминание о зверином свисте придает особенную реалистичность изображаемому. Как свидетельствует природовед Н. В. Шарлемань, степные зверьки байбаки и суслики показываются из нор и начинают свистеть только после восхода солнца. (Спорная гипотеза Г. В. Сумарукова о функции зверей и птиц в «Слове», выдвинутая в книге «Кто есть кто в „Слове о полку Игореве“». М., 1983, требует специального рассмотрения.) Смысл фразы — ночь прошла и наступило утро. Эта поэтическая лаконичность — результат личного восприятия событий. Нельзя не обратить внимания и на такое место в «Слове»:

Уже бо бѣды его пасет птиць
по дубию...
лисици брешут на чръленыя щиты.

По утверждению В. Г. Федорова, дружина Игоря достигала 6—8 тысяч человек. Каждый воин имел щит, окрашенный в красный цвет. Автор запечатлел конкретный факт: обилие красного в движущемся по степи войске раздражало лисиц и вызывало их лай. Также фактографичен он в изображении других эпизодов похода, в частности, ночи, предшествовавшей первому бою, окружению и поражению русских. Здесь каждая подробность говорит о повествовании не с чужих слов, не понаслышке. Надо было все самому испытать, прочувствовать, увидеть и услышать, чтобы обратить внимание на то, как после, казалось бы, бесконечной ночи занялась заря, поднялся туман, пение соловьев сменилось зловещим карканьем воронья; как от движения вражеской конницы гудела земля, поднимались тучи пыли, мутными становились реки. О поражении автор говорит от своего имени:

Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано пред зорями?
Игорь плѣкы заворочает...

Приведена любопытная подробность пленения князя:

Ту Игорь князь высѣдъ из сѣдла злата,
а в сѣдло кощиево (раба).

Еще большими подробностями изобилует картина побега Игоря из плена. Создается впечатление незримого присутствия автора. Овлур свистом предупреждает, что кони уже стоят «за рѣкою». Это память о месте, с которого начался побег. Переплывающий реку Игорь сравнивается с гоголем. Общим признаком для такого сравнения послужила, очевидно, белая рубаха князя и белое пятно на груди гоголя. Автор хорошо знает детали побега: боясь преследования, беглецы, в первую же ночь загнавшие лошадей, избегали дневных переходов, не имея оружия, «избивали» гусей и лебедей, что возможно в начале лета, когда линяющие птицы становятся нелетными; старались не вспугнуть птиц и тем самым не обнаружить себя. Наконец, косвенно в пользу мнения о том, что автор «Слова» — участник похода, свидетельствуют современные народные говоры той местности, на которой некогда жили воины Игоря и его союзников. В «Слове» встречаются лексико-фразеологические элементы (в других литературных памятниках их нет), до сих пор бытующие в разговорной народной речи: «не бологом» (не к добру), «верезен» (повержен), «дорыскати» (добежать), «зарание» (раннее утро) и многие другие. Эти языковые особенности «Слова» в сочетании со всем уже сказанным — еще один аргумент в пользу гипотезы о том, что автор — выходец из Северной Руси и участник похода.

*

«Слово о полку Игореве» дошло до нас в единственном списке XVI века, погибшем в огне московского пожара 1812 года. Все попытки найти оригинал или иные его копии положительных результатов до сих пор не дали. Поиск продолжается. Ученые возлагают большие надежды на систематическое обследование рукописных собраний и архивов как в нашей стране, так и за рубежом, в частности, в религиозно-культурных центрах стран Ближнего Востока и Балкан, где находятся многие древнерусские литературные памятники. Новые находки «Слова» пролили бы дополнительный свет на личность его автора, помогли бы установить, кто он, этот великий Неизвестный.

В. И. ТИЩЕНКО

Рисунок В. Леонова

Русский филолог, писатель, переводчик, военный и государственный деятель, адмирал Шишков. И сегодня это имя вызывает много споров, противоречивых суждений. Одни вспоминают цензурный устав 1826 года, который современники прозвали «чугунным», — в его разработке принимал участие Шишков. Другим известно, что именно Шишков содействовал разрешению к печати «Евгения Онегина» опального Пушкина; что, являясь членом Верховного суда над декабристами, стремился облегчить участь осужденных; и что, наконец, он не взимал оброка со своих крепостных. Такое «разнополярное» отношение к этой сложной личности наблюдается более ста лет. Многие страницы его биографии ныне совершенно забыты. Тем не менее Шишков олицетворяет собой интересный этап в развитии русской культуры и филологической науки.

Александр
Семенович
Шишков
1754–1841

Александр Семенович Шишков родился в мелкопоместной дворянской семье в Петербурге. Десяти лет был отдан в Морской кадетский корпус, в котором давалось широкое образование. Успешно

завершив учебу, в звании мичмана он начал служить на Балтийском флоте, а в 1778 году в качестве педагога возвратился в кадетский корпус. Оказавшись вновь в столице, А. С. Шишков посещает литературные салоны, знакомится с писателями, сам пишет, особенно много переводит. В его «Собрании сочинений и переводов» можно найти «Освобожденный Иерусалим» и «Бдения» Тассо, «Сонеты» Петрарки. Надолго сохранил значение его перевод многогомоного сочинения И. Г. Кампе «Детская библиотека». Этот труд был высоко оценен современниками.

В 1796 году А. С. Шишков избирается членом Российской Академии — ведущего филологического общества России — и сразу же становится одним из ее самых видных деятелей. Он активно участвует в обсуждениях азбучного «Словаря Академии Российской» и трудов по языкознанию, литературных сочинений, присылаемых в Академию.

В 1803 году появляется его знаменитое «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». Сочинение это было вызвано идеологической борьбой двух направлений по вопросу о дальнейшем развитии русского литературного языка — «карамзинистов» и «шишковистов». Карамзин и его ближайшие последователи предлагали новые формы стилистического развития языка, максимально освободив его от архаизмов и церковнославянизмов, стремились добиться того, чтобы в России «писали, как говорят, и говорили, как пишут». Шишковисты, наоборот, отстаивали стилистическую дифференциацию литературного языка, утверждали неразрывное единство русского языка с церковнославянским, отрицали пользу заимствований, за исключением узкой сферы технических терминов. Кроме того, последователи «старого слога» выступали против стилистического смешения в одном и том же контексте слов «высоких» и «низких».

Основные положения, выдвинутые Шишковым в «Рассуждении...», можно почерпнуть и из других его работ, в частности посвященных русскому красноречию. И здесь он связывал разнообразие и полноту словарного состава русского языка с влиянием церковнославянизмов. Именно в этом видел А. С. Шишков образность стилистических средств в языке. Отрицая необходимость большей части заимствований, ученый писал: «Тот язык богаче, который менее имеет надобности в таковых заимствованиях». Замечания же Шишкова о художественных и выразительных функциях славянизмов до сих пор не потеряли своего значения. Однако его концепция, рассматривающая старославянский язык как идеологическую базу русского литературного языка, чужда историзма.

В начале 1800-х годов А. С. Шишков опубликовал многочисленные статьи по этимологии, теории перевода и синонимии, истории

языка; в эти же годы он работал над комментариями к «Слову о полку Игореве».

В 1813 году А. С. Шишков назначен президентом Российской Академии. Во вновь принятом в 1818 году академическом уставе отразились основные мысли Шишкова по кардинальному переустройству Российской Академии. Был увеличен штат и бюджет Академии, расширена библиотека, основана типография. Для того чтобы оживить деятельность Академии, президент пытался привлечь к ее работе всех известных литераторов и историков. В некоторых исследованиях встречаются утверждения о необъективности А. С. Шишкова к своим литературным и научным противникам. Это неверно. Так, Шишков сумел оценить заслуги Н. М. Карамзина, рекомендовав его в академики. Позднее президент организовал сбор средств и содействовал установлению памятника автору «Истории государства Российского» в Симбирске. В 1832 году по предложению же А. С. Шишкова был избран в Академию и Пушкин. «...Искренний во всех убеждениях и действиях Шишков... склонил седую голову перед гениальным молодым писателем — Пушкиным, на которого недоверчиво смотрели в ту пору не только люди старого поколения. Достоинно замечания, что Шишков признал неоспоримое достоинство поэта, которого стремились развенчать тогдашние критики Каченовский и Надеждин», — писал известный историк М. И. Сухомлинов в «Истории Российской Академии». А после смерти поэта академическое собрание под председательством президента почтило память своего безвременно погибшего академика.

Благодаря А. С. Шишкову Российская Академия стала крупным научным центром по изучению славянских культур, установила тесные контакты с европейскими учеными-славистами. Издавались не только труды ученых, состоящих в Академии, но и сочинения античных, средневековых авторов, произведения западноевропейских писателей XVIII — первой трети XIX века. Особое внимание уделялось изданию русских классиков. Выступая на академическом собрании 29 октября 1832 года с предложением о переиздании трудов Ломоносова, Шишков отмечал: «Покойный Михайло Васильевич Ломоносов по всей своей справедливости и всеми вообще почитается отцом Российского стихотворства, преобразователем языка нашего, доведшим его до степени совершенства. Он первый в творениях своих показал силу, богатство и великолепие языка Российского..., а потому они должны служить для юных писателей наших наставлением и примером во всех родах витийства и поэзии. Собрание сочинений его, одно другого полнее, издаваемо было многократно, начиная с 1751 по 1804 год. Но как все сии издания ни добротой бумаги, ни чистотою оттиска

не соответствуют достоинству творения сего писателя, а притом и последнее издание становится уже редким; по сему предлагаю Императорской Российской Академии приступить ныне к новому изданию...». И собрание сочинений «до словесности касающегося» выдающегося русского ученого было напечатано с подробным жизнеописанием.

В соответствии с новой программой Академия должна была стать крупнейшим лексикографическим центром. В России и за рубежом приобретались десятки книг и словарей, в том числе и рукописные, которые должны были служить источниками при создании словарей различных типов: нормативных, этимологических, терминологических и других. На академических заседаниях активно обсуждались проблемы составления словарей. Президент старался поощрять лексикографов, оказывая им, если требовалось, и необходимую финансовую помощь. Золотыми академическими медалями были награждены Ф. Рейф, а также славянские ученые — В. Ганка, П. Шафарик, Ф. Челаковский, В. Караджич. Помощь Академии позволила завершить работу над словарем «Корнеслов русского языка...» Ф. Шимкевичу. Интересно отметить, что в этом словаре автор решительно критикует взгляды А. С. Шишкова на историю развития русского языка.

Особую страницу академической лексикографии представляют труды А. С. Шишкова. В основном он занимался разработкой корневых и сравнительных словарей, продолжая тем самым традицию первого («дашковского») периода Академии, прославившего себя выпуском «Словаря Академии Российской» (1789—1794). Лингвистические воззрения А. С. Шишкова опирались на достижения филологической науки XVIII века, которая в ту пору находилась под влиянием идеалистических концепций западноевропейских философов Декарта, Лейбница, Бекона и других. Они не обращались к истории языка, предполагая в нем что-то абстрактное, неизменное. И в этом нет ничего удивительного — ученым тогда еще не были известны законы исторического развития языка. Это позднее открыли последователи сравнительно-исторического метода в языкознании. Шишков в своих этимологических исследованиях пытался, правда, представить историю слова, но метод, на который он опирался, не мог принести положительных результатов.

С 1815 года на страницах «Известий Российской Академии» начинают публиковаться многочисленные лексикографические опыты А. С. Шишкова. Среди них — «Некоторые замечания на предлагаемое вновь сочинение Российского словаря», «Опыт славянского языка», «Опыт славянского языка, или объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов» и многие

другие. Основная идея этих статей — составление словопроизводного (гнездового) словаря — была сама по себе очень плодотворной. Именно в таком словаре можно показать соотношение корня и образованных от него слов, выявить всевозможные словообразовательные связи в гнезде (см. статью «Словопроизводные словари Российской Академии». — Русская речь, 1981, № 4).

Своеобразной теоретической основой в работе над словопроизводным словарем служили многочисленные статьи А. С. Шишкова о «корнесловии». В статье «Некоторые замечания на предлагаемое вновь сочинение Российского словаря» Шишков подверг критике первое издание «Словаря Академии Российской». Он считал, что лексикон необходимо переработать, сократить в нем «излишества... погрешности исправить, и по образцу одного сочинить новый словарь». Новое, «азбучное» издание тоже не устраивало Шишкова, так как, по его мнению, в нем разрывалась всякая связь между словами. При составлении словопроизводного словаря следовало перепроверить значения слов, чтобы «сомнительные и темные привести в точность и ясность», лучше выбирать примеры и рассматривать корни слов «с помощью всех славянских наречий». Заимствованные слова ученый предлагал помещать в конце словаря, а лексику неславянского происхождения заменить равнозначными славянскими словами, например вместо *трогуар* — *пешник* (чешск.). Такой пуризм был присущ не только Шишкову: этот опыт использовался и в трудах зарубежных лексикографов.

Макет словопроизводного словаря представлен в «Опыте словаря по корням иначе называемом словопроизводным», опубликованном в «Известиях Российской Академии» (1828, № 12). Основную задачу нового словаря Шишков видел в «отыскании доказательств к связыванию корней». «Опыт» показывает, что словопроизводный словарь представляет собой своеобразные таблицы, в которых слова (с их толкованиями) связаны «единым понятием». Обращаясь к читателям «Известий...», автор пригласил всех желающих принять участие в обсуждении словаря и его составлении. Словарь обсуждался на академических заседаниях, но воплотить это начинание в жизнь не позволили некоторые причины, особенно отсутствие квалифицированных лексикографов.

Работы по составлению словопроизводного словаря продолжались Шишковым и в начале 30-х годов XIX века. Об этом свидетельствует сохранившийся в Ленинградском отделении Архива АН СССР печатный экземпляр первого издания «Словаря Академии Российской» с многочисленными пометами А. С. Шишкова, а также неперменного секретаря Академии Д. И. Языкова и академического библиотекаря В. М. Перевощикова. Просмотр этого источника показал, что словарь должен был включить в себя всю

«свойственную славянскому языку лексику», то есть стать «тезаурусом». Здесь фиксируются архаизмы, просторечия, диалектизмы, отсутствующие в первом академическом Словаре, а также слова, выбранные из литературных текстов первой трети XIX века. Таким образом, Шишков предполагал составить обширное справочное пособие, из которого можно было почерпнуть сведения об употреблении слов. Будущий «тезаурус» мог бы стать настольной книгой писателей. «Кто хочет писать о тех временах, тому они опять понадобятся», — писал Шишков.

К «Словарю Академии Российской» Шишков добавляет 1003 новых примера, причем 40 процентов — из художественной литературы. Напомним, что в первом издании Словаря этот иллюстративный материал представлен беднее. В первой трети XIX века художественная литература становится основным источником для лексикографических трудов. И Шишков, блестящий знаток древней и современной литературы, не мог не оценить ее богатейших возможностей для развития словарного дела. Привлекаемый им материал должен был лучше раскрыть значение вновь вводимых слов, показать их употребление, подтвердить стилистические характеристики. Среди этой группы примеров — лексика из произведений карамзиниста П. И. Шиликова и сосланного на Кавказ А. А. Бестужева-Марлинского.

Выяснился также интересный факт, сообщающий новые сведения об отношении А. С. Шишкова к творчеству Пушкина. Большую часть примеров (107) ученый извлек из произведений великого поэта («Евгения Онегина» Шишков цитировал еще в «Опыте словаря по корням»), отмечая при этом особенную выразительность метафорических средств, столь характерных для пушкинских стихов. Так, о примере из «Песни о вещем Олеге» к слову *кинжал* — «И пращ, и стрела, и лукавый кинжал Щадят победителя годы...» — автор заметил: «Здесь прилагательное *лукавый* к слову *кинжал* весьма счастливо приставлено, ибо оным нередко тайно и с лукавством поражают». Необходимо отметить также, что некоторые из слов, например *козлоногий*, *сладогострастие*, взятые из пушкинских произведений, не зафиксированы в современных Шишкову словарях, а появляются в более позднем «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847). Можно с уверенностью сказать, что первые права «гражданства» поэт получил в незавершенных лексикографических работах А. С. Шишкова, а не в словаре 1847 года, как это утверждалось ранее.

Знал ли Пушкин о работе Шишкова над новым словопроизводным словарем? Вероятно, на этот вопрос можно ответить утвердительно. Именно на середину тридцатых годов приходится наиболее активная деятельность поэта в Академии, который, по

словам Н. Г. Чернышевского, «вообще весьма серьезно смотрел на труды этого ученого собрания». Появляются лексические и лексикографические заметки Пушкина, в которых он, так же как и Шишков, призывал к умеренному использованию заимствований в родном языке, а также статья «Российская Академия» (1836). В письме поэта П. А. Вяземскому (вторая половина 1835 г.—1836 г.) рассматриваются слова *араб*, *арап*, *арапник*, извлеченные из первого академического словаря и «Русско-французского словаря» Ф. Рейфа. Это письмо сопровождалось припиской: «А право, не худо бы взяться за лексикон или хоть за критику лексиконов». Кто знает, может быть составляемый в те годы А. С. Шишковым словарь (тоже словопроизводный) и был причиной записки?

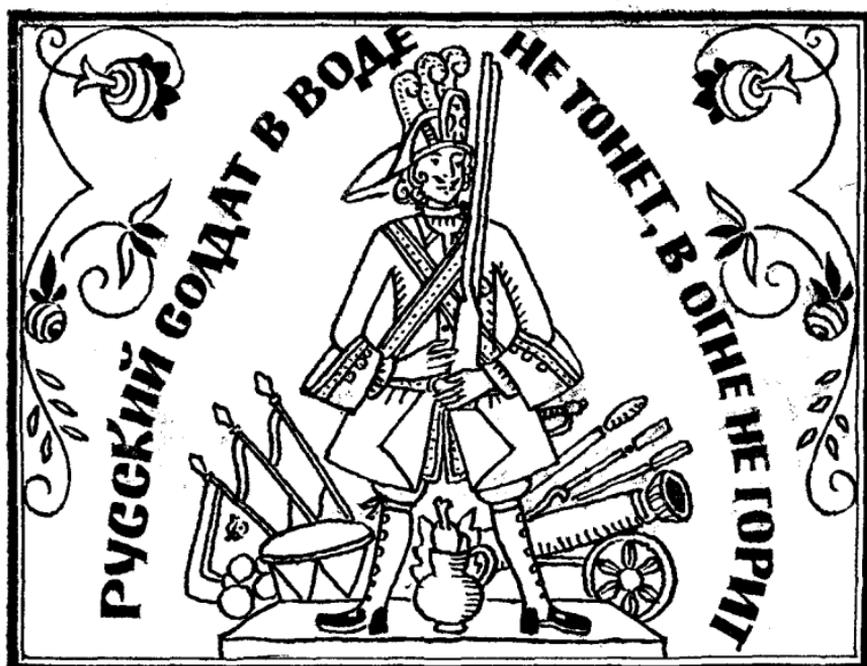
Последний свой лексикографический труд — «Сравнительный 200-язычный словарь» — 84-летний президент выпустил в свет в 1838 году. Это было своеобразное переиздание знаменитого «Сравнительного словаря всех языков и наречий» П. С. Палласа. Словарь Шишкова представляет собой собрание слов, родство которых определялось случайным звуковым соответствием. И здесь лексикограф тщетно пытался доказать общность происхождения слов из разных языковых групп, возвести их к некоему «праязыку».

Сравнительный лексикон был опубликован на немецком языке и предназначен для ознакомления зарубежных ученых с этимологическими воззрениями А. С. Шишкова. Это был последний «памятник» философской науке о языке, вышедший в годы, когда сравнительно-исторический метод в языкознании одержал окончательную победу.

Филологическая деятельность Шишкова представляет собой рубеж между старым и новым в науке. Несмотря на многочисленные ошибки, его работы постоянно привлекают внимание ученых. А. С. Шишков одним из первых поставил и пытался исследовать важные вопросы русского словообразования, проблемы соотносительности корня и его производных, смысловые связи слов. Благодаря работам А. С. Шишкова были глубже осознаны лексические и синтаксические соответствия в русском и церковнославянском языках, точнее определились семантические границы между русскими и западноевропейскими языками. Значительный след оставил он как деятельный организатор русской и славянской филологической науки первой трети прошлого века.

Л. Л. КУТИНА,
М. Ш. ФАЙНШТЕЙН
Ленинград

Рисунок В. Комарова

Образ русского солдата занимает важное место в русском устном народно-поэтическом творчестве. О солдатах — главных героях всех побед — слагались исторические и солдатские песни, пословицы. Солдат является главным героем и многих сказок.

Возникли солдатские сказки вместе с появлением русской армии, то есть в XVIII веке. В них русский солдат борется с иноземными королями и царями, а также со своими угнетателями, обидчиками и нечистой силой, защищает слабых. Сказка обычно снижает героический подвиг и превращает его в забавное приключение, тон ее проще, прозаичнее, чем в былине, зато в ней сильно выражен национальный колорит, который проявляется в психическом складе и характере героев, укладе их жизни, бытовых подробностях. Следует отметить, что нет солдатских сказок, которые бы воспевали войну.

Солдатская сказка интересна по языку. Она порой начинается присказкой, чтобы привлечь внимание слушателей и настроить их на восприятие повествования. Иногда присказка подается в рифмованной прозе: *Шел солдат с походу и с двенадцатого году. Отлучился от полку, пошел искать нюхательного табаку* (Песни и сказки на Онежском заводе). Некоторые сказки имеют специфика-

ческую концовку, подводящую итог. Так, сказка «Петр Первый на прогулке» завершается поучением: «...устава не нарушай, шашку не продавай, рюмку не допивай — пьяный не будешь... На этом сказка кончается, устав никогда по закону не нарушается».

Фольклор всегда любит смелость, физической силой, крепостью, удачью, умом героя: русского солдата с восхищением именуют *добрым молодцем*, уважительно — *служивым*, *службой*, *бывалым*, ласково — *сердешным*. Солдат никогда не впадает в уныние, верит в конечный успех своего дела. Жизнь и тяжелая служба научили его многому.

Речь солдата всегда образная, четкая и лаконичная. Герои сказок часто пользуются распространенными в военном быту командами, стереотипными выражениями, просторечием. В сказке «Как солдат избавляет царевну» солдат говорит: *Здравия желаю, ваше царское величество*, черта ругает: *халдейская харя* и хочет ему «по-солдатски» *урезать* (т. е. ударить). В разговоре он любит применить поговорку и поговорку, шутку и прибаутку.

Храбрость и доблесть воспитываются у солдата с детства. В сказке «Два Ивана солдатских сына» солдатские дети легко расправляются со своими обидчиками — детьми бояр и купцов, как и у былинных богатырей, у них *сабля в триста пудов*, *булава двадцати пяти пудов*, «словно гнилую бечевку» разрывает солдат толстую цепь и освобождает пленную царевну. К этим качествам прибавляется нечто новое, чего не знали (да и не могли знать) герои других жанров фольклора: солдатские дети хорошо учатся в школе. В той же сказке о двух Иванах читаем: «Стукнуло ребятам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте, и боярских и купеческих детей за пояс заткнули — никто лучше их не сумеет ни прочесть, ни написать, ни ответу дать». Настойчиво проводится мысль о том, что доброму солдату необходима не только сила, ловкость, сноровка, но и грамота. Следует отметить, что в русской армии много солдат было грамотных.

Солдатские дети всегда «бедного состояния», нужда многому их учит. Знакомство с книжной грамотой отразилось не только на языке солдата, но и на характере, развило его бойкость и ум. Как правило, солдат в сказке оказывается умнее офицера. Его разговор с офицером не подобострастный, а исполненный собственного достоинства или лукавства. Для бывшего крестьянина офицер всегда оставался помещиком. В сказке-анекдоте из сборника «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева солдат нашел царский перстень, показал дежурному офицеру, тот потребовал, чтобы солдат, получив награду, поделился с ним. Тогда солдат попросил у короля за находку 200 ударов палками.

Солдат не прочь проучить скупых и жадных. И здесь его речь не только метка и образна, но и насмешлива. В сказке «Солдатская загадка» рассказывается, как жадная старуха, возомнив, что она умнее солдат (не накормила их вареным петухом, которого спрятала в печке), задала им загадку о Курухане Курухановиче, которого солдаты, когда хозяйка вышла, успели найти и переложить к себе в суму: «А что, детоньки,— спросила старуха,— вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепейском под Сквовородным, здравствует ли Курухан Куруханович?» — «Нет, бабушка!» — «А кто же, детоньки, вместо его?» — «Да Липан Липанович» (т. е. лапотъ) — «А где же Курухан Куруханович?» — «Да в Сумиш город переведен, бабушка» (т. е. в суму). Сказка заканчивается словами: *Солдата не проведешь — он человек бывалый.*

Сказки рассказывают о тяжелой солдатской службе. В сказке «Про солдата и про царя Петра» солдат жалуется: *На войне-то всяко приходится: и жар донимает, и ветер обдувает, и дождиком мочит, и ржа сердце точит.* Жизнь, исполненная военных тревог, когда каждый день может принести гибель, отразилась в сказках о своеобразных поединках солдат с чертями и самой смертью. В сказке «Солдат и смерть» служивый говорит купцу, что не боится смерти: *Русский солдат в воде не тонет и в огне не горит.* Солдату черти не страшны, на службе он видал и не такое! С чертями он играет в карты, учит воинскому артикулу, уличив в лени или обмане, порет розгами.

Солдатские сказки в какой-то степени продолжили характерную традицию русских волшебных сказок. И здесь мы встречаем зачины, присказки, концовки: «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был...» (Солдат и царь в лесу); «Близко ли, далеко, долго ли, коротко, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается...» (Два Ивана солдатских сына); «...отслужил свой срок, вышел в отставку и стал жить-поживать, добра наживать, худа избывать» (Рассказы о мертвецах.— Народные русские сказки А. Н. Афанасьева).

В солдатских сказках встречаются старинные сказочные формулы, тавтологические сочетания, традиционные выражения: «А бедного солдата занесло вихрем далеко-далеко, за тридевять земель, в тридесятое государство...» (Заколдованная королевна); «...от дела лытаешь али дела пытаешь? Садись со мною, рядом, потолкуем ладом» (там же); «... обуюла его, доброго молодца, грусть-тоска великая... Служит Иван, горе мыкает...» (там же); «Идут путем-дорогой...» (Два Ивана солдатских сына); «... Иваны солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом — жеребцы прибежали и стали на

месте словно вкопанные» (там же). За свою службу солдат, как правило, ничего не получает. Он так образно говорит об этом: *Прослужил я царю 25 лет, а не выслужил и 25 реп.*

В сказках иногда переиначиваются и наполняются новым содержанием хорошо известные слова: любитель телесных наказаний получает название *майор-секун* (по аналогии с секунд-майором, то есть вторым майором по военной иерархии того времени).

Жанр сказки продолжает жить и в наше время. В годы Великой Отечественной войны на фронте и в тылу бытовали старинные солдатские сказки: «Как солдат стоял три года на часах», «Про Петра I и короля Карлу», «Солдат и смерть», «Никола Дупленский» и многие другие.

Солдатские сказки помогали не бояться трудностей, иронически относиться к ним, внушали бодрость и оптимизм.

А. И. КУЗЬМИН

Рисунок В. Комарова

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

Просоводство. Углубление и расширение специализации сельского хозяйства вызывают к жизни новые отрасли и направления сельскохозяйственного производства, появление специалистов узкого профиля и назначения. Так выделилась специальная отрасль *просоводство* (по типу *льноводство, овощеводство, кукурузоводство*), а специалисты, работающие в этой области, стали называться *просоводами* (по типу:

овощеводы, кукурузоводы и под.).

«Поля павлодарских просоводов своеобразны... Земледельцы располагают десятками различных сортов пшеницы. Просоводам же приходится „выбирать“ практически из двух сортов — „саратовское-853“ и „саратовское-2“» (Правда, 1983, 24 окт.).

Возникло и прилагательное от этого названия — *просоводческий*, что само по себе свидетельствует о начавшемся укоренении нового названия: «Начало „крупяного подъема“ в Прииртышье связывают с организацией специализированных просоводческих звеньев» (там же).

Г. М.

ОЦЕНОЧНОСТЬ ФОЛЬКЛОРНОГО СЛОВА

Известно, что основное назначение слова — это называть предмет, признак, действие или состояние. Но помимо называния чего-либо слово осуществляет и оценку. Достаточно открыть словарь синонимов и внимательно просмотреть несколько синонимических рядов, чтобы увидеть, что некоторые слова в этих рядах и называют явление, и одновременно его оценивают. Обычно оценочность слова — это результат отношения людей к тому предмету или понятию, которое словом обозначается. Для русских понятие «солнце», равно как и само слово *солнце* (*солнышко*), всегда ассоциируется с самыми положительными эмоциями, а у народов Средней Азии солнце никогда не являлось предметом идеализации, таким, например, как луна. Условия жизни определяют характер отношения к окружающим человека предметам. У русских болото связано с представлениями отрицательного плана, а у финнов оно всегда оценивается положительно.

На материале фольклора разных народов замечена устойчивая связь названий предметов с положительными или отрицательными представлениями. Так, в хакасском героическом эпосе существительные с вещественным значением выступают как мера оценки: *золото*, *серебро*, *шёлк* обычно ассоциируются с положительными героями; *железо*, *лед*, *камень* — с отрицательными. В русском фольклоре существительные *береза*, *жемчуг*, *виноград*

и др. тоже несут заряд положительных эмоций. Однако всё это примеры, когда оценочность как бы привносится извне. Фольклор ограничиться этим не может.

Народно-поэтическое слово не только строит фольклорный мир, но и одновременно его оценивает. Это обуславливает наличие в семантической структуре фольклорного слова особой оценочной характеристики. Иногда эта характеристика начинает преобладать, и тогда слово лишается основной — номинативной — функции. Имеем в виду слова типа *душа, сердце, животок, головушка, свет* и т. п., но их сравнительно немного.

Обычно оценочность выражается морфологически — с помощью приставок и особенно суффиксов: *размалина, березонька* и т. п. Когда же соответствующих приставок или суффиксов нет, увидеть оценочность в фольклорном слове труднее. Однако она непременно присутствует и проявляется в тех случаях, когда слово употреблено непривычно. Особенно это заметно на примере прилагательных, по сути своей являющихся определителями. Например, прилагательные *белый, лазоревый, красный, зеленый* и другие выступают в функции оценочных слов, теряя цветовую определенность. Именно этим объясняются мнимые алогизмы типа:

*Аленький мой беленький цветочек,
Желтый лазоревый василечек*

Песни, собранные Киреевским П. В.;
далее — Киреевский

*Ты, мой сизенький, мой беленький голубчик,
Ты к чему рано с тепла гнезда слетаешь*

Соболевский А. И. Великорусские народные
песни; далее — Соболевский

Оценочностью обладают не только прилагательные, но и существительные. Их оценочность обнаруживается чаще всего в тех случаях, когда существительное заменяется однокорневым прилагательным. Словообразование в этом случае — своеобразный рентгеновский снимок семантики существительного.

*Оторвался твой добрый конь
От того столба малинова*

Фольклор русского населения Прибалтики;
далее — Прибалтика

*На берегу лес
Все малинов*

Васнецов А. Песни северо-
восточной России

Столб малинов, лес малинов, равно как и роца малинова (Шейн П. В. Великорусс в своих песнях.; далее — Шейн) или *мост малиновый* (Прибалтика) — все эти мнимые алогизмы проявляют оценочность, скрытую в существительном *малина*. В литературном языке прилагательное *малиновый* тоже может использоваться не только в прямом значении (*малиновый лист, малиновый куст*), но и в оценочном (*малиновый звон* — «очень приятный, мягкий по тембру звон колоколов, колокольчиков, бубенцов»). В народно-песенной речи *малиновый* сочетается с гораздо большим числом существительных, что свидетельствует о большей широте его смыслового содержания. Определить, какие свойства малины (вкусовые, цветовые, осязательные и т. п.) дали возможность прилагательному *малиновый* стать эпитетом к существительным *лес, роца, столб* или *мост*, очень трудно. Возможно, отгадка таится в мифологической предыстории. Ясно только, что *малиновый* служит показателем высоких качеств предмета.

Роль словообразования как способа проявить оценочность фольклорного слова можно продемонстрировать на примере слов *рябина, шёлк, бархат, золото* и др.:

Вода тиновая,

Да рябиновая

Народные песни Прииртышья;

далее — Прииртышье

Уж я сяду, горюша бедная,

Под листочек по-под шелковенький

Шейн

Крыша бархатная,

Печь муравленая

Поэзия крестьянских праздников

Третья лоточка изукрашина,

Изукрашина золотым сукном

Киреевский

Оценочность существительного проявляется и в необычности сочетаемости его с другими существительными, когда реалии, как правило, четко разграничиваемые, вдруг отождествляются:

На том ли на на кустике садилась кукушечка,

Садилась кукушечка, мелкая соловьюшка

Киреевский

Известно, что тавтология — яркая примета славянской фольклорной стилистики. Повтор однокорневого слова служит средством усиления выразительности языковой конструкции. Суще-

вует несколько типов тавтологических сочетаний, среди которых есть и тавтологические определения:

Вышей-ка, Катенька, платок
Всеми шелками шелковистыми,
Всею серебром серебристым
Бахтин В. Песни Ленинградской области
Кустик, кустик, кустовой,
Ракитовый, листовой

Шейн

Река глыбока,
И рекиниста
Традиционный фольклор
Новгородской области

В окошечко погляжу,
Как во то ли во окно
Во окошчатое

Киреевский

Ты голыдьба, ты голыдьбаливая,
У голыдьбы ни кола нет, ни двора

Там же

В русском фольклорном тексте тавтологичными могут быть не только сочетания однокорневых слов, но и слов, обозначающих разные предметы и вещества. Приведем несколько примеров.

Мед и патока = паточный мед:

По медú, меду по паточному
Ай плыла чара серебряная
Истомин и Ляпунов.
Песни русского народа

Верба и вишня = вишневая верба:

Ай, ты верба, ты верба моя,
Золотая верба вишневая
Лирика русской свадьбы

Яблоки и чернослив = черносливчатые яблоки:

Сладки яблочки щипала
И наливчатые,
Черносливчатые

Прииртышье

Свинец и порох = свинцовый порох:

Бочку рва-рвало, розрывало
Со свинцовым порохом
Истомин и Дютш.
Песни русского народа

Почему мы эти примеры относим к числу явлений тавтологии? Расширение семантического объема важнейших фольклорных слов приводит к тому, что слова одного тематического ряда уподобляются друг другу, поскольку каждое из них обозначает не только определенный предмет, но и всю совокупность реалий одного ряда. *Яблоня* — это и яблоня, и любое садовое дерево. *Патока* — и собственно патока, и все очень сладкое. В фольклорном тексте синонимами становятся слова, которые за пределами устного народного творчества таковыми не являются. Расширенные по смыслу слова одного тематического ряда и создают особую разновидность тавтологии — тавтологию семантическую.

Думается, что семантическая тавтология отличается от тавтологии в привычном смысле этого термина более высоким уровнем обобщения и эмоционального усиления. *Шелк шелковистый* — предмет оценивается через самого себя; *верба вишневая* — предмет оценивается через всю совокупность реалий одного тематического ряда, и тем самым предельно высокий уровень оценки со вмещен с высоким понятийным обобщением.

Для нас важно отметить, что в примерах семантической (смысловой) тавтологии наглядно проявляется оценочность фольклорного слова. В сочетании *верба вишневая* прилагательное *вишневая* выступает не как способ определить разновидность реалии *верба*, а как способ оценить ее. То же, например, и в сочетании *свинцовый порох*.

Обязательное наличие оценочного компонента в лексическом значении устно-поэтического слова неслучайно. Оно является требованием лирического жанра с его нравственной оценкой всего сущего в фольклорном мире и обеспечено свойствами диалектной лексики, обладающей повышенным эмоциональным тоном.

А. Т. ХРОЛЕНКО

Курск

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«У писателя И. Ефремова есть книга „На краю Ойкумены“. Что значит слово *ойкумена*?

Т. Олсуфьева, Чита.

Ойкуменой древние греки называли совокупность всех областей земного шара, которые, по их представлениям, были заселены человеком.

В составе фразеологизмов русского языка известно немало архаизмов: *воздавать сторицей, убедиться воочию, возвратиться восвояси*.

Возьмем одно наречие из коллекции предложно-падежных окаменелостей — *начеку*. Оно чаще всего употребляется в выражении *быть начеку* «быть наготове, настороже». Если подвергнуть это наречие операции «отсекновения предлога», которую можно проделать со многими русскими наречиями такого типа (ср. *воочию, восвояси, дотла*), то мы получим односложное словечко *чек*.

Что оно значит?

Первая приходящая в голову ассоциация — связь со словом *чекá* «стержень, вкладываемый в отверстие на концах осей, болтов», известным прежде всего как обозначение предохранительного стержня гранаты. Но даже чисто грамматическая характеристика этого слова противоречит такой ассоциации: в подобном случае выражение имело бы вид *быть на чекé*.

Показательно, что В. И. Даль в Толковом словаре дважды подчеркивает ложность звуковой связи наречия *начеку* с *чекá*. Отвергая эту связь, он даже рекомендует иное написание: «Начеку ... или вернее *начикú*, не от *чеки*, а от *чик*; наготове, вготове, совсем». В последнем томе словаря это наречие приводится им в раздельном написании *быть на чикю*, а *на чеку* квалифицируется как «ошибочное». При этом само слово *чик* имеет, по Далю, довольно широкий диапазон значений — «бой, тор, езда, гон

или толкотня...», отсюда и костромское выражение *жить на чикю* «на большой, торной дороге, на бойком, торном месте».

Далевскую гипотезу взял на вооружение Л. И. Скворцов (Быть начеку.— Русский язык в национальной школе, 1965, № 3). Он отвергает распространенную у современных этимологов связь этого наречия с глаголом *чекать* и пытается семантически аргументировать утверждение В. И. Даля. По его мнению, связь между *жить на чикю* «на большой торной дороге» и *быть начеку* вполне логична: ведь в таком положении можно было ждать разных гостей — и друзей, и врагов, и становиться свидетелем различных происшествий, зачастую весьма опасных. «В общем,— как резюмирует Л. И. Скворцов,— следовало быть готовым ко всему, к любой неожиданности». Это же толкование популяризируется им и в книге о культуре речи (Люстрова З. Н., Скворцов Л. И. Мир родной речи. М., 1972).

Такая этимологическая расшифровка, однако, не совсем подтверждает общую логику развития фразеологического значения оборота *быть начеку*. Речь ведь идет о подстерегании, подкарауливании кого-либо, о бдительной готовности встретить опасность лицом к лицу. Вряд ли все же такое значение могло возникнуть от исходного «жить на бойком, торном месте»: тот, кто живет на виду, в окружении людей, не должен все-таки прятаться и подстерегать.

Посмотрим поэтому, какие обороты с подобным значением и синтаксической конструкцией известны русскому языку и какова их мотивация. Самым распространенным синонимом к *быть начеку* является *быть настороже*. Это — бывшее предложное сочетание со словом *сторож* «караул, сторожение». Оно прежде употреблялось в буквальном смысле «на карауле», о чем свидетельствует пословица, бывшая в ходу в XVII веке: *Знать и по рожке, что был на стороже* (Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симоны. СПб., 1899). Этот оборот имел и вариант *быть настороже* «на карауле». В псковских говорах до сих пор еще употребителен и другой его вариант — *быть на стерёжке*: *Ни брасайтесь ф панику, будьте на стерёжки* (Дновский район.— Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными», Ленинград, ЛГУ).

В современном русском языке прежний смысл наречия *настороже* передается сочетанием *на карауле*, где караул — слово тюркского происхождения, буквальный смысл которого — «стража». Характерно, что в говорах это сочетание приобрело то же переносное значение, что и *начеку*. Так, в среднеобских и иркутских диалектах оно значит «наготове»: *На карауле держать надо, скоро стадо погонят; Мы только собрались на рыбалку, а Алешка был*

уж на карауле (записи М. В. Орел, Л. И. Ройзензона, Л. А. Андреевой).

В русских говорах вообще немало оборотов, образованных по той же модели. И все они обозначают как правило сторожение, караул, засаду. К ним относятся диал. *быть наопа́се* «стеречь, караулить» (Даль В. И. Толковый словарь), смол. *на ва́рте* (ср. польск. *warta*, нем. *Warte* «караул, стража»), онеж. *на посту́*, диал. *на кресу́* «наготове»; перм. *на ты́рлах* «на дозоре», *на винта́х*, пск. *на дверя́х* или устаревшее общерусское *на часах*, жаргонные *на ва́саре*, *на шу́хере*, *на стрёме*, *на се́ке*.

Некоторые из таких оборотов имеют своеобразную историю. Например, устаревший ныне оборот *на маху́* (или *по маху́*) *стоять* «стеречь, караулить» связан с особым видом сигнализации: так называемый махальный вестовой издали давал знак рукой часовому о приближении начальника, для которого нужно было вызывать караул.

Любопытно, что в других европейских языках понятие «на страже» также передается сочетанием существительного с предлогом *на*: нем. *auf den Hut sein* (букв. быть на охране, на защите), англ. *to be on the watch* (быть на страже), фр. *être sur le qui vive* (быть на «кто идет?»), *être aux aguets* (быть настороже) (ср. старофр. *estre en agait*).

Повторяемость модели убедительно свидетельствует, что и оборот *быть начеку* связан в конечном итоге с каким-нибудь подкарауливанием, сторожением, а не с *чи́ком* — бойким, торным местом. Это подтверждает углубление в этимологию слова *чек*, имеющего широкие славянские соответствия. В южнорусских и западнорусских говорах есть глагол *чекáть*, родственный украинскому *чекáти* и белорусскому *чекáць* «ждать». Подобный глагол в том же значении можно найти практически во всех славянских языках. В конечном итоге он — ближайший родственник глагола *ча́льть* «ждать», «надеяться».

Первоначально, следовательно, *на чеку* — в ожидании, в засаде. Причем, такое ожидание относилось прежде всего к охотнику, подстерегающему дичь. Именно на ожидание в засаде указывают славянские параллели. Так, в сербохорватском языке слово *чек* означает место, занимаемое охотником во время охоты. Еще более красочно свидетельствует об «охотничьем» происхождении нашего выражения чешский язык: здесь есть охотничье слово *čekaná* «засада», вошедшее в устойчивые словосочетания *byť na čekaná* «сидеть в засаде» и *chodit na čekanou* «ходить в засаду». Буквально их можно перевести примерно как «быть в ожидальной» и «ходить на ожидальную». Они тоже могут употребляться переносно, хотя и в ином значении, чем русское *быть начеку*.

Чеш. *být* на *čekašce*, например, ныне вышедшее из круга перечисленных выражений, в переносном употреблении значило «бесцельно смотреть по сторонам, глазеть, ротозейничать».

Охотничьи истоки русского *начеку*, кстати сказать, улавливаются и из фразы, которой В. И. Даль иллюстрирует это наречие в своем словаре: *Волка стеречь, начикú сидеть*. Ясно, что здесь речь идет именно о засаде на волка.

Характерно, что такая «охотничья» ассоциация оборота *быть начеку* находит аналогию и в русских наречных выражениях *быть на слуху* «сторожить во все уши» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка) и *сидеть на слуху* «чутко подстергать кого» (там же). Здесь также речь идет об ожидании добычи, когда охотник напряженно вслушивается в каждое потрескивание ветки как в сигнал приближения зверя.

Оборот *быть начеку*, таким образом, «законсервировал» в себе исчезнувший ныне древний славянский корень *чек-* «ждать». Употребляемый первоначально в значении «ожидание, подстерегание в засаде диких животных», он постепенно стал обозначать «нахождение на страже, на карауле», а затем вообще — «бдительная готовность к чему-либо». Его переносное значение до сих пор продолжает напоминать о бдительности охотника на дикого зверя или война, посланного в дозор.

В случае с *быть начеку* архаизации подвергся слившийся с глаголом древний славянский корень. Следы этого слияния находим и в устойчивых оборотах чешского языка. Можно было бы назвать и украинское, ныне исчезнувшее, *на чекú* (Гринченко Б. Д. Словарь української мови, т. IV, Київ, 1909). Могут быть, однако, и такие случаи, когда предлог сливается с существительным весьма узкого распространения. Результат такого слияния оказывается тем же, что и в приведенных выше случаях, — непонятность.

Слова *смарка* мы не найдем ни в одном славянском языке, кроме русского, — даже в близкородственных украинском и белорусском. Нет в других языках и оборота *пойти насмарку* «пропасть напрасно, без положительного результата, впустую». Раз это собственно русское выражение, то оно — относительно недавнее. Недавнее, однако, не значит прозрачное и понятное.

Литературные контексты, в которых употребляется это выражение, не дают никакого намека на первоначальный смысл оборота, ибо он здесь весьма обобщен: «Канат с пушечным выстрелом рвется, и вся работа дня опять насмарку, потому что нас мгновенно опять относит на прежнее место, а может быть, и на худшее» (Гарин Н. Г. Из дневника кругосветного путешествия); «— Мне чужие неудачи радости не доставляют. Обидно только, что столько чугуна пошло насмарку!» (Беляев. Старая крепость); «Близят-

ся холода. Если храм-памятник не будет укрыт от снега и ветра, все сделанное может пойти насмарку» (Правда, 1979, 25 окт.). Работа, чугуя, нечто сделанное по сохранению памятника — все эти «окружения» наречия *насмарку* никак не проясняют входящего в него существительного *смарка*.

Встает вопрос: «А было ли оно, это существительное?»

На него можно ответить утвердительно уже потому, что русские словари — так же, как и в случае с *начеку*, — четко отразили в орфографии все этапы кристаллизации предложного сочетания *на смарку* в наречие *насмарку*: оно писалось и раздельно, и с дефисом, прежде чем «сплющиться» в одно слово. Показательно, что даже в современных словарях наблюдается колебание в этом отношении. Например, в 17-томном Словаре современного русского литературного языка иллюстрация из Н. Г. Гарина приводится в форме *на смарку*, а из В. Беляева — в виде *насмарку*.

Ответ на основной вопрос — о первоначальном значении слова *смарка* — дает Толковый словарь В. И. Даля. Здесь оно включено в ряд производных глагола *смáрывать* «счищать, стирать написанное, намаранное».

Один из историков русской фразеологии и афористики В. З. Овсянников объясняет внутренний смысл оборота, исходя именно из этого общего значения глагола *смáрывать*: «На смарку пошло, и носказ. — о начатом деле или проделанной работе, которые признаны лишними, ненужными, подлежащими переделке заново (как смарывается что-либо написанное мелом на доске)» (Овсянников В. З. Литературная речь, М., 1933).

Чтобы понять, однако, почему это действие стало основой переносного значения, нужно знать, что оно конкретно-специализированно — речь идет о счистке, стирке написанных мелом данных при азартной игре в карты или уничтожении долговых записей. Об этом свидетельствуют речевые иллюстрации В. И. Даля к этому глаголу: «Смарай меловой счет с двери, мы сочлись с хозяином... Я с тебя смарал столько-то, говорят в картежной игре, стер, скинул». Смарать запись — значит уничтожить старый счет, естественно, рассчитавшись с долгом.

Обычай отмечать мелом долг был широко распространен в прошлом столетии. В. И. Даль не случайно регистрирует в Толковом словаре выражение *играть на мелок* «в долг». Это на *мелок* как синоним сочетания *в долг* попало даже в язык классической литературы: «... мы решили на время расстаться. Это было необходимо тем более, что, живя на мелок в Дворянской гостинице, я впал в неоплатный долг» (Бунин. Лица). Один из популяризаторов и собирателей русских пословиц и поговорок использует этот оборот для толкования торговой поговорки *рендарское богат-*

ство крейда — «богатство шинкарей в кредите; *крейда* — мел, в переносном смысле долг на мелок» (Невзоров А. Торговый оборот в пословицах русского народа. СПб., 1906).

Соотнесение немецкого *крейда* (Kreide «мел») с русским *на мелок* отнюдь не случайно. В немецком языке до сих пор бытуют фразеологизмы, в которых это слово символизирует именно долг: tief (hoch) in der Kreide stehen (sein, stecken) (букв. глубоко или высоко стоять (быть) в мелу), in die Kreide kommen (войти в мел) «залезть по уши в долги», immer tiefer in die Kreide geraten (все глубже погружаться в мел) «все глубже залезать в долги» или mit doppelter Kreide [an]schreiben ([на] писать двойным мелком) «обсчитать, обмануть».

Нельзя, однако, со всей уверенностью утверждать, что обычай писать и смарывать записанные мелом долги пришел вместе с оборотом *на мелок* к нам именно из Германии. Он был распространен и в других странах Европы. Во французском языке, например, слово ardoise — «грифельная доска» не менее активно входит в «долговые» фразеологизмы, чем немецкое Kreide: avoir une ardoise (букв. иметь грифельную доску) «пользоваться кредитом», inscrire à l'ardoise (вписать в грифельную доску) «отпускать еду и напитки в кредит». До сих пор на такой доске в некоторых ресторанах Парижа записываются меню, счет или долги клиентов: «В зале чуть-чуть пахнет чесноком, и обед подает сама хозяйка, толстая усатая нормандка, и, когда мы кончим, она принесет Вадиму счет, написанный мелом на грифельной доске» (Тверитинова. Париж — Негорелое.— Звезда, 1967, № 8); «На улице Миромениль сохранился захудалый ресторанчик, обломок старины, где меню по-прежнему выписывали на грифельной доске...» (Сименов. Мегрэ колеблется.— Нева, 1969. № 6). Характерно, что выражение о грифельной доске советские публицисты толкуют именно устаревшим *на мелок*: «И посейчас во Франции бытует выражение „У меня в этой лавке ардуаз“, то есть „Я могу здесь брать товары в кредит“, как у нас говорили — „на мелок“» (Чежегова И., Донской М. В гостях у доброго короля Рене.— Новый мир, 1975, № 9). Так необходимость объяснить непривычные нам французские реалии вставляет вспомнить исчезнувший нынче русский оборот.

В широко же употребительном и ныне выражении *на смарку* продолжает еще жить представление об обычае записывать долг мелом на грифельной доске. *Пойти на смарку*, следовательно,— подвергнуться стиранию, как запись мелом на доске, столе или двери. Развитие фразеологического значения этого сочетания, как верно подчеркивает Б. С. Шварцкопф, шло в таком направлении: сначала «свободное словосочетание *идти на смарку* означало «быть уничтоженным — о записи долга», далее, все расширяясь в

устойчивом выражении *пойти (пойти) насмарку* «уничтожаться, пропадать (вообще о чем угодно)», и до значения «оканчиваться впустую, без результата» (Шварцкопф Б. С. Что такое *насмарку*. — Русский язык за рубежом, 1968, № 3).

Непонятность буквального значения слова *смарка* привела к обобщенному употреблению всего оборота. В живой народной речи такое употребление может быть еще более широким. В среднеобских говорах *пойти насмарку* значит уже «погибнуть ни за что»: *Убили там парня, пошел насмарку*. В сибирских же говорах современные диалектологи записали новый вариант этого выражения — *насмарку послать* «уничтожить», относимый и к каким-либо понятиям, и к людям: *Послал насмарку он всю мою работу: все поля затоптал; Попов насмарку, к господу богу, послали* (записи М. В. Орел, Л. И. Ройзензона, Л. А. Андреевой).

Как видим, процесс архаизации захватывает слова самого разного масштаба распространения. Процесс этот, следовательно, зависит не от древности или широты бытования слова, а от того, насколько живо ощущаются говорящими семантические узы, связывающие слово с выражением, в котором оно кристаллизуется.

В. М. МОКИЕНКО

Рисунок В. Толстоногова

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

АСТ. Строительство первой атомной станции теплоснабжения вызвало и появление в широком речевом употреблении ее сокращенного наименования — аббревиатуры АСТ (атомная станция теплоснабжения). У новой аббревиатуры так называемый «структурный» род (определяемый формой сокращения — мужской род) и «смысловой» (родовая характеристика стержневого слова: *станция* — слово женского рода) не совпадают. Поэтому совершенно закономерно (во всяком случае, на настоя-

щем этапе), что аббревиатура АСТ в контексте употребляется в несклоняемой форме.

«В Воронеже строится атомная станция теплоснабжения. АСТ — пока с трудом воспринимается сокращенное название станции... Мощность АСТ будет выше, чем ТЭЦ, впятеро, а персонал составит около 500 человек... На АСТ две основные профессии — оператор, слесарь-ремонтник... Недавно утвержден проект строительства второй очереди АСТ — до 1990 года предстоит сдать в эксплуатацию еще два таких блока» (Правда, 1983, 8 июля).

Г. М.

В 1791 году учеными была установлена основная мера длины — метр (от греч. *métron* — мера). Эта мера была принята равной десятиmillionной части $\frac{1}{4}$ длины парижского географического меридиана. Но развитие науки и техники повысило требования к точности измерений, и в 1960 году 11-я Генеральная конференция по мерам и весам приняла новое определение метра: «Метр — длина, равная 1650763,73 длины волны в вакууме излучения».

Наши далекие предки, естественно, не могли измерить меридиан нашей планеты, как и длину световой волны. Но без измерений было никак нельзя: ведь *Без меры мужик и лаптей не плетет*.

Древнерусские меры, рожденные практикой, были очень удобны: человек имел их при себе и рядом с собой. При себе: *ноготь* (толщина ногтя), *палец* (ширина пальца), *емья* и *коря* (ширина кулака), *пядь* (расстояние между концами растянутых большого и указательного пальцев), *ладонь*, *длань* и *пясть* (ширина ладони), *локоть* (расстояние от локтя до конца пальцев), *лапоть* (ступня ноги, обутой в лапоть), *шаг* и *карачка* (растянутый широкий шаг), *рука* (размах рук), *обоймище* (длина обхвата широко расставленными, сцепленными в кольцо руками).

Аналогичные меры использовались и используются сейчас другими народами. Например: *дюйм* (из голландского *duim* — «мера, равная ширине большого пальца»), *фут* (от английского *foot* — «ступня»), *миля* (от латинского сочетания *milia passuum* — «тысяча шагов») и др.

Природные меры были очень удобны тем, что были кратными. С древних времен было замечено, что размах рук совпадает по длине с ростом человека, длина локтя равна четверти роста, а ширина пальца руки — одной двенадцатой части длины ступни и т. п.

Существовали и такие меры, которые человек имел рядом с собой, «под рукой». Как правило, в качестве этих мер и мерительных инструментов употреблялись обычные бытовые предметы: весло, косье, палка, стена, столб, топориче, шест.

Интересно то, что многие народные меры рождались в определенной производственной деятельности людей. Например, в Словаре русских говоров южных районов Красноярского края читаем: «Когда ткешь, то наткано стенам меришь». Здесь имеется в виду мера *стена*, связанная с производством холста. Дело в том, что основу ткани обычно натягивали на стене. Эта мера в различных местах была неодинакова: от 5 до 15 аршин.

С этим же трудовым процессом связана другая мера — *столб*, которая применялась при измерении длины холста (четверть или $\frac{1}{5}$ стены).

Для измерения глубины реки, озера и других водоемов использовалась мера *весло*. Удобна плотницкая мера — *топориче*: ведь топор под рукой, вернее, в руке плотника. Мера *локоть* первоначально служила для измерения тканей и ниток.

В 1972 году в «Русской речи» (№№ 3—6) была опубликована статья Г. Я. Романовой «Старинные меры длины». Тем, кто захочет более подробно ознакомиться с историей русской метрологии, советуем обратиться к содержательной, богатой материалом книге Г. Я. Романовой «Наименование мер длины в русском языке» (М., 1975).

В наши дни используется метрическая система мер длины, введенная в России (в необязательном порядке) законом от 4-го июня 1899 года, проект которого был разработан Д. И. Менделеевым. В качестве обязательной новая система мер была утверждена декретом СНК РСФСР от 14-го сентября 1918 года.

Таким образом, старинные названия мер длины стали историзмами. Но они не исчезли бесследно: получив вторую жизнь в составе устойчивых словосочетаний, они обогатили фразеологический фонд русского языка.

Об этих названиях и фразеологизмах и будет рассказано в настоящем очерке.

*

При измерении маленьких предметов использовалось сравнение их с ногтем. Вот примеры из народно-поэтической речи, в ко-

торых эта мера противопоставлена локтю: *Мужичок сам с ногуль, борода с локоть; Дай хотя с локоть, а ему все с ногуль.*

В современной литературной речи живет шутовское сочетание *с ноготок*, имеющее значение «очень маленький, крошечный»: «Лошадку ведет под уздцы мужичок В больших сапогах, в полупшубке овчинном, В больших рукавицах... а сам с ноготок!» (Некрасов. Крестьянские дети).

Небольшие предметы измеряли *вершками*. Как сказано в Толковом словаре В. И. Даля, вершок — это «верх перста». Эта мера равна приблизительно 4,4 см. Помните характеристику сказочного персонажа: *Сам с вершок, голова с горшок?* До сих пор об очень маленьком, низкого роста человеке говорят: *От горшка два вершка.*

Слово *вершок*, образованное от *верх*, многозначно. *Вершком* называли и вершину, верхушку, и матерчатый верх шапки, и верхнюю часть снопа, и отверстие в стене курной избы для выхода дыма. В народно-поэтической речи ласкательное слово *вершочек* употреблялось в значении «крыша»:

Было сделано три терема златоверхие,
Вершочки с вершочками свивались.

Слово *вершок* как мера длины породило значение «очень маленькое расстояние». Ср.: *По морю плыть, на вершок от смерти быть; От греха на вершок.*

С этим значением слова *вершок* связан переносный смысл разговорного сочетания *по вершочку*: «Они оба, и муж и жена, привели ветерана почти в иступление; понемногу, по вершочку, они завладели им, его волей, его мыслями» (Гл. Успенский. Из деревенского дневника).

Следующая мера длины — *пядь* или *пядень* (от древнерусского глагола *пяти* «растягивать, натягивать»). Эта мера была равна расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев (меньшая *пядь*) или между концами большого и среднего пальца или мизинца (большая *пядь*). Нестандартность этой меры подмечена в шутовской поговорке *Не у каждого дяди измерены пяди.*

Если и большая *пядь* по какой-либо причине оказывалась недостаточной, то прибегали к *пяди с кувырком* (или с *кутыркой* — от глагола *кутыркаться* в значении «кувыркаться»). При откладывании этой меры указательный палец делал кувырок, прибавляя к обычной *пяди* два сустава, то есть вершок.

«Простота и удобство способа измерения *пядью* — растянутой кистью руки — в быту было причиной широкого распространения этой меры у разных народов и ее чрезвычайной живучести

по сравнению с более поздними мерами» (Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке.).

В народных поговорках *пядь* символизирует незначительность расстояния: *Пяденька за пяденькой, а не стало саженьки; Жили сажень, а доживать пядень.* Этот же признак лег в основу сочетания *ни пяди (земли не отдать, не уступить)* в значении «несколько, даже самой небольшой части», например: «(Годунов:) ...королю ни пяди Не уступили русской мы земли» (Толстой А. К. Царь Федор Иоаннович). В XVI—XVIII веках в этом же значении использовалось и выражение *не уступить (не поступиться) ступени*, в состав которого входит мера *ступень* (длина ступни). Г. Я. Романова приводит в своей книге такие примеры: «А мы государя своего земли ступени никому не поступимся» (1574 г. Русские акты Ревельского городского архива); «Не уступлю я впредь тебе ни двух ступеней» (Сумароков).

Фразеологизм *семи пядей (пяденей) во лбу* также обязан своим рождением мере *пядь*. Это гиперболическое выражение означает «очень умный, мудрый, выдающийся», например: «— Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он.— Будь он хоть семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет» (Пушкин. Капитанская дочка).

Слово *пядь* известно также в значении «кисть руки». В этом значении оно встречается и в современной литературе: «Изредка он широкой пядью отмеривал (на карте) расстояние на восток (Вершигора. Люди с чистой совестью).

Движения гусеницы-землемера напоминают движения пальцев человека при измерении чего-либо пядями. Поэтому гусеницу-землемера в народе называют *пяденицей*.

В. И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка приводит слово *пядница* в значении «какая-либо вещь в эту меру»: «Икона пядница, образ в четверть». *Четверть* — синоним *пяди*.

При разделе пахотной земли, сенокосных угодий использовалась единица измерения *лапоть*, равная длине ступни, обутой в лапоть. Наделы земли и покосов были настолько малы, что нередко приходилось прибегать к таким единицам, как поллаптя и даже четверть лаптя.

Словарь русских народных говоров приводит такие примеры употребления меры *лапоть*: «В этом лугу травы по три кося и два лаптя на душу пришло»; «Дальний заполок шириной в 2 кося и 3 лаптя».

Н. Златовратский оставил нам описание способа измерения лаптем при разделе сенокосного угодья: «Мужики становились один против другого и, считая вслух, начали выделять па, приставляя один лапоть ног непосредственно к другому, так, что

посок одного приходился к задку другого» (Деревенские будни).

Слово *лапоть* дало жизнь поговоркам *Отступи на лапоть* в значении «подвинься» и *Отзынь на лапоть* в значении «отойди, уйди». Интересно, что эти фразеологизмы сохранились до наших дней. Так, выражение *Отзынь на лапоть* зарегистрировано в русских говорах в 1955 году (Сольбилецкий р-н Чкаловской обл.).

Очень древняя мера длины, известная многим народам, — *локоть*. Эта мера равна расстоянию от локтевого сустава до кончиков пальцев. *Локоть* применялся чаще всего для измерения тканей. Но с конца XV века эта мера начинает вытесняться другой, более крупной единицей измерения — *аршином*.

При измерении длины ниток, пряжи удобен так называемый *большой локоть* — от сжатого кулака через локоть по другой стороне руки до кулака. Этот своеобразный способ измерения получил в народной речи название *кольцо*.

В некоторых говорах название меры *локоть* использовалось в уменьшительно-ласкательных формах. В смоленских говорах зафиксировано название *локтик*, а в западных, кубанских и воронежских — *локоток*. Словарь русских народных говоров приводит пример из народной шутильной песни:

С горы на гору Маня шла,
тяжело млада несла —
и кувшин и валец, еще милого платок,
А платок короток,
Всего семь локоток.

Уменьшительная форма *локоток* использована в поговорках: *Дай волю на ноготок, а он возьмет на весь локоток; Жилья с локоток, а житья с ноготок; Скажешь на ноготок, а перескажут на локоток.*

Выразительность этих поговорок достигается смысловой противопоставленностью и рифмовкой слов *локоток* — *ноготок*, обладающих эмоциональной окраской.

Аршин — это уже более крупная единица длины. Помните строки из «Сказки о царе Салтане...» А. С. Пушкина?

...Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин...

Царица обещала: «Я б для батюшки царя родила богатыря». И слово свое сдержала: ведь аршин равен 71,1 см. А героиня шутильной народной песни подарила милому еще более крупного младенца:

Ай, дуду, ай, дуду!
Потерял мужик дугу
За поленницей в углу.

Шарил, шарил, не нашел,
Ко сударушке зашел.
Сударушка родила
Сына Максима
В четыре аршина.

Соболевский.
Великорусские народные песни

Слово *аршин* пришло к нам в конце XV века из тюркских языков. До середины XVI века аршин применялся только при измерении тканей, привозимых через Турцию, и поэтому имел второе название — *турецкий локоть*.

Со второй половины XVI века аршин использовался для измерения всех заморских тканей (ткани же, производимые на Руси, измерялись локтями). Слово *аршин* как единица измерения тканей дало жизнь словам *аршинник* «купец, торгующий тканями», *аршинничать* «торговать тканями», *нааршинничать* «наторговать», *проаршинничать* «проторговаться». Слово *аршинник* употреблялось и с оттенком пренебрежительности: «недобросовестный, обмеривающий при продаже купец». Как эмоционально-оценочное это слово употреблено Н. В. Гоголем в «Ревизоре»: (Городничий:) Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться?»

С конца же XVI века аршин начинает употребляться шире, то есть по отношению к любым измеряемым товарам, например: «А мера тем оброчным стерлядям в три четверти аршина, а мерять оброчные стерляди государевым печатным орленым аршином с носом и с хвостом» (Словарь русского языка XI—XVII вв.). Следует отметить, что слово *аршин* употребляется и в переносном значении «линейка длиной в аршин».

Значительность этой единицы длины лежит в основе внутренней формы фразеологизма *вырасти на аршин (два, три аршина)* в значении «в глазах окружающих стать выше в умственном, нравственном и т. п. отношении», например: «Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в невинность Дрейфуса. Золя вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло» (Чехов. Письма).

В словарном составе томских, тюменских и тобольских диалектов существует шутивно-ироническое словосочетание *аршинный чай* в значении «напиток, завариваемый из листьев и цветов лабазника» (*лабазник* — это растение таволга, иванов-цвет).

Не следует думать, что поговорки со словом *аршин* — факт областной речи. Хотя само слово *аршин* стало историзмом, фразеологические словосочетания с этим словом активно употребляются в современном русском литературном языке. Это объясняет-

ся их предметной наглядностью, эмоциональностью и экспрессивностью. Именно эти качества формируют общую выразительность русской фразеологии.

Когда мы хотим охарактеризовать положение человека, который держится неестественно прямо, то употребляем выражение *словно (как будто, точно) аршин проглотил*, например: «Учителю казалось лет двадцать пять. Он точно проглотил аршин, ноги переставлял, как палки; головы не поворачивал и рук не поднимал» (Боборыкин. В путь-дорогу).

Употребителен также фразеологизм *мерить на свой аршин* и его вариант *мерить своим аршином* в значении «судить о ком-либо или о чем-либо только по своим представлениям, согласно только своим требованиям», например: «Подобных ему [Базарову] людей не приходится мерить обыкновенным аршином» (Тургенев. Отцы и дети).

В значении «отличаться большой пронизательностью» употребляются поговорки *Видеть на три аршина в землю* и *Видеть на три аршина под землей (под землю)*: «— Ты не смотри, что мы с ним в лаптях ходим, а, ведь, на три аршина в землю видим» (А. Писемский. Плотничья артель); «— Говорил вам, Владимир Афанасьевич, явление — наш Николай Евгеньич. На три аршина под землю видит» (Ю. Герман. Дело, которому ты служишь).

Окончание следует

В. Н. ВАКУРОВ

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Есть такие выражения, как *круглый год, круглый отличник*. Как понять здесь слово *круглый*?»

И. С. Огородников, Коломна

Круглый имеет несколько значений. Основное — «имеющий форму круга». Но это слово может употребляться и в других значениях: «полный, совершенный» (*круглый невежда, круглый сирота, круглый отличник*); «целый, весь» о мере времени (*круглый год, круглые сутки*); «вычисленный без дробных, мелких единиц счета» (*круглая сумма, круглые цифры*).

В телепередаче «Что, где, когда» (июнь 1983 г.) «знатокам» был задан глоспос: что такое *камень за пазухой*? Они ответили, что *камень за пазухой* — это камень, используемый для голосо-вания. Действительно, *lapillus* (камешек) в древнем Риме означал камень для подачи голоса против смертной казни или за нее (см.: «Латинско-русский словарь» И. Х. Дворецкого, Д. Н. Король-кова. М., 1949).

Однако правильным был признан ответ телезрителя: *камень за пазухой* относится к тем камням, которые — согласно царско-му указу — обязаны были доставлять в Москву приезжие и кото-рые затем использовались для мощения улиц.

*

Действительно, указ о мощении московских улиц булыжником вышел после пожара начала 1700-х годов, и камни были нужны (см.: История Москвы. М., 1974).

Но существует и другая гипотеза. Так, этнограф прошлого века С. В. Максимов в книге «Крылатые слова» связывал возникно-вление данного выражения с пребыванием в начале XVII века в Москве польских интервентов, которые, «хотя и пировали с моск-вичами, но, соблюдая опасливость и скрывая вражду, буквально держали за пазухой кунтушей, про всякий случай, булыжные камни» (*кунтуш* — польский верхний кафтан).

Как видим, последние два объяснения не имеют ничего общего друг с другом и относятся к различным по времени историческим событиям (первое — к XVIII веку, второе — к XVII веку).

Думается, объяснение телезрителя неприемлемо, и вот почему. Пазуха — это (в частности) пространство между грудью и облегающей ее одеждой. *За пазухой* означает «хорошо спрятанное, скрытое». Но в данном-то случае привозимые камни никем не скрывались, а наоборот — предъявлялись, так как служили пропуском для въезда в Москву.

По поводу объяснения из книги С. В. Максимова один из авторов популярного издания с таким же названием «Крылатые слова» (1955 г.) — Н. С. Ашукин писал, что его «следует отвергнуть как неубедительное. Приурочивание возникновения подобных метафорических выражений к какому-либо конкретному случаю едва ли возможно» (см.: Примечания к ук. соч. С. В. Максимова). Помимо сказанного может быть приведен пример того, что выражение *камень за пазухой* в прошлом было направлено не только против москвичей, а и против немцев (см.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. СПб., 1912).

Это говорит о том, что нельзя связывать происхождение выражения *камень за пазухой* только с одним историческим событием. Предположение о том, что интересующее нас выражение является только русским, видимо, неверно. Это ясно также из сопоставления русского выражения с аналогичными ему в других языках.

В самом деле, выражение *камень за пазухой* (*держать*) на кого или против кого говорит о затаенной злобе на кого-нибудь, о скрытом намерении мстить, вредить кому-нибудь (см.: Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, ст. Камень). Подобное развернутое толкование имеется в чешском, греческом языках.

В болгарском языке существует выражение *държа (също крия) камък в пазвата си*, то есть *держать (скрывать) камень за пазухой* (см.: Кошелев А. К., Леонидова М. А. Болгарско-русский фразеологический словарь. М., 1974). Можно привести не только случаи буквального совпадения, но и аналогии. Например, в болгарском языке известно выражение *държа змия в пазвата си — держать змею за пазухой* (см.: Йотов М. И., Пономарева Н. Н. Болгарско-русский словарь. М., 1959). В латинском языке известно выражение *in sinu virerum habere* — дословно: *за пазухой змею держать* (см.: упоминавшийся Латинско-русский словарь). В русском языке известна пословица *Дружиться дружись, а нож (а камень) за пазухой держи* (см.: Даль В. И. Пословицы русского народа).

Немецкое выражение *Groll (im Busen) hegen (gegen A)* переводится как *злобу за пазухой оберегать, питать против кого-либо* (см.: Немецко-русский словарь. М., 1983).

С учетом изложенного смысл выражения *камень (или змею, нож, злобу) за пазухой держать* совершенно понятен. Ясно и то, что это выражение не является только русским, оно интернационально. Налицо смысловая универсалия, известная многим народам.

Выражение *камень за пазухой (держать)* является одним из звеньев цепи аналогичных выражений. Слова *змея, нож, злоба* в этой цепи не нуждаются в объяснении, так как относятся к примерам образной народной речи. Слово *камень* в этой цепи — один из вариантов. Но чем вызвано наличие специфической формы *камень* в интересующем нас выражении? Почему *каменем* иногда заменяются в этом обороте равнозначные ему по смыслу *змея, нож*?

Можно предположить, что во многих языках это произошло под влиянием евангельской притчи, ставшей широко известной.

В самом деле, при рассмотрении интересующего нас выражения возникают реальные общеметафорические ассоциации: *нож держат за пазухой для того, чтобы потом ударить им кого-нибудь; камень держат за пазухой, чтобы потом бросить его в кого-то, наказывая, осуждая.*

А как известно, выражение *бросать камни в кого-нибудь* в смысле «обвинять, наказывать» пришло из Евангелия, в котором есть фраза: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень» (в грешницу). Ведь в древней Иудее существовала казнь — побивать камнями. (Можно привести и еще ряд выражений, включающих в себя *камень*, пришедших из Евангелия: *камня на камне не оставить, камень дать вместо хлеба, камни возопиют.*)

Итак, из изложенного следует, что происхождение выражения *камень за пазухой (держать)* проясняется при ответе на вопрос: Зачем держать камень за пазухой? — Для того, чтобы в удобное время бросить камень в кого-либо. В немецком языке этому и соответствует фраза *einen Stein nach jedem werfen* «бросить камень в кого-либо, осуждать кого-либо». В немецком и английском языках существуют также фразы: *den ersten Stein werfen auf jeden* (нем., перен.); *cast the first stone at somebody* (англ., перен.), которые переводятся: *бросить первый камень в кого-либо*. Принято думать, что эти фразы имеют евангельскую этимологию (см.: Биневич Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1956; Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1955). Видимо, эти фразы вошли в английский, немецкий, русский

и другие языки не полностью. Не включено было обращение: «Кто из вас без греха». Это могло способствовать тому, что слово *первый* стало относиться не к людям, а к камню (*бросить первый камень*). Конечно, *камень за пазухой (держать)* и *бросить камень* это не одно и то же. Но связь одного с другим очевидна.

Таким образом, выражение *камень за пазухой (держать)*, являющееся вариантом выражения *нож (злобу, змею) за пазухой (держать)*, приобрело компонент *камень*, видимо, под влиянием евангельской притчи. В русском и других языках это произошло на фоне традиционного применения в живой народной речи образа *камня* (например, в оборотах типа *камень в воду*).

*

Камень за пазухой выражает мысль о скрытом намерении вредить кому-либо, наказать кого-либо. Иногда же (в результате переосмысления) переносное значение выражения *держи камень за пазухой* сводится к совету — «будь осторожен» (см.: Михельсон М. И., указ. соч.).

Это выражение сродни подобным из армянского, грузинского, болгарского, немецкого языков. Сродни оно и французскому *jeter la pierre et cacher le bras* «бросить камень и спрятать руку», то есть вредить исподтишка (см.: Французско-русский фразеологический словарь. М., 1963).оборот *камень за пазухой* является фольклорным, метафорическим (то есть иносказательным, переносным) и восходит к глубокой древности.

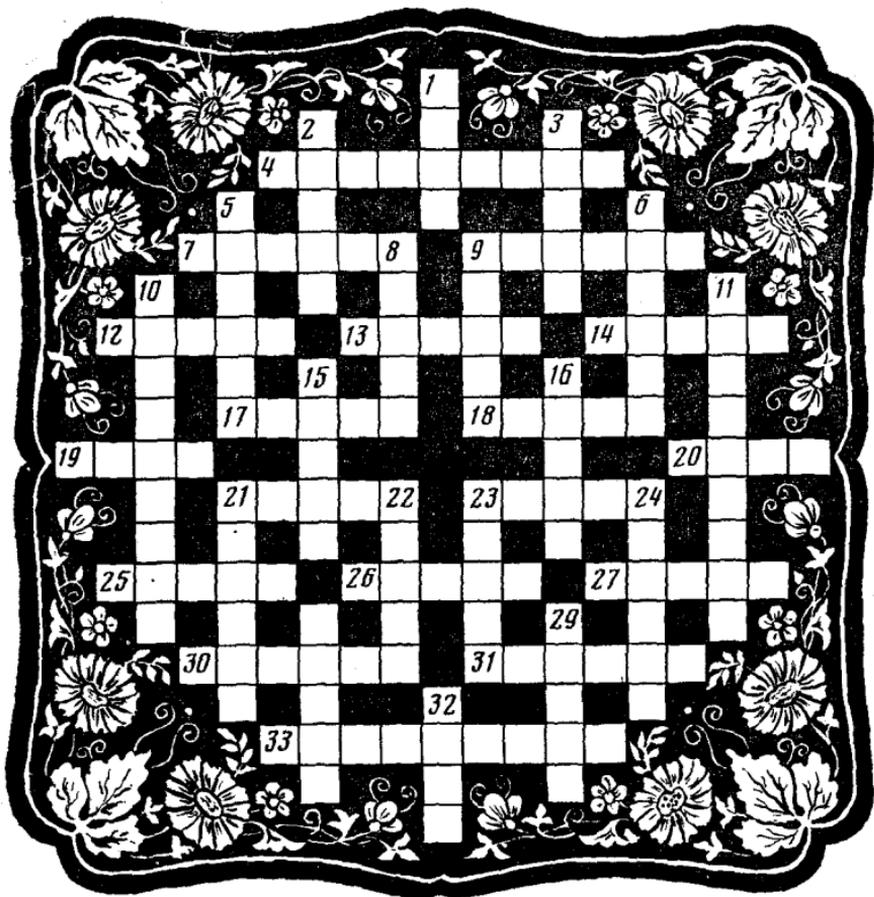
В. Н. МИРОТВОРЦЕВ

Рисунок В. Комарова

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Пьеса Л. Леонова. 7. Героиня повести А. Н. Толстого «Гадюка». 9. То же, что слово. 12. Старинная русская игра. 13. Классик татарской поэзии. 14. В древнеримской мифологии богиня неба, покровительница браков и рождения. 17. Болгарский писатель, автор романа «Под игмом». 18. Старинная русская мера длины. 19. Название корабля из мифов Древней Греции. 20. Английский писатель, автор романа «Коридоры власти». 21. Общее

название нестихотворных художественных произведений. 23. Французский поэт, один из любимых поэтов А. С. Пушкина. 25. Имя предполагаемого составителя первого сборника русских былин. 26. Поэма Байрона. 27. Рассказ А. П. Чехова. 30. Советский писатель, сыгравший большую роль в становлении советской детской литературы. 31. Герой произведения Б. Васильева «А зори здесь тихие...» 33. Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина».

По вертикали: 1. Роман Ф. М. Достоевского. 2. Категория глагола, обозначающая отношение действия к субъекту и объекту. 3. Купец-самодур из драмы А. Н. Островского «Гроза». 5. Город, являвшийся одним из оплотов древнерусского государства. 6. Автор строк:

Я навек за туманы и росы
 Полюбил у березки стан,
 И ее золотистые косы
 И колцевый ее сарафан.

8. Герой романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история». 9. Раздел книги. 10. Праздничная, торжественная речь у древних греков и римлян. 11. Неопределенная форма глагола. 15. В фило-

логии: разновидность текста рукописного памятника по особенностям языка. 16. Рассказ К. Паустовского из повести «Мещерская сторона». 21. Автор строк:

Простите, верные дубравы!
 Прости беспечный мир полей,
 И легкокрылые забавы
 Столь быстро улетевших дней!

22. Советский поэт, автор слов «Марша Буденного». 23. Советский писатель, автор сценария «Семья Ульяновых». 24. Советский писатель, автор романа «Тени исчезают в полдень». 28. Пьеса А. Штейна. 29. Роман П. Проскурина. 32. Немецкий поэт и мыслитель XVIII—XIX вв.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ ГОД — ГОДНЫЙ — УГОДИТЬ

Родственны ли между собой слова *год*, *годный* и *угодить*? Об этом спрашивает семья Котиловых из Ленинграда.

В современном русском языке названные слова вроде бы никак не связаны друг с другом: *год* обозначает «единицу летосчисления, промежуток времени, в течение которого Земля совершает один оборот вокруг Солнца; содержит 12 месяцев, отчисляемых с 1-го января»; *годный* синонимично таким словам, как *подходящий*, *пригодный*, *удобный*; *угодить* имеет значения: 1) «удовлетворить кого-либо, сделав что-либо приятное, нужное, желаемое»; 2) *разг.* «попасть куда-либо, очутиться где-либо (обычно о чем-либо нежелательном, неприятном)»; 3) *разг.* «бросая, попасть в кого-, что-нибудь».

И все-таки эти слова являются «родственниками», имеют общее происхождение. Но как объяснить эту связь?

Дело в том, что слова в русском языке изменяют не только свой звуковой облик (ср. *свадьба* и *свататься*), но и значение. Однако производные слова, образованные в разное время, отражают различные значения производящего слова и обычно как бы «консервируют» его смысл в определенный период существования. Разные значения названных слов поэтому отражают не только разные представления о явлениях, но и разные этапы в существовании исходного корнеслова *год(год-)*.

Какое же из названных слов древнее других по своему значению? Так же, например, как в значении предлогов и приставок

(ср. *до угла и до зари*) более позднему временному значению предшествует пространственное, так и в словах с корнем *год-* в основе временного и других значений, по-видимому, лежит пространственное по характеру значение. Исходным же пространственным значением предлогов и приставок является целевое (ср. предлоги и приставки *к, для, до/до-, за/за-* и др.); в корне *год-* в качестве исходного можно поэтому предполагать такое же целевое значение, отраженное в русском языке прежде всего в слове *угодить* (в значении «попасть»). Например: «— Вижу — навстречу идет второй корабль... Дал упреждение, залп (с 3 кабельтовых, в упор). *Угодили*. Он носом в воду» (Вишневский. Дневники военных лет, 11 ноября 1941). Ощутимо близко стоит к указанному и значение «прийти вовремя, успеть»: «Он собрался... переночевать или в поле, или у знакомого мужика, коли *угодит* до ночи до села» (Боборыкин. Ранние выводы). Сравните также диалектное *годить* «целиться, метиться» (В. И. Даль).

Слово и корень *год (год-)*, следовательно, первоначально выражали, по-видимому, смысл удачного попадания в цель. Отсюда можно попытаться объяснить значения других слов с корнем *год-*, связать их друг с другом, не обращая при этом к фактам, не знакомым читателям других языков (славянских и неславянских).

Нетрудно представить, например, что переосмысление оттенка преднамеренности в осуществлении действия в оттенок непреднамеренности, случайности в осуществлении того же действия в глаголе *угодить* («попасть в цель») в результате дало значение «по неосторожности, не разглядев, не заметив, вступить во что-либо, куда-либо; упасть, оказаться где-либо». Например: «— *В яму угодил!* — говорит откуда-то снизу Щербатый» (Куприн. На глухарей); «Задумавшись, Евгений *угодил* ногой в глубокую лужу» (Полевой. Горячий цех); «Замерзшие, онемелые руки срывались, и он *едва не угодил* под колеса» (Серафимович. Стрелочник). Сравните еще диалектное *годиться* «случиться, приключиться»: *В те поры годился тут барин* (В. И. Даль).

Оценочное значение глагола *угодить* связано с мысленной подменой материального объекта (*во что*) психологическим, духовным (*кому*); *угодить* значит поэтому «потешить чье-либо самолюбие, сделать приятное кому-либо». Например: «Макар ужасно обрадовался дорогому гостю и под руку повел его в горницы.— *Вот уж угодил*, можно сказать...— бормотал он» (Мамин-Сибиряк. Хлеб); «— Инспектор тоже не страшен,— он любит читать смешные рассказы Гоголя и сам первый смеется; *угодить ему просто*: нужно громче всех смеяться» (Пришвин. Кащеева цепь). Сравните также с указанным значением глагола *годить* другое его значение, представленное в диалектной речи,— «угождать»: *Годишь, годишь*,

а ему все не так; Таким соседям сколько не годи, а все плохим будешь; Свекру годи и норови и т. п.

Образованное от *год* в исходном значении *годный*, будучи прилагательным, в свою очередь обозначало качественную оценку предмета и потому закрепило за собой значение «удовлетворяющий определенным требованиям, подходящий». Например: «В нижней части долины река Кумуху разбивается на протоки и образует острова. Здесь есть два открытых места, *годных* для заселения» (Арсеньев. Дерсу Узала); «Мужчины, *годные* к строевой службе, покинули поезд: их отзывали в действующую армию» (Панова. Спутники).

Как свидетельствуют письменные и диалектные источники, *год* в первоначальном своем временном значении сохраняло оттенок удачности: *год* значило «благоприятное, подходящее время» («отрезок, момент времени»). Сравните диалектное: *Не год* (т. е. не благоприятное время) *нынче для травы; Рябине ныне год: вона сколько ее; Нонче у нас не год рябине, нету совсем ее, а бывает когда* и т. п. Ср. еще диалектное *годейный* «своевременный, благовременный, вовремя (ко времени) сделанный» (В. И. Даль).

Те же источники показывают, что на основе указанного значения затем сформировалось значение, связанное с представлением о времени вообще. Ср. диалектное *ныне такой год* — «такая пора, такое время» (В. И. Даль). В «Успенском сборнике», памятнике русской письменности XII—XIII веков, отражены более конкретные употребления слова *год* в значении «пора, время»: *И видѣвъ възбъноувѣ рано яко годѣ есть оутрънии* — «проснулся рано и увидел, что время утреннее»; *Аще хочещи потръпи мало дондеже годѣ боудеть вечерънии* — «если хочешь, потерпи немного пока придет вечернее время»; *Въ полоунощъныя годы възбоудивъши ся жена и трепетьна бывъши* — «в полночь (в полуночные моменты, в полуночное время) пробудилась женщина, трепеща». Ср. употребление слова *год* (в том же памятнике) в контексте, не различающем конкретное и абстрактное употребление слова *год* в том же значении: *Чѣто ми досаждаеш прѣже года...* «что мне досаждаешь прежде времени...»

Позднее других в слове *год* установилось значение «период времени, равный 12 месяцам». Например: «*В тот год* осенняя погода Стояла долго на дворе» (Пушкин. Евгений Онегин); «Там, где в прошлом году была рожь, теперь лежал в рядах скошенный овес» (Чехов. Черный монах); *Году начало, зиме середка; День год кормит; Год от году не легче; Год на год не приходится; Без году неделя; Три дня не три года* и т. п.

Н. А. Луценко

■ ПРОФЕССИЯ — СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Читатель А. В. Кулагин (Минск) интересуется: «Различаются ли по смыслу слова *профессия* и *специальность*?».

*

Эти слова — синонимы. Они объединяются общим для них значением «род занятий, трудовой деятельности» (Словарь синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, том II). Следовательно, они могут быть взаимозаменяемыми в речевых условиях, когда требуется обозначить род занятий без каких-либо дифференцирующих признаков. Например: «Геологу всегда трудно. Такая уж у него профессия» (Правда, 1983, 13' апр.); «Завязался конфликт. Одну сторону заняла администрация хозяйства, другую — рядовой рабочий, шофер по профессии» (Правда, 1980, 16 июля); «Человек учился, человек специальность приобрел, курсы колхозных электриков окончил» (Николаева. Жатва); «Что такое, к примеру, агроном — специальность или должность? Специальность. Но почему бы специалисту и должность не занимать — должность, скажем, бригадира?» (Известия, 1979, 9 сент.).

Но, как всякие синонимы, каждое из этих слов имеет свои смысловые отличия, что предопределяет возможность их речевой реализации в функции уточнения, конкретизации понятия. Значит, они одновременно различаются оттенками значений. В «Словаре синонимов русского языка» сказано, что слово *специальность* «указывает на круг специальных знаний, полученных в учебном заведении, приобретенных в результате обучения где-либо».

Говорят, что такой же признак имеется и в значении слова *профессия*, так как для получения какой-либо профессии тоже нужно приобретать специальные знания. Что верно, то верно, но для синонимичных слов в этом нет ничего удивительного: семантические признаки одного легко обнаруживаются в другом. При сопоставлении рассматриваемых синонимов с целью обнаружить в них смысловые различия следует обратить внимание на то, что второе из них имеет более узкое значение на фоне более широкого значения первого. Иначе говоря в таком сопоставлении слово *профессия* выражает как бы родовое понятие, а *специальность* — видовое. Так, например, профессия «учитель» объединяет специальности «учитель русского языка», «учитель математики», «учитель истории» и т. д., профессия «врач» — специальности «хирург», «окулист», «невропатолог» и т. д., профессия «слесарь» — специальности «слесарь-инструментальщик», «слесарь-сантехник» и т. д.

В современном словоупотреблении можно говорить о двух подходах к реализации в речи рассматриваемых здесь синонимов.

Один из них характеризуется стремлением использовать их дифференцирующие возможности для точного выражения понятия: «Заглянем в справочники профессий. Здесь мы можем узнать все о профессии токаря, слесаря... Увы, о профессии учителя мы не найдем в этом справочнике ни слова» (Известия, 1983, 20 июля); «Если совместительство — это работа за пределами рабочего дня нормальной продолжительности, то совмещение профессий — выполнение наряду со своей основной дополнительной работы — по другой профессии или специальности в течение рабочего дня нормальной продолжительности» (Литературная газета, 1975, 6 авг.).

Другой подход связан с нивелировкой оттеночных признаков в данных синонимах, что ведет к вытеснению слова *специальность* словом *профессия* из активного употребления. Это — живая тенденция, развитие которой наблюдается в устной речи и на газетной полосе. Вот некоторые примеры, в которых *специальность* оказывается названной профессией: «По профессии я слесарь-водопроводчик» (разговорная речь); «Высшее звено — 4—5-летнее обучение ...профессия — дипломированные секретари руководителей объединений, министерств и ведомств. Среднее звено — от двух с половиной до трех лет обучения... профессия — секретари руководителей небольших предприятий, учреждений, отделов и цехов» (Правда, 1978, 17 июля); «Он по образованию и профессии уролог» (Известия, 1983, 15 апреля); «К сотням профессий, по которым готовят специалистов новосибирские вузы, прибавилась еще одна — инженер-педагог» (Известия, 1983, 18 авг.). Надо подчеркнуть: это не ошибочное словоупотребление, а именно тенденция, развитие которой наблюдается в наши дни. Впрочем, такое строгое разграничение слов *профессия* и *специальность* не всегда можно провести. Ср. устойчивое выражение: *овладеть смежными профессиями* (ведь, строго говоря, речь идет о специальностях внутри одной профессии).

Не случайно поэтому в некоторых толковых словарях современного русского языка, например в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, в слове *специальность* выделяется самостоятельное значение: «то же, что профессия», с примером *по специальности инженер* (см.: Скворцов Л. И. Правильно ли мы говорим по-русски? М., 1980). Об этом говорят также широко и часто используемые словосочетания типа *смежные профессии*, *совмещение профессий*: здесь речь может идти как о смежных специальностях в пределах одной и той же профессии, так и о приобретении кем-либо второй, другой профессии.

Заметим, что усилению активности слова *профессия* не мешает и стилистический фактор: оно, как и *специальность*, общеупотребительно, стилистически нейтрально (в «Словаре синонимов» оба

слова даются без помет), и в этом отношении оба слова противопоставлены в данной синонимической группе слову *ремесло*, которое «употребляется реже, в речи разговорного характера». Первоначально слово *профессия* имело значение «объявление о своем звании, специальности» (лат. *professio*). Но жизненно важным для людей оказался не факт официального объявления о специальности, а сама объявленная специальность, и оно постепенно стало синонимом слова *специальность*.

В производные же соотносительные образования от этих корнеслов синонимические отношения не перешли. Так, лишены семантической общности существительные со значением лица *профессионал* «тот, кто сделал какое-либо занятие, деятельность своей профессией» и *специалист* «человек, обладающий специальными знаниями в какой-либо отрасли науки или техники; мастер в каком-либо деле, знаток в чем-либо», прилагательные *профессиональный* «связанный с профессией, вызванный профессией» и *специальный* «имеющий особое назначение» или «относящийся к какой-либо отрасли науки, техники, мастерства или искусства», отглагольные существительные *профессионализация* «овладение профессией» и *специализация* «определение, установление какой-либо отдельной области в деятельности, в использовании чего-либо». К тому же *профессия* более продуктивно в словообразовательном отношении: оно дало, например, словоформы *профессионализм*, *профориентация*, которые не имеют соответствий от слова *специальность*.

Н. Ф. Шумилов

■ ЧИТАТЬ И ПРОЧИТЫВАТЬ

Читательницу Л. Н. Макогон из Ростова-на-Дону интересует, одинаковы ли по значению глаголы *читать* и *прочитывать*.

Читать имеет несколько значений: воспринимать написанное, произнося вслух или воспроизводя про себя (*читать учебник, читать Пушкина*); произносить, декламировать какой-нибудь текст (*читать стихи с эстрады*); произносить с целью поучения, наставления (*читать нотации*); излагать устно перед аудиторией (*читать лекцию*).

Прочитывать употребляется только в первом из приведенных значений: «Я сам вытаскивал их [письма.— В. О.] и прочитывал по дороге в школу» (Алексин. А тем временем где-то...).

С глаголом *прочитывать* обязательно употребление существительного в винительном падеже: *прочитывать что?*: «Он прочитывает периодические издания, вооружившись ножницами, и выхва-

тывает ими из газет и журналов все наиболее смешное, что попадает на его читательском пути» (Литературная газета, 1983, 2 марта).

Для глагола *читать* тоже характерно такое управление, однако, в отличие от *прочитывать*, он может употребляться и без существительного, обозначая действие, не направленное на какой-либо объект: «И вот я стал читать, сидя на подоконнике, а он уселся на ларе и, прислонив свою голову к моим коленям, слушал...»; «— погоди! Не читай... Скажи, что теперь будет? (Горький. Коновалов).

Когда речь идет о начале действия, как правило, употребляется глагол *читать*: «Выпив чашку чая, Наташа шумно вздохнула, забросила косу за плечо и начала читать книгу в желтой обложке, с картинками» (Горький. Мать).

Прочитывать, наоборот, указывает на завершение процесса, на его заключительную фазу: «Мельком взглянув на стол, где уже были приготовлены почта и отдельно телеграммы с фронтов, он мигом брал именно эту пачку и быстро прочитывал их, так быстро, что казалось, не было возможности даже пробежать взглядом, что там написано» (Товарищ Ленин. Воспоминания, стихи, рассказы. М., 1967).

Кроме того, этот глагол указывает на длительность и повторяемость действия: «С жадностью прочитывала Таня книги, в которых герои, жертвуя собой, бросались в бой за справедливость» (Шолохов-Синявский. Волгины).

Это значение может быть усилено с помощью слов *дважды*, *трижды*, например: «Каждое предложение он прочитывал дважды, чтобы лучше запомнить его».

Глагол *прочитывать* употребляется чаще всего со словами, указывающими на время, в течение которого совершается действие (*ежедневно*, *за год* и т. п.): «Но инспектор уже спрашивал вторую: — „Сколько книг прочитываете в месяц? Есть своя библиотека?“» (Человек и закон, 1983, № 2).

Из примеров ясно, что *прочитывать* имеет более узкую сферу употребления, чем глагол *читать*. Это объясняется более поздним временем его возникновения в русском языке. В произведениях русской литературы XIX века *прочитывать* почти не встречается. Однако в речи наших современников и в книгах советских писателей он достаточно распространен.

В последнее время этот глагол употребляется в публицистике в значении «понимать», «разгадывать замысел»: «... а судейские в своей сцене наденут на них [стулья.— В. О.] белые чехлы. Символ. Омертвление жизни при прикосновении официальной Фемиды. Потом сменится задник с частью картины — парижский бульвар,

суэта, светскость... Все прочитывается, все так» (Литературная газета, 1983, 2 марта). Такое употребление глагола *прочитывать* характерно, с одной стороны, для рецензий, обзоров на темы искусства, с другой стороны, для спортивных репортажей, корреспонденций, например: «Комбинация безошибочно прочитывается защитой противника».

Иногда глаголы *читать* и *прочитывать* употребляются автором в одном и том же отрывке в целях устранения повторов: «Не поднимая головы, он будет внимательно прочитывать слово за словом, изредка заглядывая для проверки то в одну, то в другую рукописную книгу. Но все время, пока он будет читать строку за строкой, перед глазами будет стоять Матвей Башкин, будут звучать его смелые и правдивые слова...» (Овсянников. Ради братьих своих...).

Таким образом, являясь очень близкими по значению, *читать* и *прочитывать* все же несколько различаются по употреблению.

В. Н. Обухова
Донецк

ЕСЛИ ВЫ ПАССАЖИР...

Ответы

1. Правильно: «Скажите, пожалуйста, где продают билеты?»

2. Здесь, пожалуй, две ошибки: «подскажите» и «встает». Правильно спросить: «Простите, Вы не скажете, где „восьмой“ останавливается?» «Восьмерка» для называния транспортного средства — слово разговорной речи, уместное в обиходе так же, как «пятерка, двойка, тройка...» А вот просторечное «однерка», созданное по той же модели, не рекомендуется. Так же, кстати, как получившее распространение прилагательное на «часовалый»: «поезд пяти-, шести-, семи-... часовалый».

3. Правильны оба названия: *талон* и *абонемент*.

Абонемент — это документ, предоставляющий право на обслуживание, пользование чем-либо; *талон* — контрольный листок на получение чего-либо, доступ куда-либо.

Хотелось бы предостеречь от увлечения уменьшительно-ласкательными суффиксами: *талончик, билетик, листочек, абонементик, будьте добреньки*. Так что правильно: «Будьте добры, передайте абонемент (или талон)».

4. Слово *плацкарта* — женского рода. В профессиональном просторечии оно употребляется в мужском роде. В литературном же языке правильно: «У вас, извините, билет с плацкартой?»

5. Глагол *компостировать* (отмечать компостером) имеет две формы совершенного вида: *прокомпостировать* и *закомпостировать*. Именно они — самые корректные, правильные: «Закомпостируйте, будьте добры!», «Прокомпостируйте, пожалуйста!» Но чтобы компостер сделал отметку, по нему необходимо слегка ударить. Поэтому нейтральным будет обращение: «Пробейте, пожалуйста!» Кстати, по нашим наблюдениям, оно употребляется чаще всего, может быть, потому, что слова *компостировать*, *закомпостировать*, *прокомпостировать* трудны для произношения. Легче сказать так: «Передайте на компостер, пожалуйста!».

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 2. «Нашествие». 7. Зотова. 9. Глосса. 12. Лапта. 13. Тукай. 14. Юнона. 17. Вазов. 18. Аршин. 19. Арго. 20. Сюю. 21. Проза. 23. Парни. 25. Кирша. 26. «Беппо». 27. «Налим». 30. Житков. 31. Васков. 33. Разметнов.

По вертикали: 1. «Бесы». 2. Залог. 3. Дикой. 5. Ростов. 6. Есенин. 8. Адуев. 9. Глава. 10. Панегирик. 11. Инфинитив. 15. Извод. 16. «Мшары». 21. Пушкин. 22. Асеев. 23. Попов. 24. Иванов. 28. «Океан». 29. «Исход». 32. Гете.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, И. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *В. В. Беляев, М. Б. Рыбина*

Сдано в набор 12.04.84	Подписано к печати 08.06.84	Т-13310
Формат бумаги 83×103 ¹ / ₃₂	Печать высокая.	Усл. печ. л. 3,4
Усл. кр.-отт. 628,0 тыс.	Уч.-изд. л. 10,4	Бум. л. 2,5
	Зак. 36	Тираж 72940 экз.

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/12. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10